

Эдуард Вениаминович Лимонов (Савенко)

Дед: Роман нашего времени

роман печатается в авторской редакции

© Эдуард Лимонов, 2012–2014

оглавление

- Обращение к читателю
- Задержание
- День первый
- Либеральные
- Герой буржуазии
- Евреи — это египтяне!
- Ка, ба, сах, ах и шуит
- Финальная ночь
- Окаянные дни
- Личная жизнь
- Всемирная слава
- Чёрное дело в ночи
- Триста спартанцев
- Устройство гранаты
- Эпилог

Обращение к читателю

В этой книге сидит в спецприёмнике ГУВД, делает политику, живёт, любит и негодует персонаж, называемый близкими «Дед».

Дед — лидер политической партии, любовник, большой чудак и любитель поразмышлять.

В своей жизнедеятельности он более всего вынужден общаться с грубыми простыми ментами, коварными политическими противниками и с товарищами по партии, охраняющими его.

Охранники самые близкие ему люди.

У Деда есть любимая женщина — «девка» называет её Дед, обращается к ней как к «Фифи», на самом деле у неё другое двусложное имя.

Странный тип этот Дед, менты ему вроде ближе, чем его союзники-либералы.

Читатель обнаружит в книге недавние бурные политические события 2011–2013 годов: бунты рассерженных горожан, «болотные» и другие митинги, политические ошибки и коварные предательства.

Рядом с Дедом читатель найдёт и известных российских оппозиционных политиков: Немцова, Навального, Удальцова и других действующих лиц. У Деда с ними сложные отношения.

Новейшая Российская История живёт и дышит в этой книге.

Всем привет!

Автор

Задержание

1

В два часа дня он лёг спать. У него выработалась привычка, в дни, когда ему было нужно выходить «на арену», он старался выспаться впрок. Мало ли что могло ожидать его в этот вечер, и в последующую ночь, возможно, спать не доведётся совсем, разумно было выспаться. Он взял из шкафа в коридоре большое одеяло и подушку и ушёл в кабинет. Застелился, но без простыни. Вернулся к охранникам.

Двое его охранников сидели в кресле в большой комнате, третий пил чай в кухне.

— Я прилягу, пацаны, попытаюсь уснуть. По старой традиции. Ночь предстоит длинная. Следите тут.

Охранники были новые, однако не настолько свежие, чтобы не знать об этой привычке «Деда» — так они его называли за глаза. Прозвище ему по сути не нравилось, незаслуженно старило его, однако он никогда не выступал с предложением называть его как-то иначе. За глаза есть за глаза, не в его же присутствии. Охранники приняли его сообщение знаками понимания. Мол, нам ясно, ты идёшь спать, иди, «Дед».

В кабинете он накрылся одеялом. Одеяло пахло его девкой, Фифи. Вообще-то девку звали иначе, но он назвал её Фифи, и теперь она всегда будет такой. Как будто он отчасти Бог, он обладал даром и правом называть смертных, как назовём, так и будет. Девка от одеяла пахла душно, крошечным востоком, еврейством, Библией, сосцами библейских коз и немного приторно, как, возможно, пахивают бараньи кишки. «Какие кишки, не фантазируй, — одёрнул он себя, — не фантазируй, «дед», — но всё же вынужден был признать, что душный телесный запах одеяла имеет кишечную основу, под этим одеялом они только что провалялись, спариваясь, все выходные. Ну, оно и пахло их соединением, точнее, пах пододеяльник, и, в сущности, — что есть соединение мужчины и женщины: он проталкивает в её кишку свой «жезл». Кишка, конечно кишка, а что это ещё? Влагалище — не что иное, как кишка...

— Прекратить!— сказал он себе.— А то члена лысого ты так заснёшь. Не заснёшь. Так и будешь медитировать на свою еврейку.

Но она не выходила из его головы, оккупировала область воображения, и не выходила. У него было четыре темы, наиболее часто оккупировавших его воображение: первая она — его еврейка, вторая — политика, третьей были его дети, и четвёртой — создатели человека, семейство Бога. Точнее, не обязательно именно в перечисленном порядке его оккупировали эти темы. Они могли напасть на него все вместе, но то, что они главные — это факт.

Он даже не знал, где она живёт. Он не был уверен, что те немногие куски её жизни, которые она ему добровольно открывает иногда,— правда. Он предполагал, что всё — ложь. Хочет ли он знать правду? «Нет»,— сказал он себе искренне. Она ему очень нравилась, эта Фифи, молодая женщина с телом подростка. Он грыз это тело как старый жестокий крокодил, и она ему нравилась. Иногда ему представлялось, что он нашел её во время погрома, под старыми еврейскими перинами, у неё были косы и, может быть, вши в косах, он отнял её у толпы, чтобы изнасиловать самому. Между тем она...

— ...ард ...инович?— тихий стук в дверь кабинета,— ...ард ...инович!

Он вздохнул:

— Чего?

— Там опера во дворе. Много.

— Сейчас выйду.

Ну да, во дворе, не очень скрываясь, перемещались оперативные сотрудники милиции. За годы своей политической деятельности он научился распознавать их мгновенно. Толстомордые, часто опухшие, нелепо сложенные, нелепо одетые. Фактически их существует два основных типа: мордатые, постарше, заматеревшие от водки и жратвы мужчины и новое поколение: джинсы, курточки, барсетки — оперской молодняк косит и под футбольных фанатов, и под студентов, но выдаёт их прежде всего разбитная наглость. Он называл их «шибздиками».

Охранники сгрудились у окна кухни, выходящего во двор.

— Вот в той машине с затемнёнными стёклами — их пять человек, ...ард ...инович. А вон там дальше, видите,— серебристый форд, их вторая машина. Опера друг к другу в гости из машины в машину шастают. А вот за трансформаторной будкой, видите, скопились милиционеры в форме...

Внезапно ему пришли на память строки из его книги «Дневник неудачника», написанной в баснословном 1977 году: ««Ну что они там, внизу, шевелятся?» — спросил он у прижавшегося к вырезу окна Лучиано. Внизу на далёкой улице задвигались чёрные спины солдат».

Вот и двигаются. Через 33 года. В сказках полагается, чтоб прошло ровно тридцать лет и три года.

Посчитав всех во дворе, они пришли к неизбежному выводу, что их будут брать. Для наружного наблюдения такое количество ментов не необходимо. Все смотрели на него, охранники, что скажет.

— У нас есть другой выход?— спросил он, не то сам себя, не то всех присутствующих спросил.— У нас нет другого выхода. Я должен быть на площади, куда я вызвал людей. Ровно в пять будем выходить.

— Может, дадут добраться до площади?— Фразу произнёс Ананас, молодой человек с тонкой, выбритой бородкой, он работает барменом.

— Маловероятно. Давайте собираться.

И он пошёл утепляться. Так же как и традиция выпасться впрок, утепление было насущно необходимой мерой. Неизвестно, куда попадёшь. В обезьяннике, или куда там ещё поместят, может быть очень холодно. Однажды в ледяную ночь его продержали несколько часов в неотопливаемом автозаке. У него зуб на зуб не попадал, растирал себе безостановочно ноги и грудь. Чудом не заболел.

Он надел помимо двух футболок ещё три свитера, яйца предохранил чёрным трико, подаренным ему непонятно кем и когда, может быть, олигархом из Ростова-на-Дону, натянул две пары носков, на башку надел чёрную шапку с кожаным верхом — память от умершего отца,— шапка из крашеной овчины была старомодна, как головной убор фараона 18-й династии.

— ...ард ...инович,— в дверь протиснулся Панк (у всех были клички, так удобнее),— ...ард ...инович, они заблокировали нашу машину.

Он пожал плечами.

— Ясно. А что вы ожидали?

Панк, худенький, но железный носатый молодой человек, превращавшийся, когда надо, в боевую машину без страха и упрёка, всё же вздохнул. Один раз.

По традиции они присели все четверо. На дорогу, чтобы вернуться когда-нибудь в эту квартиру. Высокий блондин Кирилл, ржаная щетина на щеках, вздохнул несколько раз. И он волнуется. Это понятно. Человек без нервов нежизнеспособен, нервы должны быть.

— Всем внимание! Выходим очень спокойно. Не отвечаем на их агрессию. С Богом!— он встал.

Встали и охранники. Сообщили по мобильному на площадь, что выходят, и что «нас стопроцентно возьмут». Панк вышел из квартиры один и осмотрел подъезд. Нет, в подъезде их не ждали. Согласно инструкциям спустились на лифте вниз. У выходной двери замедлились. Кирилл с рукой у кнопки вопросительно обернулся к Деду.

— Жми!— сказал Дед.

Они сделали только шагов пять. К ним уже бежали со всех сторон милиционеры и опера. Во главе милиционеров приблизился капитан. Деда схватили за руки, обступили.

— В чём дело, капитан? Что случилось?

— Пройдёте с нами.

— Значит задерживаете. А по какому поводу, позвольте узнать?

— С вами хотят провести профилактическую беседу.

— Слушайте, я еду на митинг на площадь. Там меня ждут граждане, которых я туда созвал. Давайте вы проведёте свою беседу со мной после митинга.

— У меня есть приказ задержать вас и доставить.

— Что же, ввиду очевидного вашего численного превосходства и по причине того, что вы обладаете иммунитетом государства, вынужден подчиниться. Мои товарищи вам нужны?

— Нет, только вы.

— Я поеду с вами, я старший группы,— шепчет Кирилл.

— Пацаны, вы можете идти. Сообщите, что нас взяли!

Охранники медлят.

— Идите, хватит двух задержанных.

Неохотно Ананас и Панк уходят из снежного двора. Так следует поступить, пусть и очень хочется поступить иначе. Пассивная роль нас изнушает, но мы ведь ввязались в мирное неповиновение.

— Куда садиться, капитан, где ваш автомобиль?

— Сейчас.

Капитан, видимо, не ожидал спокойного исхода дела, может, даже верил, что политические преступники вообще не выйдут, а если выйдут — попытаются убежать. Убежать нереально, их несколько десятков во дворе. Только одних милиционеров семеро. На рукаве капитана нашивка 2-го оперативного полка милиции.

Во двор вкатывает белый старый автобус. Дед и Кирилл за ним входят в автобус. Милиционеры особого полка рассаживаются вокруг задержанных. Впечатление такое, что они облегчённо вздыхают.

На самом деле Дед тоже облегчённо вздохнул бы. Задержание свершилось! Самая, может быть, нервная из милицейских церемоний.

В автобусе он было вернулся к теме Фифи, пытался понять, почему с таким энтузиазмом грызёт тело этой похотливой женщины-подростка. Уже полтора года он пытался разгадать секрет своей поздней страсти. Его философский афоризм, «совокупление есть преодоление космического одиночества человека, точнее биоробота, каковым является человек», — однако, не помог ему ещё понять, почему эта именно еврейка так его захватила. Он было мысленно провёл взглядом по всем её интимным частям, но капитан стал приставать к нему с вопросами.

— Вы не думайте что мы, милиционеры, не понимаем, что происходит. Я слежу за тем, что вы делаете, и во многом я с вами согласен, — забубнил из темноты капитан. Они быстро ехали в центр города, и яркие витрины магазинов Ленинского проспекта просвечивали сквозь шторы.

— Я достаточно общаюсь последние десять лет с милицией, чтобы понять, что вы — часть народа, — ответил он.

— А как бы вы поступили с нами, приходи вы к власти? — не отставал капитан.

Дед подумал, что капитану, возможно, не безопасно вести с ним подобную беседу в окружении ещё 12 милицейских ушей. Но ему жить, сам должен понимать.

— Я всегда выступал противником люстраций, — сказал он односложно. — Милиция нужна будет при любом режиме...

И замолчал.

На самом деле ему стало уже давно неинтересно вести подобные разговоры с милицией. Когда он только начал заниматься политикой, семнадцать лет тому назад, он как дитя радовался вниманию и сочувствию офицеров милиции и проявленному вдруг по тому или иному поводу их дружелюбию. Однако кульминация отношений с милицией давно позади. Кульминацией явился далёкий осенний день 1995 года, когда в исторический бункер на 2-й Фрунзенской улице явился вступать в партию настоящий живой мент Алексей с настоящим живым пистолетом. Алексей и стал через год его первым охранником. За последующие годы Дед, тогда ещё не Дед, побеседовал с сотнями милиционеров. Он беседовал с ними на воле и в тюрьме, задержанный и не задержанный. Милиционеры ему в конечном счёте надоели. Они просты как мухи. Некоторые даже читали его книги. Ну и что, они всё равно исправно исполняют приказы и поступают с ним согласно приказаниям их командиров.

Когда они доехали до ОВД «Тверское», капитану передали по мобильному, что задержанного следует доставить в ОВД на Ленинском проспекте, то есть ровно туда, откуда они его взяли, недалеко от дома, где он проживал. Повезли. Через жидкие шторы автобуса было заметно, что толпа автомобилей на дорогах поредела. Стремительно приближался водораздел между Старым и Новым годом.

Капитан всё задавал вопросы. Подчинённые капитана всё чаще пользовались телефонами, то им кто-нибудь звонил, то они звонили. Соломенноволосый охранник Кирилл дремал. Дед ответил десятку журналистов, побеспокоивших его в автобусе по телефону. Сообщил, что был задержан прямо у подъезда дома, где снимает квартиру. Сказал, что его везут в ОВД на Ленинском.

Попытался вернуться к своей девке. Как насекомое падал на её тело сверху, опять взмывал и наблюдал её лежачей, и даже влетал ей взглядом под короткую молодёжную юбку, одним словом, пытался бесчинствовать, обонял её и осязал. Но милицейские солдафоны галдели и мешали ему. Один из них потребовал у товарища, чтоб тот открыл окно.

— Ну уж нет, — сказал Дед. — Я простужен. Вы хотите меня угробить?

Мент упорствовал, требуя воздуха. Сошлись на том, что откроют ненадолго, и закроют. Дед надел отцовскую шапку, вдвинул голову глубоко, поднял воротник и кое-как пережил экзекуцию. А тут уже они и приехали. ОВД помещалось за забором, не совсем обычно. Видимо, в новых районах это был типовой проект, в то время как в старых употребляли старые здания.

Им открыли ворота, и они въехали. И стали. Капитан пошёл представляться местным милиционерам. Сопровождавшие высыпали на снег курить. А Дед опять стал думать о своей девке. Повезло мне с ней, с девкой, подумал Дед. Такой кусок девки! Интересно, будет ли она моей последней любовью или будут ещё девки? Природа даровала ему неплохую наследственность, по сути, он мог рассчитывать,

как и его родители, по крайней мере на 86 лет, но он хотел жить ровно до той поры, пока сможет обслуживать себя сам. А дольше не хотел. И вообще, предполагал сам заняться своим концом жизни. Обдумать всё, чтоб никаких сюрпризов.

3

Он такое множество раз бывал в ОВД — в этих милицейских вонючих гнездах, что ничего нового увидеть не ожидал. И не увидел. Он мог бы увидеть генерала, самого главного мента города Моисея, как он издевательски называл Москву, однако ему не дали увидеть генерала. Потому что генерал не хотел, чтобы Дед его увидел. Быть может, генерал лично хотел провести с ним профилактическую беседу о недопустимости участия в несанкционированных митингах, но передумал. Скорее всего, так и было. Генерал Колокольцев уже однажды, ровно год назад, проводил с ним именно вечером предыдущего Нового года такую беседу, случилось это в кабинете начальника Тверского ОВД, как раз туда его подвезли сегодня, но перенаправили в этот, отдалённый от центра отдел. По какой причине перенаправили? Не стоило и гадать даже на эту тему. Причин могло быть множество, одна, или все вместе. Первыми пришли Деду на ум вот такие две:

Хотели удалить от журналистов и сторонников, которые традиционно скапливаются всегда у Тверского, требуя освобождения задержанных.

Имели послушных своих ставленников в ОВД на Ленинском и в местном мировом суде, чтобы осудить наверняка...

Дальше Дед думать не захотел. Ему сказали выходить. Он вышел из автобуса. Кириллу сказали погодить. Встречать его вывалили на снег местные милиционеры. Он молча прошёл мимо них, а они зашептались за его спиной. Он был уверен, что все милиционеры страны знают его в лицо. Возможно, он преувеличивал, но несомненно был недалёк от истины. За 17 лет политической борьбы в оппозиции его узнавала каждая собака.

Войдя в помещение, он привычно увидел два обезьянника, один возле другого, дежурку за стеклом. У двери, ведущей во внутренности отделения, столпились несколько женщин-ментовок в нарядных белых рубашках и галстуках. Женщины-ментовки во все глаза разглядывали его. Все многочисленные жёны Деда были красавицами, последняя по времени, актриса, родила от Деда двоих красивых детей. Дед, судя по всему, должен был интриговать милицейских дам. Видимо, он шокировал их своей отцовской шапкой. В их понимании роковые мужчины (а как же его ещё назвать?) таких шапок носить бы на голове не должны.

Его привели наверх, в милицейский актовый зал, и сказали сесть. В зале висели на стенах плакаты — учебные пособия по обращению с личным оружием, где изображены были менты, стреляющие из пистолетов с одной руки, с двух рук... Висел там кодекс милиционера, и висели фотопортреты главы государства и министра внутренних дел. Он сел спиной ко входу и не снял шапки, потому что в зале было ну очень холодно. Он поблагодарил сам себя за предусмотрительность опытного человека, за предусмотрительность бывалого зэка, за чёрные трико под джинсами, за три свитера и две футболки.

Пришёл приземистый бородач в растянутом свитере и попросился сесть рядом:

— Не возражаете?

— Нет.

— Давно мечтал с вами познакомиться.

«Oh shit!» — досадливо подумал он по-английски. Опять не дадут помедитировать на мою девку, будут раскрывать мне свою милицейскую душу. «Как они все мне надоели», — подумал он. Однако он, рассматривающий свою жизнь как миф, нечто среднее между мифами о Геракле и мифом об Одиссее, понимал, что так нужно, нельзя же чтоб совсем безлюдно, все эти персонажи стражников и легионеров так же нужны в драме, в трагедии его жизни.

Бородач был из оперативного отдела ОВД. Признался, что раньше работал в Центре «Э», то есть занимался тем, что выслеживал активистов оппозиции.

— В том числе занимался и вами и вашими сторонниками. Я почти все ваши книги прочёл,— признался бородач.

Дед пытался в это время нащупать в воображении свою свежую чудесную любовницу, вспоминал, как она любит, проснувшись, прыгать стоя на кровати, о тонконогая!— а тут тебя отвлекает прокуренный тип в растянутом свитере...

Бородач забрал его в свой кабинет, где, слава Богу, было тепло. Они вознамерились снять с него отпечатки пальцев. «Они», потому что в кабинете находилась ещё ментовская дама. Отпечатки его имелись в нескольких отделениях в городе Моисея, имелись в Петербурге, в нескольких европейских странах и в Америке. Отпечатки его можно было получить в мгновение ока из их ментовского компьютера, Дед был уверен в этом. Но они хотели, чтоб он понервничал, покричал, отказался бы, а им пришлось бы его заставлять. Потому Дед только усмехнулся и сказал: «А чем обмыть пальцы, хозяйственное мыло-то у вас есть?» Бородатый был готов, как показалось Деду, отменить дактилоскопию, ведь Дед не разозлился, но не отменил. Дама аккуратно накатала валиком его пальцы и оттиснула на их сраных формах.

— Детям буду рассказывать, у кого пальчики катала,— с придыханием сказала она. Бородач указал на раковину с горячей водой, дал губку и мыло. Эти типы были из тех, что повесят тебя по приказу, но благоговейно будут хранить верёвку, на которой повесили.

После дактилоскопии дама сфотографировала его у рейки в профиль, фас и полупрофиль. Вот это уже ему не понравилось.

— К тюрьме, что ли, подготавливаете?— спросил он.

— Как скажут. Будем надеяться, что нет,— вздохнул бородач.

— А что, «фабулу» ещё не прислали? В чём сегодня обвинять будете? В убийстве?

— Нет ещё,— честно ответил бородач.— Не прислали ещё. Ждём.

«Фабулой» на милицейском жаргоне называется лживый текст милицейского рапорта, который следует скопировать задержавшим нарушителя милиционерам. «Фабулу» присылает начальство. В моём случае, подумал Дед, фабулу наверняка сочиняют в Администрации Президента. Или нет?

Его отвели обратно в зал. Там было так же холодно. Пришла в брюках, лёгкой жилетке и шёлковой рубашке тощая блондинка, села неподалёку и углубилась в кипу подшитых бумаг. Когда блондинка стала задавать ему вопросы, он понял, что это его уголовное дело.

— По какой статье вы были осуждены?

— 222, ч.3.

— Какой срок приговора?

— Четыре года. А в чём дело? Я своё отсидел, вышел условно-досрочно.

— Да нет, ничего. Мы и не подозревали, что у вас были такие статьи: организация вооружённых формирований, терроризм.

— В ходе судебного процесса эти обвинения не нашли подтверждения, не было достаточно доказательств. А вам не холодно?

— Я привыкла. А кто у вас был адвокат?

Ему и это не понравилось, как и фотографирование в трёх ракурсах. Хотя он понимал, что его пугают.

— А где правонарушители и преступники? Это что, из-за меня всех нагнали в шею?

— В каком-то смысле да. Сам начальник ГУВД был, ну мы старались не упасть лицом в грязь. Новый год, а мы тут сидим из-за вас.

— То-то у вас и запахов нет. Обычно ОВД воняет.

— Мы пока воняем слабо. Не старые ещё стены у нас.

Блондинка ушла с папкой вместе. Он подумал, что от этих уродов всего можно ожидать. Могут и старое дело открыть по вновь открывшимся обстоятельствам.

4

Пришёл майор и принёс прошитое дело.

— Читайте.

И стал рядом, ожидая. К нему присоединилась милицейская женщина.

Он стал читать нудные милицейские бумаги. Его обвиняли по ч.2 статьи 20.2. Статья эта — обещала, насколько он помнил, лишь штраф. Но когда он дошёл до показаний двух свидетелей — милиционеров 2-го оперативного полка, двух из семи, которые брали его у подъезда и ехали с ним в автобусе, он остолбенел от наглости обвинения. Его обвиняли, будто бы он, стоя на Ленинском проспекте, ругал нецензурными словами прохожих. Некая женщина якобы вызвала милицию, и патруль 2-го оперативного полка, дежуривший почему-то неподалёку, приехал. Он, Дед, встретил патруль нецензурной бранью, и когда ему предложили пройти в милицейский автомобиль, он сопротивлялся патрулю физически, отталкивая их. Так и было написано: «оказал сопротивление». Это сопротивление прямоком могло завести его в Уголовный кодекс, в статью, кажется, 318-ю, по которой можно было так простенько получить несколько лет за решёткой.

— Вот подлецы!— сказал он вслух.— Всё ложь!— при этом он поднял голову на майора. И на милицейскую даму в чине лейтенанта. Те посмотрели на него глазами животных. Вдруг стало понятно, что в зале очень холодно, что власть не шутит, и никогда не шутила, и что она способна достать и его, Деда, человека опытного, закалённого годами тюрем.

Если бы он был молодой человек, он бы взорвался криками негодования. Он же ограничился тем, что написал в объяснении: «Всё ложь!», и ещё прибавил пару строчек. Отказался от дачи показаний согласно статье 51-й Конституции Российской Федерации.

Майор сложил свои бумаги и сообщил, что сейчас они поедут в суд. Видимо, они торопились осудить его до наступления Нового года. На некоторое время он остался один, если не считать опера с видеокамерой. Опер снимал его только что, читающим милицейские бумаги, и остался где-то за его спиной. Дед подумал было, что нужно обернуться и посмотреть на опера, но не стал. Вместо этого он принялся вспоминать своих маленьких детей. «Червячки любимые» в его воображении явились красивыми и грациозными, как в жизни. «Они как свежие цветочки»,— подумал он. Некоторое время он любовно рассматривал своих деток, плавающих в его воображении. Это занятие показалось ему очень уместным за несколько часов до Нового года. Дети-ангелы должны являться своим отцам красивой картинкой под Новый год.

Внизу в коридоре он встретил и словоохотливого капитана 2-го оперативного полка и его подчинённых. Двое из них: тучный брюнет с украинской фамилией, заканчивающейся на «о», и худосочный блондин из бедной деревни во Владимирской области. Капитан был мрачен. А лжесвидетели мялись и глупо улыбались, как школьники.

— Эх вы, ребята!— сказал Дед.— Зачем неправду написали? Совести у вас нет.

Они даже не ответили ему какой-нибудь мерзостью. Не послали. Не заорали вызывающе, что-нибудь вроде «Молчать! Задержанный!». Они улыбались, отводя глаза, как нашкодившие тупые школьники. И капитан, распинавшийся в автобусе, когда везли Деда сюда, молчал. Он уже не мог претендовать на принадлежность к той же группе человечества, что и Дед. «Вот тебе, бабушка, и общечеловеческие ценности. Вот тебе, капитан, ваше истинное лицо, а то присоединился»,— подумал Дед. И вдруг неожиданно добавил для себя: «мент поганый». Он ведь недаром отсидел несколько лет и встретил за решёткой несколько Новых годов. Какая-то часть его стала з/к. Пишется как дробь, з/к.

В автобусе все молчали. О чём он мог с ними говорить теперь, когда они дали на него ложные показания. Ему и до этого не о чем было с ними говорить.

Они прикатили в суд, нарушая все правила движения. Видимо, был такой приказ. За автобусом ехали ещё менты из отделения. На своей машине. Командовал ментами из отделения психопатичный подполковник в коротком кожаном пальто с воротником того же каракуля, что и папаха. Им открыл дверь ленивый толстый пристав в бронежилете, и всей толпой они пошли по лестнице вверх. Нигде не было ни души. Только он, Дед, и свора вооружённых людей в форме.

5

Пришли в коридор со многими дверьми. В нормальное время тут, без сомнения, кипела судебная жизнь, сновали секретари суда и судьи. Жались по лавкам обвиняемые и свидетели. Дед сел на лавку и снял отцовскую шапку, потому что в суде было тепло. Посидев пару минут, он встал и подошел к стенду, где вывешиваются объявления. Ему хотелось понять, куда его привезли, что за участок, кто судья...

Не тут-то было. К нему уже летел психопат-подполковник.

— Сядьте! Сидите и ждите!— закричал подполковник. Он снял папаху, как Дед свою шапку, и под папахой оказался брит и лыс. Подтверждая полковничий крик, один из милиционеров с измождённым лицом двинулся на Деда, сигнализируя Деду телом, чтоб садился.

— Вот психи!— сказал Дед и сел. И стал думать, отчего они такие психованные. И пришёл к выводу, что в психопатию их ввёл главный мент города Моисея/Моше — генерал Колокольцев, приезжавший подготовить его, Деда, визит к ним. «Ты, старый,— сказал себе Дед,— не забывай, что ты числишься главным смутьяном России. Менты ведут себя как психи от страха. Боятся, что сделают что-нибудь не так. Ну, посуди сам, у них была в их отделении размеренная ментовская жизнь, был последний день перед Новым годом, они уже к салатам оливье и к жирным жёнам собрались, все кроме несчастливых дежурных, и тут пожалте, прилетает самый главный милицкий генерал города Моисея. Буквально стрелой, видимо, пронзил весь город кортежем генерал с упитанными щеками. Стоять! Как стоите!— чтобы им проорать инструкции.

Пока он ехал (всё же через город Моисея не быстро проехать даже ему), они срочно выгнали всех задержанных хулиганов, дебоширов и алкоголиков на улицу. Вот кому повезло! На улицу, чтоб не воняли! Перед этим заставили их быстро-быстро подметать и мыть полы. Менты достали из шкафов белые рубашки, шеи в галстуки, перегар перешибли одеколонами, и стали, глаза навывкате. А генерал, я думаю, напрямик прошёл к начальнику отделения, возможно, к этому психованному подполковнику, на хрен ему, генералу, в их не подметенные углы соваться. Подполковнику генерал устно сообщил, что от него требуется.

— Сейчас к тебе привезут Деда, подполковник. Дед — главный смутьян России, пользуется огромным авторитетом и доверием, имеет влияние. Его надо оформить на высший срок по КоАПу, суд предупреждён. Напугать Деда не напугаешь, он тёртый калач, но своё слово я должен сдержать. Я лично обещал оппозиции наказание за митинг в новогоднюю ночь по всей строгости закона. Вот и получают по всей строгости, Дед в первую очередь. Однако вести себя с ним следует вежливо и осторожно. Никаких излишеств. Строго по закону».

Его повели в зал суда. Так быстро, что он не успел дочитать фамилию судьи на дверной табличке, успел первые три буквы прочесть: «НЕУ...» Ну?

Зал был небольшой, и жёлтый от ночного света. Он сел на лавку. Разместились в зале и милиционеры. Получилось, что в зале нет ни одного гражданского. Прямо как у какого-нибудь Пиночета, под фашистским режимом суд. Подполковник-псих, впрочем, остался за дверьми.

Он стал звонить своим адвокатам. Оказалось, найти в новогоднюю ночь адвоката в городе Моше/Моисея так же нелегко, как не простреленный дорожный

знак на улицах Кабула. Главный его адвокат, бывший его защитником на процессе, где он получил четыре года вместо четырнадцати,— был в Таллине. Ещё один адвокат, Тарасов, старый кадр, бывший следователь по особо важным делам, улетел в Париж, по приглашению бывшего клиента — вора в законе. Третий жил в подмосковном городе, и с испугом сообщил, что раньше второго числа никуда не выдвинется. Четвёртый согласился приехать, однако вот незадача, после нескольких фраз, которыми Дед и адвокат обменялись, сел аккумулятор мобильного телефона и телефон погрузился во мрак.

Дед стал ругать себя последними словами за то, что не озаботился зарядить телефон перед митингом. Заплатить за телефон он озаботился, утеплился, очистил карманы, не пил много жидкости (чтоб не проситься лишний раз у ментов в туалет), а вот зарядить телефон не догадался. Единственное оправдание, которое он себе позволил,— мысль о том, что батарея аккумулятора в телефоне работала на него уже несколько лет, и телефон стал подавать предупредительные сигналы, квакать, что он разряжен, только за пару часов до самоотключения.

Вошла старуха в шубе. Старая еврейка. И тотчас вошёл судья. Все встали. Судья был лыс, у него был дегенеративного типа череп, полные губы быстро и твёрдо выговаривали твёрдые фразы. По правде говоря, судья был как персонаж американских дьявольских триллеров, с таким личиком он мог претендовать на главную роль Люцифера, этот судья. У судейских, подумал Дед, у судей, прокуроров и следователей вообще ярко-неприятные античеловеческие лица. Он вспомнил «своего» следователя ФСБ Шишкина по уголовному делу №171, у того был вид зловещего анемичного Щелкунчика.

— Подсудимый,— сказал судья,— суд назначает вам адвоката.— При этих словах старуха встала, он назвал её фамилию, имя, отчество, что-то вроде Гольдберг или Гольденберг. У старухи было синюшное, полумёртвое лицо, и шуба выглядела облезлой.

— Я не хочу вашего адвоката,— сказал Дед.— Я ей не доверяю. У меня есть свой. Будьте добры позвонить ему и пригласить.— Он назвал номер четвёртого адвоката.

Судья недовольно сморщился, но энергично вышел в свою комнату для совещаний. Тотчас вернулся.

— Телефон не отвечает. Начинаем процесс.

— Позвольте,— сказал Дед.— Я хочу воспользоваться услугами моего адвоката и хочу пригласить моих свидетелей.

— Телефон вашего адвоката не отвечает. Ваши свидетели явились?

С таким произволом Дед ещё не сталкивался. Его судили административно раз четырнадцать или пятнадцать, или семнадцать?

— Как по-вашему, я что, вожу с собой свидетелей в милицейском автобусе? Когда бы я успел их вызвать?

Судья уже читал быстро-быстро текст его прав и обязанностей и спросил, что он имеет сказать. Дед, разумеется, встал.

— В 16 часов я и товарищи, находившиеся со мной в моей квартире по адресу (он назвал адрес) заметили, что во дворе скопились как оперативные работники, так и милиционеры в форме. Я связал их присутствие с тем обстоятельством, что я готовился отправиться на митинг на площади (Дед назвал площадь), куда мы собираемся традиционно вот уже два года, дабы отстоять свободу собраний. В 17:02 на выходе из подъезда дома, где я снимаю квартиру, я был задержан милиционерами 2-го оперативного полка милиции. Заявляю, что при задержании лозунгов не выкрикивал, нецензурно не выражался. Сотрудники милиции сообщили мне, что меня задерживают для того, чтобы провести со мной профилактическую беседу о недопущении проведения несанкционированных митингов. Я спокойно прошёл с ними в автобус и был доставлен в ОВД, что на Ленинском проспекте. Свидетелями задержания с моей стороны были четыре человека. Прошу отложить процесс и дать мне возможность вызвать свидетелей и воспользоваться моим адвокатом.

Монстр-судья и бровью, как говорят, не повёл. Он вызвал одного за другим милиционеров-свидетелей. Первым вошёл тучный сержант с хохляцкой фамилией на

«о». Он повторил, запинаясь и потя (в зале стало жарко, адвокатша расстегнула свою шубу), лжесвидетельские показания, «фабулу», сочинённую вверх, вероятнее всего в самой Администрации Президента. Ну, на худой конец, генералами ГУВД.

— Ложь!— воскликнул Дед.

— У вас есть вопросы, обвиняемый?

— Есть. Скажите, свидетель, каким образом вы оказались на Ленинском проспекте? Рутинное дежурство на городских улицах не входит в обязанности 2-го оперативного полка. Само название вашей части говорит о её употреблении в особых случаях. Что вы делали на Ленинском проспекте?

Тучный сержант задумался и со скрипом выдал ответ.

— У нас был приказ патрулировать на Ленинском проспекте.

— Хорошо. Скажите, свидетель, как я вам сопротивлялся?

— Вы нас отталкивали, вы шли на нас и отталкивали, и ругались нецензурной бранью.

— И последний вопрос. У вас совесть есть, свидетель?

— Не оскорбляйте свидетеля, обвиняемый,— сказал судья.

Второй свидетель. Лысоватый молодой блондин из деревни во Владимирской области (Дед, впрочем, не знал, откуда он на самом деле, но придумал себе, что из Владимирской. Такие худосочные рождаются только там, убедил себя Дед) повторил ту же «фабулу». Дед не стал его спрашивать, есть ли у него совесть. Дед понял, что совесть — понятие старомодное, годное к употреблению разве что для таких людей, как он сам, родившихся в конце Великой Отечественной войны, и то не для всех.

— Послушаем мнение защитника.

Гольдберг или Гольденберг сказала, что, с одной стороны, её подзащитный, то есть Дед, дал показания, что не бранился нецензурной бранью, но, с другой стороны, два свидетеля милиционера утверждают, что он бранился, и у неё, Гольдберг/Гольденберг, нет оснований не доверять показаниям милиционеров.

Дед вздохнул. Старая женщина исполнила нехитрые обязанности «кивалы», как говорят эки, то есть соглашалась с судом, для того её и держали и подкармливали в этом суде. Жила она, по всей вероятности, совсем рядом, её вызвали, чтобы она, сидя в облезлой шубе и шапке, символизировала «законность» процесса, намекала бы на его соревновательный характер. На деле боязливая старая еврейская женщина символизировала бессилие и покорность.

Судья, перелистав документы и назвав их, спросил, не хочет ли обвиняемый что-либо добавить.

— А чего тут добавлять,— сказал Дед преспокойным тоном.— Нечего добавлять. С вами мне всё ясно.

Судья сказал, что он удаляется, для того чтобы вынести решение. Было уже без четверти десять вечера 31 декабря, потому что именно это время показывали часы на стене.

Дед оглянулся. На самой задней скамье сидел капитан 2-го оперативного полка. Лицо у него было невесёлое. Человек был явно недоволен и собой, и происходящим. По всей вероятности, ему дали приказ поехать и задержать. Дед знал командира 2-го оперативного полка, полковника. Друзьями Дед и полковник быть не могли, однако когда Деда задерживали на самой площади, его последние несколько раз задерживал этот полковник. Если посмотреть на фотографии задержаний Деда на площади, их в Интернете множество, то полковника можно обнаружить рядом, держащегося за Деда. Полковник, впрочем, был спокойным типом, во всяком случае по отношению к Деду. Хотя иной раз ситуация выходила из-под контроля. Как, например, 31 октября, когда Деда насильно тащили на чужой митинг. Вниз головой. Уронили на асфальт. Есть фотография его на асфальте, над ним как на картине «Пьета» (по-видимому, по-итальянски значит «оплакивание») наклонился, прикрывая его собой, старший охранник Михаил. Впрочем, точнее — товарищ по партии. Дед называл охранниками товарищей по партии, охранявших его.

Да, капитан недоволен. Ему дали приказ, но, видимо, не предупредили о таких деталях, как лживые свидетельские показания. Одно дело просто задержать, а вот лживые свидетельские показания, на основании которых этот известный всей стране человек в старомодной шапке отправится под арест — это уже другое дело, неловкое какое-то, нехорошее. Сам капитан устранился от лжесвидетельствования, но солгали его подчиненные. Дед подумал, что капитан, вероятнее всего, пинает себя за то, что вёл с ним почти дружеские разговоры в автобусе после задержания. Если бы капитан молчал, всё бы сейчас выглядело по-иному.

Он сказал, что ему нужно в туалет, и его с поспешной готовностью отвели туда давшие лживые показания свидетели. В коридоре он увидел Кирилла, тот весело сидел на лавке. Кирилл крикнул ему, что его будут судить после Деда.

Вернувшись в зал, он сел поудобнее и стал нежиться в жаре. Понимая, что, по-видимому, суд — это единственное место, где жарко, и впереди подобной жары не предвидится.

— Вам не жарко? Вы бы сняли пальто,— обратилась к нему Гольдберг или Гольденберг. Сама она сняла шапку и расстегнула шубу.

— Пар костей не ломит,— ответил он односложно.

И подумал, что адвокатша наверняка живёт одна в крохотной, пыльной, заставленной старой мебелью квартире, где у неё есть старая кошка. И вонь от этой кошки пронзает лёгкие всякого, кто приходит к старухе. А, впрочем, никто и не приходит. Муж её давно умер, дети уехали в Германию, на окнах у неё три ряда штор, потому света минимальное количество, отсюда у старухи такая синюшная старая кожа лица. И он погрузился в жару и стал выбирать тему для медитации: дети либо девка Фифи. Выбрал девку.

6

Тоненькая фигурка рослой девочки-подростка, большие восточные глаза цирковой лошади пони, чуть вздёрнутый нос, жёсткие чёрные волосы как у кобылки, с недавних пор стриженные в «каре», неутомимость в постели и вне постели. Вначале он сравнивал её с козочкой, потом стал сравнивать с кобылкой...

— Ну как же так долго!..— вздохнула Гольденберг.

— Последний раз судья выносила решение три часа.

— Три часа?!— плаксиво сказала адвокатша.

— А вы идите, чего вам, Новый год скоро...

— Я не могу, я дежурный адвокат,— Гольденберг произнесла эту фразу с важностью.

Надо же, она ещё и гордится собой. Дежурный адвокат!

...Фифи к тому же чужая жена. У неё есть неразведённый муж. По её словам, они живут отдельно, однако пару раз он натёкался на мужской домашний голос в её телефоне. Домашний, имеется в виду, что такой спокойный, не тревожный, владелец такого подразумевается в тапочках и имеет право находиться с её телефоном в руках. Фифи говорит, что у них приятельские отношения. А там черт её, Фифи, знает. Женщины часто врут для удобства мужчин. Они не хотят отягощать наше сознание своими проблемами. Молодые самцы этого не понимают и воспринимают женскую ложь как оскорбление. Это неверно. Фифи лжёт?..

— Я одиннадцать лет в органах. Хочу уйти, устал... Бу-бу-бу. Молодёжь, которая приходит... Бу-бу-бу-бу. Я дважды был в Чечне... в командировках...

Вынырнув из своей жары, Дед слушал теперь обрывки разговора между измождённым лейтенантом и адвокатшей Гольдберг/Гольденберг. Ну конечно, он

был в Чечне, откуда ещё можно вывезти такое лицо, где ещё можно такое лицо приобрести... Лейтенант изображал усталого милицейского Гамлета, но адвокатши ему было мало. Он метил в него, в знаменитого человека, в VIP-персону, хотел задеть как-то.

— Наша интеллигенция не понимает, что мы в милиции делаем грязную работу и рискуем жизнями. Я потерял лучших друзей... Вот он, что он знает...

Дед знал всё. В нем было столько опыта, что лейтенант с его Чечней и милицейскими буднями был как младенец рядом с чёртом. Он кашлянул и, неожиданно для себя, сказал:

— Вы на одной войне были. А я на пяти. И я не интеллигенция. Я на заводах работал.

В зале стало тихо. Милиционеры, негромко галдевшие до этого, замолчали.

— Я и в Сербии воевал. И в атаки ходил несколько раз.

— Ну и что эти сербы ваши, рыпнулись и получили по голове,— сообщил лейтенант. Из ответа стало ясно, что он неприятен лейтенанту, но он пнул сербов, чтобы не пинать его.

Дальше можно было с ним не разговаривать. Такой говнюк не стоил даже реплики. Но Дед всё-таки добавил:

— 12 миллионов сербов не могли победить коалицию из 27 стран. Но они храбро сражались. Не чета нам, отдавшим без выстрела полстраны.

И он ушёл опять в свою жару. И не реагировал более на бесноватого лейтенанта. Бывают такие говнюки.

Судья появился в одиннадцать без минут. Он был всё так же зловещ и средневеков в своей чёрной мантии. Судья дал ему пятнадцать суток ареста. Ему выдали постановление суда. И повели уже в автомобиль ОВД, потому что он теперь числился за ними. Он успел сказать Кириллу, сколько ему дали. Лейтенант на переднем сидении, его повезли в ОВД.

По дороге лейтенант пытался продолжить беседу, но Дед не поддержал болтовню этого психа. Тогда псих (они уже въехали во двор ОВД) зло сообщил ему, что это из-за него он вынужден торчать на работе, он бы уже пил шампанское с семьёй, да ещё генерал из-за него приезжал, мы тут все из-за вас на ушах стояли...

— Я, как вы наверняка понимаете, к вам сюда не стремился. Я прописан на территории Тверского ОВД. Меня у вас тут спрятали, чтобы журналисты и сторонники не нашли.

В отместку лейтенант обыскал его в дежурке. Приказал вытащить из карманов всё, что есть, и выложить. Но забыл, лопух, и про поясной ремень, и цепочку не изъяс. Шмон его был фальшивым, как и он сам, милицейский Гамлет. Чтобы унижить знаменитого человека, врага государства.

А враг государства был такого масштаба восточным философом, что их муравьиные игры были для него просто смешны. Он сидел в теле Деда и потешался над выводком ментов, наблюдая без интереса, как двуногие проявляют свои примитивные инстинкты. Они посадили его в кованого железа обезьянник. Обезьянник был слеплен из лоскутов железа, словно его сделал грузинский скульптор, какой-нибудь хитрый Церетели (а может быть, так оно и было? Получил от мэра подряд на изготовление обезьянников для московских ОВД?). Сидеть на виду у всех в железной клетке — удовольствие не из приятных. Однако там имелись такие цилиндрические радиаторы с горячей водой, и он с удовольствием прислонил к ним спину. Дед любил жару, ненавидел снег, белый цвет и холод лютой ненавистью. Если бы он мог, он бы их запретил: и холод, и снег, и белый цвет. Все эти три есть три измерения смерти, небытия, так верил Дед.

Ещё Дед активно не любил Город Моше/Моисея/Мозеса — Москву/Мокшу. Жил он здесь исключительно по служебной необходимости. Здесь, потому что это столица государства, здесь находилось его место: здесь он воевал, его фронт находился здесь. Его долг, а чувство долга было в нём развито не менее, чем похоть, долг требовал от него находиться здесь. Вот он и терпел, и допускал, что ему придётся здесь и умереть. Хотя допускал без особой охоты.

Привезли Кирилла и посадили в соседнюю клетку, отделённую лишь полосами железа. Суд над ним перенесли на завтра, судить его будет тот же судья, фамилия которого начиналась со слога НЕ... Но судья взял себе перерыв на новогоднюю ночь.

Привалившись каждый к своему радиатору, они стали разговаривать. На Кирилла дали показания два других солдафона из 2-го оперативного полка. Его тоже обвинили в нецензурной брани и в сопротивлении милиции. Он бранился у того же самого дома, что и Дед. Вот только получалось, что они друг друга не видели. Бранились и сопротивлялись в одно и то же время, но в рапорте на Деда не упоминался Кирилл, и в свою очередь у Кирилла в его протоколе задержания не упоминался Дед. Власть упоенно лгала, не заботясь о правдоподобии. При царях солдат гоняли через строй и секли шпицрутенами. Вот бы восстановить такую практику для солдат 2-го оперативного полка...

7

Пришёл новый, может быть, дежурный, или старый, но доселе он не показывался, чуть ли не всплеснул руками, воскликнул: «Как же так можно!», и Деда вынули из обезьянника. Его провели вглубь ОВД, дежурный открыл ключом дверь, и Деда посадили в камеру с деревянным настилом, знаменитые в народе «нары».

В камере было не холодно, и уже за одно это качество он принял камеру дружелюбно. Отлить он отлил в суде, нужд у него на время не было, потому он сел на нары, привалился к стене и блаженствовал. Бывалый старый зэк. Что человеку нужно? Чтоб не холодно было, чтоб в туалет не хотелось, «чтоб милиционеры не били». Его девка ушла от него 29-го утром, похоть потому его не мучила.

Он же выспался, потому и не стремился заснуть. Ясно, что теперь, когда есть судебное решение, его должны отправить из ОВД отбывать арест в спецприёмник на Симферопольском бульваре, вряд ли куда ещё. Вот когда это произойдёт, было неясно... В камеру к нему глухо доносилось хлопанье дверей, голоса и даже запах тёплого теста? Пирог?

Да, вспомнил он, уже ведь двенадцатый, видимо, час, менты, наверное, озаботились пирогом. Да и выпьют втихаря по рюмке-другой... Новый год. А мне что Новый, что старый. Нам, татарам,— дело в том, что он был отчасти татарин.

В сером кубическом пространстве можно развивать воображение, ничто не отвлекает, не сбивает. Дед стал вспоминать свой прошлый арест.

Прошлый раз, тогда ему дали десять суток ареста, он сидел, ждал отправки в спецприёмник в Мещанском ОВД. Из уважения к столь значимой персоне — пусть оппозиционный, но политик — очень известный человек, его подсунули в комнату к дежурному. Дежурный, вообще-то он был участковый, лысый капитан под сорок, тяжело дышал и выглядел удручённым. Он уже создал 27 протоколов, а был только второй час ночи, и его ожидала лошадиная работа составления протоколов на 17 вьетнамцев, ещё на 6 торговков и 6 студентов, распивавших пиво в общественном месте, то есть на улице. А там ещё далеко до утра. Будут ещё задержанные.

Старый капитан обильно потел, кряхтел, чертыхался. Дед сидел на дряхлой лавке, повернутой к капитану в три четверти. Дед был в тот раз, как и сегодня, в чёрном своём бушлате, якобы american desk jacket, а на самом деле изготовленном в каком-нибудь штате Юнань, Китай. Ибо в наши времена ВСЕ изготавливают китаёзы.

Дверь в коридор была открыта, из расположенного напротив туалета (о, садист архитектор) мокро несло мочой всех задержанных вместе. Наблюдательный над жизнью Дед давно опытным путём сообразил, почему воняют общественные туалеты, сколько их ни чисть. Они воняют от смешения разных мочей (наверное, всё же «разной мочи»), даже если это моча вашей любимой женщины. А там была ещё и вьетнамская моча. Вьетнамцы, как зомби или сомнамбулы, с прорезанными на лицах вечными улыбками, прошкандыбивали много раз мимо Деда и дежурного. В

довершение всего туалет ещё был затоплен до уровня ботиночных завязок. Добрая душа набросала, впрочем, кирпичей в это море. С рук Деда тогда, как и сегодня, в Мещанском скатали отпечатки пальцев, и ему пришлось, балансируя на кирпичах, отмывать пальцы и ладони.

Капитану позвонили. Продолжая писать, капитан отрывисто отвечал.

— Не знаю... Не могу ещё сказать... Нет... Понятно... нет... Ну почему я знаю...— и, наконец, сорвался в крик: — Мне ещё семнадцать вьетнамцев оформлять, мама, шесть торговков, шесть пьяниц...

В ответ, слышно было, мелким бисером наносил капитану уколы в ухо женский голос.

— Да,— сказал капитан измученно и выключил мобильник.

— Мать,— пояснил он Деду,— к обеду ждала. А меня запрягли. Они на нас как хотят, так и ездят. Штаты сократили, дежурить некому, вот буду здесь сидеть до утра. А я участковый, у меня сегодня встреча с гражданами была объявлена, вот придут, скажут, сбежал участковый или напился участковый... А я в этом говне...— он развел руками.— Сижу, вонь нюхаю.

— Почему не вызовут сантехника, тоже сократили?

— Ну да, а вы что думаете. Один сантехник на квартал. Зарплату прибавляют, но работать-то некому.

— Чего это он на нас так смотрит? Гипнотизирует?— Дед имел в виду загадочного вида нерусского мужика, интенсивно впялившегося глазами в дежурку и её содержимое, то есть в Деда и капитана. Нерусский находился в обезьяннике с редкими толстыми прутьями, а стена дежурки была с той стороны плексигласовая.

— Узбек-дворник, напился, теперь отходит. Начальницу ДЭЗа всеми непотребными словами называл, трезвеет, переживает, что выгонят, а у него четверо детей. Не выгонят, думаю, работник он хороший, и не пьёт, первый раз нажрался. Наши, русские, его сбили.

И все-таки он их гипнотизировал. Может быть не Деда, но капитана. Чтобы капитан, как зомби из фильма, подошёл к обезьяннику и огромным ключом отпер ржавый замок и выпустил бы узбека на свободу. Узбек верил в их, узбекское, вуду?

Привели ещё семерых вьетнамцев. Весёлый милиционер в расстёгнутом тулупе с пистолетом, сдвинутым под толстый живот, бросил в дежурку стопку взлохмаченных бумаг и три паспорта:

— Держи, Михалыч!

Дежурный застал, встал и присовокупил вновь прибывшие бумаги к уже лежавшим на железном шкафу.

— Итого двадцать четыре. На всех шесть паспортов.

— Вы по-вьетнамски понимаете?— спросил Дед.

— Нет, конечно.

— А как вы будете их оформлять? Перерисовывать иероглифы?

— Как-нибудь. По русским регистрациям, у кого есть.

Между тем весёлый милиционер с пистолетом под животом запустил вновь прибывших вьетнамцев в обезьянник, где уже находились семнадцать их собратьев. Вьетнамцы приветствовали друг друга весёлым дружелюбным ропотом. Они так ладно и аккуратно расположились в своём обезьяннике, женщин посадили на лавку в глубине обезьянника, а мужчины все разместились шеренгами на корточках. Вьетнамцы были ярко одеты, как школьники, и такие же миниатюрные.

— Порядок у них, как в хорошем муравейнике,— сказал Дед.

— Да уж, этого не отнимешь,— сказал капитан, продолжая писать,— не то что наши.

— Я вижу, вы одно и то же на каждого пишете в трёх бумагах. Что, никто не догадается рационализировать труд, создав одну бумагу вместо трёх?

— Это было бы разумно,— согласился дежурный.— Но им же надо, чтобы мы мучались.

Дежурный оформил троих студентов, распивавших пиво на улице. Студенты по очереди проходили в дежурку, лицом к капитану, боком к Деду. Дежурный отбирал у них паспорт, писал протокол.

— И что им грозит?

— Штраф им выпишу, пойдут в банк, заплатят. Отпущу.

— Зачем вы всем этим занимаетесь?

— Велено,— сказал участковый,— велено, и занимаемся.

Потом дежурный стал оформлять торговков, которые до этого слонялись по коридору и причитали или собирались в группу и жаловались друг другу. Дед понял, что их взяли с угла улицы Сретенки и Садового кольца, где они обыкновенно торгуют.

— Аксёнова Надежда,— выкрикнул дежурный, и в дежурку протиснулась женщина с обветренным красноватым лицом, одетая в тёплый костюм лыжника.

— Ага,— сказал дежурный,— с каких это пор, Настя, ты стала Надеждой?

— Гы-гы,— осклабилась женщина.

Дежурный между тем заглянул в потёртую бумагу, поданную женщиной вместо паспорта. И заулыбался.

— Ты теперь у нас родилась в деревне Сосновка, Томской области. Сибирячкой стала. Ну и ну?

— Я её пятнадцать лет знаю,— обратился он к Деду.— Она из Белоруссии, муж у неё там, дети. Но она больше здесь торчит, всё на том же углу, деньги на семью зарабатывает. А муж у неё дома сидит, детей растит. Детей-то давно видела?

— Да меня два месяца не было, Николай Михайлович, только вернулась.

— Я его молоденьким стажёром помню, Николай Михалыча,— обратилась она к Деду, как к свидетелю. Лицо торговли при этом приняло сентиментальное выражение.

«Может быть, у неё с «молоденьким стажёром» была связь?» — подумал Дед. Капитан выписал торговке штраф, и она отправилась в Сбербанк, торопясь.

— Ну, и что мне с ними делать?— простонал капитан, взяв взлохмаченную кипу вьетнамских бумаг.

— А выгнать всех на улицу. Чтобы не оформлять,— посоветовал Дед и прибавил: — Я бы так и сделал.

Захрустел замок, и дверь открыли. Дед был вынужден вылезти из воспоминаний. За дверью стоял толстый милиционер в белой рубашке и в галстук.

— Собирайтесь, вас отвезут в спецприёмник.

— А что, Нового года ещё нет?— Дед вышел из камеры.

— Нет ещё. Двадцать минут двенадцатого.

Толстый стал закрывать дверь. Закрыв. Посмотрел на Деда.

— Я хотел вам сказать... Вы, это... не обижайтесь на нас. Мы тут ни при чём. С наступающим...

Дед хотел было ответить чем-нибудь язвительным по поводу «ни при чём», но воздержался. У дежурки его ждали три больших медведя-мента с автоматами. У одного по крайней мере медведя, он был с непокрытой головой, на бритой башке выделялись сообразительные и неглупые глаза. В их компании медведей Дед вышел и сел в милицкий форд. За воротами к ним пристроился автомобиль ДПС и возглавил пробег.

Автомобилей в снежной предновогодней Москве было совсем мало.

День первый

Новый год случился, когда они мчались из Первой Градской больницы. Медведю-водителю, самому крупному, позвонила жена и поздравила. Медведь сказал:

- Ну, вот уже Новый год.
- Точно?— спросил Дед.
- Ровно. Разве что одна минута первого.
- Поздравляю вас, ребята, с Новым 2011 годом!

Милиционеры словно ждали, чтоб он первый поздравил. Они его тоже тепло поздравили. «Чтоб вам в последний раз попадать»,— пожелал бритоголовый. Пока в больнице они ждали врачей (откуда-то пахло жареным мясом), бритоголовый внимательно читал постановление о его аресте. Видимо, ему было нужно прочесть. Не то что взглянул, и всё, а читал и дочитал до конца.

В 00 часов 17 минут они вползли в сугробы у спец-приёмника. И остановились. Вышли. Дед сам нажал кнопку звонка. Не спеша вышел милиционер без куртки, в одной шапке. Вглядевшись в Деда, под его черную шапку, милиционер воскликнул:

- Ба! Знакомые всё лица! Опять к нам?— и открыл калитку.
- Здравствуйте,— сказал Дед.— С Новым годом!

Дед был хитрая, пообтёртая по тюрьмам bestия. Он практично знал, что с администрацией пенитенциарных заведений нужно ладить. Не нужно ладить со следователями, пускаться в разговоры с прокурорами, никаких им уступок, железная решимость, отстаивание себя и своей позиции. А вот тюрьма — это твоё местожительство, тебе тут жить, даже если речь идёт об административном аресте. Человеку можно насолить, досадить, замучать его и угробить даже за сутки. Деду удавалось, не заискивая ни перед кем, нормально жить в трёх тюрьмах и на зоне.

Они вошли в спецприёмник. Смена была, как по заказу, наилучшая. Справедливый начальник смены, такие же вполне разумные менты в команде.

— О,— сказал начальник смены,— какие люди у нас опять! И в самый Новый год! Надолго к нам?

— До середины января. Пятнадцать впаяли.

— Что же вы на этот раз совершили?

— Сопrotивлялся милиции, разбрасывал, как детишек малых, сержантов 2-го оперативного полка и при этом жутко ругался матом.

Все присутствовавшие, а сбежалось их уже с десяток, засмеялись или как минимум заулыбались.

Начальник смены, капитан, достал из сейфа бланк «Протокола личного обыска задержанного» и вышел к Деду. Деда усадили на стул, из глубины спецприёмника вызвали двух понятых. И как же коряво они выглядели! Морды испитые и обмороженные. Одеты страннейшим образом. На одном были кожаные штаны с заправленной в них «металлической» футболкой. С футболки скалился кто-то вроде Дьявола. Второй понятой, длинный и хилый, также производил впечатление свежееотловленного бомжа, в слишком большом для него пиджаке, явно с чужого плеча. «Что поделаешь,— подумал Дед,— мои современники некрасивы». Он замечал, что они некрасивы, не впервые.

Протокол содержал дату, и она была интересной датой: «Москва 2011 г. января 01 дня 00:20 часов».

Я, капитан милиции такой-то (должность и звание оперативного работника).

В присутствии понятых таких-то (оба из г. Зеленограда).

Произвёл личный обыск задержанного (Ф.И.О.).

При обыске было обнаружено и изъято:

Паспорт №... на имя (следует Ф.И.О.).

Кольцо белого металла.

Членский билет №... на имя (следует Ф.И.О.).

Ремешок брючный чёрного цвета б/у 1 шт.

Сотовый телефон Nokia №... чёрного цвета.

4 тыс. 770 руб. (четыре тысячи семьсот семьдесят рублей).

Чётки зелёного цвета.

2 руб. 60 коп. (два рубля 60 коп.).

Два отдельные эти рубля 60 коп. появились в последний момент. Прапорщик, в то время как капитан писал, не теряя времени обыскал Деда, ощупал пиджак и, ощупывая бушлат, обнаружил за подкладкой монеты. Казалось бы, чёрт с ними, но вдруг они были заточены на милиционеров?! Капитан не поленился, принёс тупой нож и ножом подрезал подкладку бушлата. Вынули 2 рэ. 60 коп. и вписали в протокол. Позднее Дед обнаружил в подкладке ещё монеты, менты любят недоделывать то, что начинают делать.

На отдельном листке записали все его чёрные одежды: бушлат, шапка, пиджак чёрный вельветовый, сапоги на молниях, три свитера, все чёрные.

Так же как в 1-й Градской, обошлись поверхностным одним взглядом на его торс («Да не снимайте, только приподымите свитер!»), чтоб там не было синяков, чтоб не пришлось отвечать им, тем, кто эти синяки не ставил. Дед сказал, что никаких синяков, задерживали нормально, без эксцессов.

Понятые ушли.

— Куда бы вас?— задумался капитан.

— Как обычно, мне бы одиночный люкс,— подсказал Дед.

— Одиночного нет, есть один необитаемый, плохонький, и холодновато там.

— Сойдёт,— сказал Дед.— Вы же помните, я не курю, а ваши бомжи как начнут смолить...

— Обижаете нас, у нас всё больше знаменитости теперь сидят,— сказал капитан.

Пока ему налаживали необитаемый «люкс», милиционеры напросились сфотографироваться с ним, «для истории».

— Смотрите, вместо истории как бы вас эти фото в тюрьму не привели,— предупредил Дед.

— Мы и так в тюрьме,— отшутились менты.

Его отвели в «шестую». Там было пусто, и стояли семь двухъярусных кроватей. «Дальняк», то есть туалет, не вонял, из чего Дед сделал вывод, что капитан говорил чистую весомую правду, в «шестой» давно не обитали. Точнее, обитали, малочисленное семейство тараканов, самые предприимчивые, видимо, сбежали в соседние камеры поближе к хлебным крошкам и эковскому дерьму, здесь же остались самые-самые патриоты.

— Ложитесь так, чтобы мы вас через глазок видели,— попросил капитан.

И он лёг, так получилось, в самом центре камеры. Как потом наутро обнаружилось, в камере оставались ледяными два радиатора из четырёх, и он лёг как раз на границе тепловых поясов. Было ни холодно, ни жарко, а лучше бы жарко, он же немолодой человек, хотя никакой, конечно, не Дед, но он любил жару и не любил снег, белый цвет и холод, Вы помните?

Его девка, когда они стали избавляться от космического одиночества вместе, сказала ему в третью или четвёртую встречу:

— А ты энергичней моих молодых бойфрендов, неутомимый такой...

— Старый становлюсь...

— Какой ты старый. Нормальный мужик, только злой очень, видимо, внутри. Как зверь бываешь...

Произнесла она «зверь» с уважением. Он запомнил, и не всегда, но бывал с ней зверем. Он знал, что иные женщины любят грубость и насилие больше, чем ласку.

В их кладовке ему выдали две совершенно новые бязевые простыни, и такую же наволочку, от них даже пахло текстильной краской, они были в багровых тонах. Он взял себе нахально два одеяла и два матраса. Матрасы были трухлявые, но он не стал копаться в их кладовке, чтобы докопаться до лучших. Сойдут. Застелился он

уже, вероятно, в третьем часу ночи. Тщательно подвернул простынь. Сделал себе ложе в лучшем виде. Тщательно разделся, сложил джинсы, свитера. Улёгся...

Обнаружил, что за дальней стеной глухо работает какой-то дальний мотор. Подумав, пришёл к выводу, что это работает вытяжка, как впоследствии и оказалось. Успокоившись относительно звука мотора (потом он вообще перестал его слышать), он обнаружил ещё одну помеху сну. Капли. Капли, он догадался, падают с высоты в красный таз, приспособленный под раковину. Следовательно, раковина протекает. Он встал и проверил всё это хозяйство. Закрутил плотно кран. Успел увидеть несколько путешествующих по дальняку, по его чугунным башмакам («сабо» называют их французы, у которых сантехника в пору его пребывания в Париже была совсем средневековая) тараканов. Он не стал их убивать. Ну, живут и живут у туалета и под раковиной насекомые. Он всегда был готов делиться с животным миром территорией. Вот клопы и клещи — отрицательные существа. А таракашки, ну чего с них возьмешь... Он отнёсся к ним демократически.

Только он было смежил веки, как на улице стали взрывать петарды. Он вспомнил, что у обывателя Новый год. И уже их детки выбрались из-за столов, где остались пьянствовать и жрать взрослые, спустились на улицу, соединились там в толпу оскаленных мальчиков и девочек — придурков, и стайей, кто кого переплюнет по количеству взрывов, пошли взрывать. Он хорошо понимал тех американских ли, русских ли отставных военных, кто, поворочавшись в своих постелях в штате Миннесота или в Ростове-на-Дону, шли к шкафам, вырывали оттуда винчестер или пневматику, и начинали палить по пёсым головам деток.

«Чтоб вы умерли молодыми! Чтоб ваши дети родились беспальными, если вы не умрёте молодыми и доживёте до репродуктивного возраста!» — воскликнул Дед, обращаясь в сторону окон, а их было в камере ни много ни мало целых три. «Новый год». Хорошо, что он не будет видеть пятнадцать дней повального пьянства и свинства, поскольку просидит их здесь, в спецприёмнике...

В прошлый раз свои десять суток здесь он просидел с очень большой пользой для себя. Простудировал шесть важных научных книг, сделал полсотни страниц выписок и записей своих размышлений. Нашёл у человека «инстинкт убийства», такой же легитимно-нормальный, как и инстинкт самосохранения. Этим открытием инстинкта убийства он посрамил Ницше и особенно Фрейда, который ошибочно обнаружил в человеке стремление к смерти. Отлично он провёл тогда время. Сидел он в «четвёрке», там всего три койки стояло. Он надеялся, что и в этот раз отсидит с пользой для себя.

Единственное неудобство состояло в том, что он и его девка Фифи планировали, что проведут несколько дней вместе, может быть, даже дня четыре. Она ушла от него 29 декабря, а уже 30-го улетела в Германию, полетела она туда с трёхлетней дочерью, чтобы оставить её там. Дело в том, что в Германии жили родители его девки. Так что она отправилась с дочкой к бабушке и дедушке. Впрочем, оба были моложе Деда. Ха.

— Я хотела взять обратный билет, на пятое или шестое. Но решила подождать, потому что у тебя митинг, мало ли что... — сказала она ему смущённо. Он одобрил её решение, потому что был уверен, что на этот раз его опять упрячут за решётку. Ей он не сказал, что уверен, мужчины не должны пугать женщин. Что будет, то будет.

Шантрапа эта употребляла свои петарды конвульсивно. То бросалась в атаку со множеством взрывов, то неожиданно стреляла одиночными, соблюдая дистанцию тишины.

Он решил успокоиться, в конце концов, у него будет возможность выспаться. Решив это, он открыл для себя, что, в сущности, давно уже спокоен. С того самого момента, как сел в автобус с милиционерами 2-го оперативного.

Исходя из многочисленных наблюдений над самим собой, он знал, что перед каждым выходом на арену к диким зверям за какое-то время до даты выхода в нём нарастало беспокойство. И что нарастающее беспокойство закончится как раз в момент выхода на арену, в момент столкновения с дикими зверями. Собственно, если развернуть метафору полностью, то в облегчённом варианте он и его сторонники каждый раз уподоблялись первым христианам, выходившим на арену цирков Римской империи. Даже зрелищно площадь, на которую они выходят, напоминает в окружении высоких зданий эдакий котлован римского цирка.

Сгоняемые каждый раз милицейские легионеры оперативного полка, ОМОНа — особых отрядов милиции, войск МВД (сторонники Деда презрительно называют их «портянками») — суть точные копии римских легионеров, ей-богу. Начальник Управления безопасности, генерал Козлов, ей-богу, просто вылитый Понтий Пилат. Особенно когда его морщинистая шея и складки лица облечены в гражданский костюм, милицейская форма всё же привязывает генерала Козлова ко времени.

Ослепительно бьют прожектора (факела) в арену. Шум, гул, милицейские в костюмах «космонавтов». Толчея, волна журналистов, сливающаяся со ступеней от входа в метро, группы граждан там и сям, жестикующие, пытающиеся кричать, к ним бегут легионеры... превращаясь в диких зверей, кидающихся на первых христиан.

Два года назад они и в самом деле были дикие. С перекошенными злобой лицами. Дед отчётливо помнил тот ослепительный январский день два года назад, когда он впервые вышел со своими сторонниками на эту площадь. Милицейские войска и оперативники уже и не ждали их. А он вышел со стороны 2-й Брестской улицы и прошествовал к памятнику. Стал там в окружении группы первых христиан. И уже бежали к нему вперемешку теле- и фотожурналисты, омовцы, опера в парках, космонавты, все рода войск, видны были подошвы взметаемых их сапог, весь этот вихрь нёсся на него и кучку христиан. Они не давались и вступили в безмолвное пассивное сопротивление, ударить людей Цезаря было нельзя, но можно было не дать им вырвать из группы христиан их знамя, его, Деда.

Сколько людей лежало на нём, было не сосчитать. Он кричал: «Не задавите меня, легче!» Существуют фотографии, висят где-то в дебрях Интернета, где части тела Деда видны из-под барахтающихся на нём тел и зверей, и его сторонников. Когда его вынули и потащили в плен, к автобусу, на нём висели шестеро зверей...

Дед перевернулся на своём тюремном ложе. «Да... да...» — сказал он вслух и услышал себя в пустой камере. «Да! — передразнил он себя. — Христиане выходили на арену один раз. А тебе приходится... ты уже сколько раз выходил? Подсчитай». Он стал загигать пальцы. Пальцы он видел, в окна било уличным городским светом и над дверью камеры горел утопленный в стену ночник. Получилось загнать тринадцать пальцев.

«Тринадцать выходов к диким зверям это тебе не хухры-мухры, старый. Это нервы надо иметь. Ну ясно, публично у нас в стране ещё не убивают, но, во-первых, в любой момент могут начать убивать публично, да и случайно могут затоптать, попасть ногой-рукой не туда. Инвалидом с арены запросто могут унести...» К тому же туда выходят не только милицейские легионеры. Эти худо-бедно, но связаны какой-никакой ответственностью и дисциплиной, ориентированы на приказ. Но выходят и третьи лица. Где гарантия, что в свалке ему не пустят нож между рёбер. Дед понимал, что, каждый раз выходя на арену площади, он делает шаг в неизвестность, отдаётся на произвол судьбы. Первые христиане выходили к зверям единожды. Требовалось мужество, но единожды. Ему приходится выходить «многажды».

«Вообще-то,— сказал он себе,— признайся, старый, что к тебе всё-таки проникла тревога. Каждый раз перед выходом на арену у тебя выкручивает всё твоё тело, оно болит от тревоги. Это твоё тело борется с инстинктом самосохранения. А когда выходишь на арену, в тот момент боль тебя тотчас отпускает.

Помнишь, в последней сцене «Фауста» к нему в цитадель (сквозь замочную скважину!) всё-таки проникла тревога... Тревога — наказание Старых Больших храбрых людей. Тревога проникла и к творцу Фауста Иоганну Вольфгангу Гёте. Тема Фауста была с тобой всегда рядом. Уже в начале 80-х, найдя в библиотеке квартирной хозяйки в Париже (её звали Франсин Руссель, и она была зен-буддисткой) книгу «Steppen wolf» по-французски, ты был очарован легендой Харри Хеллера — сравнительно молодого варианта Фауста. Хеллер спасся от тревоги Херминой, богемной девушкой, завсегдатаем баров и балов... А ты, старый, спасаешься девкой Фифи. Она совсем не похожа на тебя, она «шопохолик», она смотрит телевизор(!), она государственная служащая, она сумасшедшая, она встаёт в 05.45, как в лагере, эта девка... Но она утешает твою тревогу».

При воспоминании о его девке Фифи Деду стало очень спокойно. Он даже стал посапывать. Он подумал, что впереди его ждут спокойные полмесяца за решёткой. Никто не будет просить у него денег, не будут звонить журналисты. А тем временем пройдут эти бесноватые праздники. С девкой, жаль, каникулы не получились... Но мужчина обязан воевать, Фифи, это видно, уважает его за воинственность.

Женские юбки, как он их ни любил снимать с девок, а он очень любил сдирать и юбки и трусы, никогда не могли его сбить с верного пути воина. Всё будет хорошо, старый, будешь есть казённые каши. Некоторое беспокойство, может быть, ожидает тебя в конце этого, в полумесяц длинной, тоннеля с тараканами и каплями, а именно, как бы они не подсиропили выход отсюда?! От «них» всего можно ожидать. С подлым государством держи ухо востро, старый. Он уснул.

3

Проснувшись и дойдя до дальняка, он обнаружил лужу. Оказалось, он поставил мимо капель красный таз, когда боролся с каплями, вот и лужа. Он нашёл под раковиной истлевшую губку и с её помощью медленно, но верно, набирая и отжимая, ликвидировал лужу. За ним с любопытством, шевеля усами, наблюдали тараканы. Затем он надел все свои свитера и прошёлся по камере, разглядывая детали. Пришёл к заключению, что всё это аскеза. Монашество бедное. Монашество лично его всегда облагораживало. Он не страдал от бедности никогда. Приветствовал лишения, как средство воспитания духа.

Кровати в «шестой» были все двухъярусные. Когда он прошлый раз сидел в «четвёрке», там были три одноэтажные кровати. Предстояло узнать, во всех ли камерах теперь двухъярусные.

Хряпнули замком и открыли дверь. Расхристанный милицейский солдат, то есть расстёгнутый, узнаваемый тип неряхи и в сущности анархиста, шапка на затылке, осведомился:

— Завтракать пойдёте?

— Пойду!

Дверь на второй этаж, в столовую, он помнил, находится где-то рядом с дверью «шестёрки». Так и есть. Он быстро поднялся в столовую, и был там первым посетителем.

— Здравствуйте, страдальцы!— сказал он в пространство без стены, обнажавшее кухню с двумя арестантами в белых халатах.— Что можете предложить?

Физиономии у «шнырей», как их называли бы в полноценной, взрослой, тюрьме, были корявые. У одного — краснолицего задохлика с важно нависающим носом — физиономия была точно та же, что и у сразу двух его знакомых из прошлого. Шнырь носил физиономию Эдика Брута, его соседа по отелю Winslow в Нью-Йорке, а копия физиономии Эдика Брута была приклеена природой и на человека по имени Борис и по фамилии Закстельский, с этим молодой тогда ещё Дед познакомился в Лос-Анджелесе. «Надо же,— подумал Дед,— видимо, количество форм лица ограничено, посему по планете бродят дублёры дублёров». Второй

«шнырь», высокий, с дегенеративно впалыми висками, был копией американского кинорежиссёра Тарантино. Тот ведь выглядит как дегенерат.

На пшённую кашу ему предложили ложку сахара и он не отказался, потребовал: «Чего там, клади вторую!» Дали в жестяной полулитровой кружке чаю. Чай был полусладкий, но горячий. На столах лежал хлеб, не чёрный, но жёлтый, ржаной. Он сидел один и наслаждался. В дверях стоял расхристанный милиционер. Шныри высунулись из кухни и осторожно стали расспрашивать.

— Ну, когда всё сменим?— спросил Тарантино.— Жизни нет от жидомасонов.

— Сменим, сменим, скоро непременно сменим,— бросил Дед скороговоркой, чтобы не вступать в беседу.

— Я вам сочувствую, вот выйду — на площадь пойду,— сказал Брут/Закстельский.— Я с Серёжей вашим сидел. Два раза.

— Из «Левого фронта» который?

— С ним. Голодовку он тут держал.

— Спасибо,— Дед встал. Поставил миску и кружку на прилавок посудомоечного отсека.— До новых встреч.

— На обед придёте? Я хочу у вас автограф взять,— сказал Тарантино.

— Да успеешь, мне тут до середины января париться.

— Он завтра выходит,— объяснил Брут/Закстельский.

Он вернулся в «шестую» в отличном настроении. Постная пшёнка его взбодрила. «Ну, так и окунёмся в арестантскую вечность,— сказал он себе.— Деревянно-тараканную, облупленную, с тазиком, с железными мисками и кружками, где ложка сахара-песка на каше вызывает умиление. Корявые лица арестантов, Питеры Брейгели, оба — Старший и Младший — позавидуют, будут тебя окружать, Дед. Простые разговоры будешь ты слышать. Обдумаешь свою жизнь...»

Дед стал ходить по камере, привычно заложив руки за спину. В Саратовском центральном это называли «тусоваться». «Размышляем, старый,— сказал себе Дед.— Размышляем ясно, как подобает после пшёнки с двумя ложками сахара. Тебя решили примерно наказать, выбрали самый абсурдный предлог. Обвинили, что ругался на улице матом. Придумали для этого не существующую в природе женщину (женщину-лжесвидетеля не смогли отыскать?). Ещё ты якобы сопротивлялся. Тебя не довезли до Тверского ОВД, последовал другой приказ, потому что туда легко добраться гражданам с твоей площади, а ОВД на Ленинском далеко, да и прикрыто забором... Размышляем дальше, старый, размышляем... Степень и дурь наказания придумана кем? Ну, не глубокими умами, скажем. Скорее, на уровне милицмейских генералов. Главным ментом города имени Моше, генералом Колокольцевым? Или генералом Козловым? Или всеми вместе? Кремль бы придумал более иезуитскую гадость. 31 октября генерал Козлов, стоя на площади у автобуса, куда его, Деда, притащили милиционеры (Козлов был в куртке и кепке, кстати, и ты, Дед, в тот вечер был в куртке и кепке), отдал сердитый приказ: «Куда вы его притащили?! Тащите Деда на митинг!» И его попёрли на митинг, на отвратительный ему митинг, по дороге уронив несколько раз. Тогда, в той подлости, чувствовался почерк Кремля. В новогодней неуклюжей подлости чувствовался генеральский почерк...»

«Размышляем, старый, заглядываем в глубину событий, ища смыслы и связи. Пока тебя тогда таскали, ты получал сведения по мобильному. По сообщениям агентств новостей, на митинге Старухи в загоне собралось около 300 человек, а на «несанкционированном» в разы больше, так сказали, в разы больше, свыше тысячи человек...»

Вдруг в его размышления вклинилась попытка восстановить фамилию ночного судьи: Не..? Неу..? «Брось, старый, вернись к теме площади, а на сладкое получишь разрешение поразмышлять о твоей девке, идёт?»

Конфликт, возникший на площади между ним и Старухой. Этот конфликт тихо разгорелся ещё летом. А теперь он происходит в открытую, его обсуждают в Интернете. Потому что в конце октября Старуха решила на мятеж. Он вспомнил оперу «Пиковая дама», где Германн ближе к концу оперы восклицает: «Старуха!!!» и «Ещё три карты. Три карты, три карты!» и опять «Старуха!». Он даже заулыбался.

Эта американская домашняя хозяйка, возомнившая себя спасительницей бесправных и лучшим другом жестоких. Целуясь с властью, она верит, что облегчает

страдания бесправных. Сбежав из России в Америку, когда всех её старших друзей-диссидентов пересажали, она спешно вернулась сюда, когда их идеи вдруг восторжествовали. Это как если бы дезертир представлял погибшую дивизию на международных конгрессах. Почти два года они сотрудничали, трое заявителей митингов. Он, Костя и Старуха. Ему и Косте за шестьдесят, но Старухе-то за восемьдесят.

Они собирались в её красивой квартире на Старом Арбате. Казалось — не разлей вода эта троица. Наконец нашлись три старых упрямых человека, несгибаемых и несокрушимых. И они не отступят, так они стали выглядеть со стороны по прошествии нескольких митингов по 31-м числам.

Идея была целиком Дедова. Участвуя в оппозиционных коалициях полтора десятка лет, Дед наконец смекнул, что сама форма борьбы в составе «политических партий» не подходит для России. Достаточно намучавшись с левыми, правыми, националистическими, а в последние годы с либеральными вождями и вождишками, Дед и придумал формулу непартийных регулярных сборищ на площади. Надпартийных сборищ. Он хотел принципом надпартийности избавиться от вождей и вождишек, хотел скликать на площадь всё больше народу и оттренировать его там для будущих массовых выступлений. Приходим каждое 31-е число месяцев, в котором есть тридцать первое число, ровно в 18 часов и давим на власть, даже только своим присутствием на площади. Давим, требуя исполнения статьи 31 Конституции Российской Федерации.

Власть довольно быстро сообразила, что перед ней серьёзная проблема. Она отказалась «санкционировать» его митинги на площади, так власть спрятала под иностранным словом свою исконно русскую природу, насильственную и царистскую по происхождению. «Санкционировать» мирные собрания граждан согласно Конституции вовсе не требуется. Однако власти, и федеральные, и региональные, и местные нагло присвоили себе это право.

Ему нужно было, как сейчас говорят, «раскручивать» митинги на площади. С оппозиционными политиками он не хотел иметь дела, он устал от их блошинных соревнований по прыжкам вверх, от их амбиций, от их бюрократических привычек, от их глупости и бесталанности, в конце концов, от ревности их и зависти. Он пошёл к Старухе, числящейся по разряду «правозащитников». Деталей её биографии и деятельности он тогда не знал, иначе они бы заставили его насторожиться. Он пошёл и попросил её поддержать начинание. По состоянию на лето 2009 года, когда это произошло, он поступил верно и правильно. Перед 31 августа того же года Старуха вызвала его к себе одного.

— Мне неудобно вам это говорить, но это предложение моих товарищей-правозащитников,— мялась Старуха. В гостиной Старухи в тот день стояли белые лилии, много белых лилий. Он не выносил запах лилий, удушливый, как у немойтой женщины из-под мышек, он с тоской поглядывал на дверь. Что она может ему сказать? Он вообще не любил стариков и старух, счастливо дожил до своих лет вне их круга, тогда у него ещё была другая девка, не Фифи, той было вообще 19 лет, поэтому он маялся. Да ещё Старуха была по-летнему в платье без рукавов, и с её рук свисала лишняя старческая кожа. Ниже её платья смотреть тоже было нельзя, поскольку там находились отёчные старческие ноги. Дед вспомнил знаменитых старух своей юности — Лилю Брик, Татьяну Яковлеву. Обе также злоупотребляли белыми лилиями, но вот свои старые тела тщательно скрывали летом под цветными шифонами и шелками. Но те старухи были сливки, сливки художественной богемы и высшего общества, а это была более простая старуха, да, видимо, ещё и опустившаяся, опростившаяся в Америке, там все опускаются, начинают ходить в потных футболках, в висящих штанах.

— Предложение моих товарищей... право, мне неудобно вам его сообщить, но они просили меня довести его до вашего сведения, а уж вам решать, вы согласны или нет...

— Я слушаю вас внимательно,— он выбрал точку слева от её правого плеча, чтоб не смотреть на неё, смотрел на обои.

— Видите ли, мои товарищи считают, что у вас, ну, вы, наверное, это сами понимаете, несколько одиозная репутация...

— Продолжайте.

— Я очень ценю вашу идею и мучаюсь от ревности, что не я её автор. Вы внесли бесценный вклад. Мои товарищи считают, что для того чтобы наращивать количество граждан на площади, лучше бы заявителями стали правозащитники. Присутствие вас среди заявителей, считают мои товарищи, отпугивает многих.

— И кем же вы хотите меня заменить?

Старуха назвала несколько вялых бескровных фамилий.

— Вынужден огорчить ваших товарищей. Я не могу сделать им такого подарка. В первую очередь потому, что моя идея как раз предусматривает, что на площадь будут приходить граждане независимо от их идеологической и политической ориентаций. Мои сторонники, а это не только члены моей политической организации, и сегодня составляют значительную группу на площади. Для них я символ, и они идут туда, куда я их зову. Нет смысла превращать митинги-31 в правозащитные междусобойчики, куда ходят лишь ваши сторонники.

— Я так и думала... что вы откажетесь. Я передам моим товарищам. Я не хотела брать на себя эту миссию, не хотела. Я им сказала: «Он не согласится».

Некоторое время они ещё заверяли друг друга в дружбе и сотрудничестве. Выйдя из её квартиры, он вызвал охранников. Пока он спускался на лифте, они уже ждали его у подъезда.

В машине он сказал: «Бабушка русской контрреволюции начинает показывать зубы».

Охранники сказали, что либералам доверять нельзя. Дело в том, что охранники его были в большинстве своём даже не левые, а крайне-правые.

«Размышляем дальше»,— сказал он себе. Но тут вошли сразу пять милиционеров, среди них одна дама — старший лейтенант. Начальник новой смены. Поверка.

4

Дед сказал им, что туалет не сливается. Оба начальника смены — и капитан, уходящий домой, и дама с крупной грудью под мундиром и в юбке, попробовали нажать сливной механизм — такая рукоятка на пружине, похожая на степлер. Ничего не вышло. Сошлись на том, что пока Дед будет пользоваться тазиком.

— И раковина течёт,— сказал он. И показал где, и продемонстрировал, как течёт. Помыл при них руки, и капли дробно застучали по несчастному тазу.

— И две батареи — ледяные,— завершил Дед.

— Это потому что они текли, их и отключили.

Сантехник, сказали ему, поехал на праздники к семье, и появится только пятого или шестого января. Ещё неизвестно, заглянет ли он в эти дни в спец-приёмник, поскольку у него ещё несколько объектов обслуживания. А телефон он отключил.

— Ну вообще вы как, ничего?— спросила крупногрудая старший лейтенант.— Спали хорошо? В столовую ходили?

— Отлично спал, только петарды, чтоб им пусто было. Каши поел, пристойная каша.

— Нам из фабрики-кухни привозят, вы же знаете,— гордо напомнил капитан.— У вас есть всё, что нужно?

У него ничего не было. Но он положил себе за правило быть всем довольным и ничего не просить.

— Пацаны мне всё привезут сегодня, они опытные.

Менты утопали, со скрежетом закрыв дверь. А он улёгся одетый на постели и с наслаждением проспал до обеда.

В обед ему дали суп с лапшой и морковкой на первое и рис с сосиской на второе. Kitchen boys, как он стал называть «шнырей», поскольку они были не совсем шныри, угостили его хорошим, крепким на сей раз чаем, и очень сладким. В благодарность он подписал им автографы на их постановлениях об аресте. Другой бумаги у бедолаг не нашлось. Один, тот что Тарантино, попросил, чтоб он написал: «За справедливость!». Он написал. Со второго раза они показались ему менее корявыми.

Спускаясь вниз, к себе в камеру, он констатировал, что пища в спецприёмнике улучшилась с последнего раза. Вполне солдатская пища, а он всегда чувствовал себя солдатом. Ещё он подумал, что день у него складывается неплохо, как у Ивана Денисовича из повести Солженицына. Курить он не курил, тридцать лет тому назад бросил.

Пришла крупногрудая.

— Гулять пойдёте?

— Завтра пойду, сегодня буду акклиматизироваться.

Дверь закрылась.

«Размышляем, старый, размышляем»,— сказал он себе и стал опять «тусоваться». Ему было хорошо, он любил одиночество, и однажды в тюрьме Лефортово просидел один 23 дня, точнее 20 + 3 суток. Разговоры с людьми ему давно надоели, познавать человечество ему не было надобности, он его уже познал. А вот в одиночество он впадал с удовольствием. Он мог, как в меню, выбрать себе тему для размышления и размышлять только на эту тему. Дисциплина мысли — называл он эту свою способность. Вокруг могли орать благим матом, а он мыслил на тему.

Сейчас он попробовал вернуться к Старухе. В интервью агентству «Интерфакс» в октябре он назвал поступок Старухи «подлым». Его осудила тогда, в конце октября, общественность, но с того времени много воды утекло, стал ясно виден, обнажился вред, принесённый Старухой движению, теперь подлым считают сговор Старухи с властью даже её сторонники...

«Ну ещё не все её сторонники так считают, старый,— поправил он себя.— И вообще размышляй дисциплинированно. После того августовского разговора среди вонючих лилий... Так вот, тебе следует продолжить. Ведь до 31 октября была предыстория».

...После того августовского разговора среди вонючих лилий до самого мая следующего 2010 года, почти год, они успешно наращивали силы и 31 мая на площадь вышли тысячи три разгневанных граждан. 31 мая был несомненно грозный и успешный митинг, милиционеры тащили, били людей нещадно. Получили, конечно, на избиение приказ. Но граждане упирались и стали, чуть ли не впервые, отбивать своих.

Уже на следующий день Старуха вызвала их, её партнеров, к омбудсмену всея Руси, господину Лукину, прямо в офис к нему на улице Мясницкой. В 16 часов. Она сказала, что власть хочет сделать им предложение через посредника Лукина. Они встретились в брюхе массивного здания на Мясницкой улице, ближе к Садовому кольцу, в кабинете «омбудсмена» (русские любят запудривать ближним мозги иностранными словечками). Четверо было с их стороны: Лукин, омбудсмен столицы Музыкантский (бывший префект! Уже одно это ужасно, что может быть хуже, чем бывший полицейский, пустившийся по правам человека) и два их сотрудника.

«Площадь» представляли трое заявителей: Старуха, Дед и Константин. Начал переговоры омбудсмен всея Руси, кругленький хитрован человека, такой себе непотопляшка при любом режиме. Он приземлился в права человека исключительно по причине своей круглости.

— Я только что встречался с президентом, и он поручил мне урегулировать конфликт на площади,— весело сказал Лукин.

— Отлично,— прореагировал Дед.— Нами заинтересовалась высшая власть!

— Мы вас слушаем,— сказал Константин.

— Да. Давно пора начать переговоры,— сказала Старуха. И шамкнула так.

На самом деле гора родила всего-навсего знакомую уже мышь.

— Вы соглашаетесь провести следующий митинг 31 июля на Пушкинской площади, а за это 31 августа вам будет предоставлена ваша желанная площадь. Затем в следующий раз 31 октября вы согласитесь вновь на Пушкинскую площадь, а следующего 31-го идёте на вашу.

— Глупо,— сказал Дед.— Мы не дети и не гастарбайтеры, чтобы нас гоняли с площади на площадь.

— Этот манёвр позволит власти не потерять лицо,— пояснил Лукин.

— Мне Пушкинская площадь всегда была больше по душе,— сказала Старуха мечтательно.

— Я против вашего предложения,— рубанул Дед.— И выдвигаю встречное предложение. Пусть Верховный суд решит судьбу наших митингов, а я уверен, что если власть не станет давить на суд, суд решит дело в нашу пользу. Площадь, на которой мы собираемся, не специально охраняемый объект. Мы имеем право. Через суд власть сохранит лицо. Ещё и сможет подчеркнуть, что подчиняется судебному решению.

— Я поддерживаю предложение коллеги,— сказал Константин.

— Мне вообще-то больше по душе Пушкинская, мы там собирались все годы, старые диссиденты,— вздохнула Старуха и минут на пять погрузилась в публичные воспоминания. Завершила она, впрочем, глубоким вздохом. И резюмировала:

— Я бы согласилась на Пушкинскую, но мы все, заявители, принимаем решения путем консенсуса. Так мы договорились. Поэтому я нехотя вынуждена присоединиться к моим товарищам.

— Жаль,— вздохнул посредник Лукин,— власть настроена решительно. Они не могут уступить.

— Они не уступят,— вмешался бывший префект.— Всё будет очень плохо.— Оба посредника вздохнули и замолчали угрожающе.

— Вы решили под конец нас запугать?— спросил Дед.

— Ну нет, что вы, только информируем. Посовещуйтесь друг с другом. Дня три вам хватит?

Он подвозил Константина в машине до метро.

— Без нас она бы согласилась на Пушкинскую,— сказал Константин. Константин — бывший работник министерства угольной промышленности. Долгое время состоял в КПРФ.

— Слабое звено она у нас,— промычал Дед.

— Она зависит от уполномоченных. Решает с ними правозащитные дела,— защитил Старуху Константин.

Через три дня они позвонили и сказали, что предложение мэрии не принимают. Но так и оказалось, что слабое звено. Через полтора месяца, в середине июля, нескольким видным оппозиционерам Администрацией Президента был обещан санкционированный митинг, если они подадут соответствующее уведомление на Площадь, если в уведомлении не будет фамилии Деда. Об этом стало известно в Интернете. Блогер «chaotik_good» объяснил нетерпимость власти к Деду так: «Думайте, что хотите, но я уверен, что власть таким нехитрым образом прокололась и показала, кого она боится на самом деле. И в самом деле, без Деда все остальные в жизни не договорятся. Дед — действительно идеальный кандидат на роль вождя объединённой оппозиции». И блогер добавил: «Потому что всех остальных кто-нибудь не потерпит. А Деда, скрипя сердцем и зубами, но вынесут все: и националисты, и либералы, и коммунисты».

Оппозиционеры тогда отказались от предложения стать и штрейкбрехерами и предателями. Но Кремль не унимался. В середине июля уполномоченный Музыкантский, тот, что бывший префект, устроил встречу Старухи с заместителем

мэра города Виноградовым. Старуха сообщила Деду по телефону, что она в дороге, что Музыкантский прислал за ней в пансионат свою служебную машину, что ни Деда, ни Константина не пригласили, но она, когда доберётся до кабинета заместителя мэра, потребует их присутствия. Дед поморщился, но вызвал Константина, и они явились на соседнюю с мэрией улицу, сидели там в машине Деда и ждали. Охранники Деда стояли рядом с машиной. Тогда как раз начались большие жары, и температура была +30°.

Ждали они часа два. Уже было понятно, что началась нечестная игра.

— Херня какая-то, Константин!— сказал Дед.

Константин был того же мнения.

— Что-то они там темнят...

Наконец Старуха позвонила:

— Я встретилась с Виноградовым...— Она помолчала.— Сейчас я еду в офис уполномоченного по городу, что на Арбате. Если вы хотите, приезжайте туда, ну, через полчаса.

— Если хотите, приезжайте,— повторил Дед для Константина. И объяснил, в чём дело. Они оба возмутились формулировкой «Если хотите...».

В офисе Музыкантского на Арбате они нашли бледную, обезвоженную Старуху, хватающую воздух ртом. Вид у неё был такой, как будто её вывели из тюремной камеры, где подвергали пыткам. Она сидела за длинным столом с краю, понурая, молчаливая, отводила взгляд. Пассивная и апатичная. Отчасти её состояние можно было объяснить небывалой жарой и долгим путешествием из пансионата в город. Но зачем она поехала? Дед захотел дозу алкоголя, прежде чем он разберётся в ситуации. Ему дали Сатрап.

В первые же минуты седой верзила Музыкантский взял быка за рога и нагло сообщил Деду, что митинг 31 июля может быть разрешён, но при одном условии, что фамилии Деда не будет среди заявителей.

— А в чём проблема, почему Деду нельзя, в чём он обвиняется?— спросил, горячась, Константин. Дед вылил весь Сатрап мерзавца Музыкантского в узкий стакан и сделал большой глоток. Он сидел напротив Старухи. Она закашлялась, как будто сама только что проглотила тёплый Сатрап.

— Ну вы же сами знаете,— пробормотал Музыкантский. Седые волосы бывшего префекта торчали, как у агрессивного панка, отметил Дед.— Кстати, они хотят, чтобы и вашей фамилии, Константин, не было среди заявителей.

— Костю-то за что?— спросил Дед.

— А не будет на митингах говорить, что у власти у нас в стране воры и убийцы...

— Так ведь он правду говорит,— засмеялся Дед.

— Ну, вот и наговорил.

— Что, с Немцовым не получилось, отказался от роли штрейкбрехера, решили зайти с дамы?— спросил Дед. И кивнул на безмолвную Старуху.— Вы что, её пытали тут?

— Ну и что, что с Немцовым не получилось, у нас целая очередь желающих подать уведомление образовалась!— воскликнул Музыкантский.

Дед констатировал, что бывший префект наглет по минутам, даже не по часам, но таки по минутам.

— Ну вы и циник! И вы нас шантажируете!— Дед встал.— Я не могу больше находиться в вашем обществе!

Но он не ушёл, потому что нужно было вытащить Старуху из ступора, из-под влияния Музыкантского.

— Оставьте нас одних, либо мы перейдём в другой кабинет, нам нужно посоветоваться,— сказал он, обращаясь к Музыкантскому. Тот вышел и закрыл за собой дверь. Старший охранник Деда, Михаил, сообщил позднее, что слышал, как уполномоченный пожаловался по телефону кому-то: «Переговоры идут очень тяжело»...

— Что было у Виноградова?— спросили они оба, и Дед, и Константин.— Что?

— Виноградов не согласился на ваше присутствие. Они уговаривали меня подать уведомление вместе с другими заявителями,— Старуха говорила очень тихо и всё время вздыхала. Говорила, в сущности, шёпотом.

— Они оказывают на вас давление. Я надеюсь, вы это понимаете?

— Да,— прошептала она.

В этот день она их не сдала. Сказала, что они подадут через два дня уведомление под тремя подписями. Уведомление, впрочем, уже было подписано ею перед отъездом в пансионат.

Вернулся Музыкантский.

— Я должен вас огорчить,— сказал ему Дед.— Мы не можем принять ваше предложение. Если бы не наша дама, я бы вообще с вами не встречался... К тому же вы и ваши хозяева — фантазёры. Требовать от лидера оппозиции, чтобы он отказался от тяжким трудом завоеванной популярности и слился с пейзажем, нырнул в толпу, как такая глупость пришла вам в голову?

— Ну как же,— Музыкантский назвал Старуху по имени-отчеству,— вы же обещали?— он обращался только к ней.

— Увы, я уже подписала уведомление совместно с моими коллегами, ещё неделю назад.

— Ну что, подписали, написали, переписали бы...

— Вы обещали отвезти меня в пансионат...— взмолилась Старуха.

Все покинули офис. Старуха осталась.

— Зачем вы её мучаете? Вытащили из Подмосковья, в такую жару,— спросил Дед Музыкантского в коридоре.

Тот ничего не ответил.

Дней через десять в Интернете появилось обращение Старухи, подписанное ею и почему-то старым бывшим омбудсменом дохлым Ковалёвым, в котором они предлагали активистам, участникам акции на площади, исключить Деда из числа уведомителей. В ответ к Старухе в ЖЖ посыпались негодующие письма. Её клеймили позором во всем русскоязычном Интернете. Ей пришлось отступить от своего предложения. Чтобы подтвердить своё единство, они вышли 31 июля на площадь вместе. Правда, Старуха быстро ушла, минут через двадцать. Он же продержался на площади на несанкционированном митинге час. Рекордное время.

В середине августа площадь огородили забором под предлогом того, что якобы будут строить под площадью паркинг. Это была ложь, разумеется. Под площадью проходит тоннель Садового кольца, а ниже залегает станция метро.

На 31 августа они подписали опять одно общее уведомление, но вышли на площадь уже не вместе. Стояли в разных углах. А в конце октября Старуха всё-таки переметнулась в лагерь врага. Договорилась за спиной Деда и Константина с властью о митинге на 800 человек. Там, где они хотели. Сама потом рассказала газете «Московский комсомолец», как на заседании Общественной палаты её посадили вместе с одиозным Сурковым, и тот «разрешил» ей митинг.

31 октября на площади состоялись два митинга. Один — старушечий, в «загоне», как презрительно назвал Дед площадку среди заборов, и второй — сторонников двух других заявителей, Деда и Константина. Вот там-то над Дедом поизмывались, таскали вниз головой, роняли на асфальт, «заносили» на власовский митинг Старухи...

«Размышляй дальше, старый, размышляй,— сказал он себе.— Самое время понять, почему Старуха пошла на раскол митинга. Продалась ли власти? Сделала ли это по глупости, по причине ревности к его авторству идеи? По какой причине? По всем сразу?»

«Почему я должен заниматься этой Старухой?» — подумал Дед с досадой. Дед привык воевать с молодыми женщинами, а тут вот образовалась война со старухой.

За дверью слышались голоса, в глазке обозначился водянистый милицкий глаз, замок захрустел, и на пороге появился улыбающийся его охранник Кирилл, у него уже успела загустеть щетина.

— Восемь! Восемь дали! Тот же судья, который осудил вас. За то, что ругался у того же дома, что и вы.

— Один ругался? В одиночестве?

— Да. Вас не упоминали.

— Видимо, мы ругались на разных углах.

Они расхохотались. Во всё ещё открытую дверь камеры протиснулась старший лейтенант с грудью.

— Есть пойдёте?

На ужин были макароны-рожки с блёстками тушёнки. Жизнь налаживалась.

5

Кирилл лежит на соседней койке, едва умещааясь в длину, а Дед думает.

Последние 15 лет он живёт, как «крёстный отец», как большой преступник. Но дело-то в том, что он не «крёстный отец», но оппозиционный политик в стране с деспотическим полицейским режимом, скрывающим полицейский оскал под маской с демократической улыбкой. Он не собирался становиться большим преступником. Он всего лишь создал в начале 90-х годов политическую партию. С тех пор Деда охраняют. Он живёт, как не приведи Господь никому так жить. Несвободный, как узник. Достаточно сказать, что он никуда не выходит один...

Когда однажды он, рассорившись с собеседником, неожиданно быстро вышел из подвального ресторана на Тверской, где вёл переговоры, и не обнаружил у ресторана автомобиля с охранниками, он самым безумным образом растерялся. (Ещё так неловко случилось, что в машине остались его бушлат и телефон, и ключи от квартиры.) Он стоял на морозной зимней улице в панике, не зная, что же предпринять. Правда, охранники быстро подъехали, они всего лишь свернули за угол за бутербродами. Подъехали и испугались. Он их даже не ругал, так он был удивлён своей паникой и беспомощностью. Больше такого не происходило.

Первый охранник появился у него в сентябре 1996-го. Лёшка-мент, тот самый, что пришёл записываться в партию в форме и с пистолетом в кобуре. Партийцы тогда возгордились, мол, к нам уже «милиционеры идут». На самом деле Лёшка был уникальный тип, единственный в своём роде, исключение, а не правило. Лёшку пришлось взять в охранники после того, как Деда встретили вечером, он, впрочем, был ещё не Дед, седых волос было ничтожное количество. Его тогда ударили сзади трое неизвестных, он упал, и его стали избивать ногами. Убили бы, если бы не внушительная масса прохожих, шедших из метро, они спугнули мерзавцев. На память ему остались навсегда чёрные царапины на глазных яблоках. Каждое утро, когда Дед просыпается, царапины напоминают ему о нападении. Могло начаться отслоение сетчатки, но не началось. Первые дни он ходил в глазной институт к еврейскому профессору со смешной фамилией (что-то вроде Слива или Тыква) ежедневно. Потом — раз в неделю. Отслоения не произошло, у него оказалась отличная крепкая наследственность. А представил его профессору Тыкве отец одного из первых партийцев, Димы Невелёва...

Дед перевернулся в кровати. Где они все теперь, первые партийцы? Он знал их всех поимённо. Прошлым летом Деду прислали на телефон сообщение. «Умер Фауст. Дима Ларионов. Похороны в воскресенье». И адрес крематория. Дед расчувствовался и поехал. Их собралось там десяток, вряд ли больше, старых партийцев. Дешёвый гроб с телом Фауста привезли из СИЗО в Подмоскovie в самом задрипанном автомобиле, какой только можно представить, под драным тентом цвета молока с чернилами. По официальной версии Фауст повесился в СИЗО, однако до этого он пробыл несколько дней на свободе, сбежал из подмосковной психбольницы, где проживал не так уж плохо. Но сорвался, бежал, поймали. Трагическая судьба бунтаря в России.

Дед воспитал вначале десятки, потом сотни, потом тысячи непокорных, в сумме десятки тысяч. Вырастил зубы дракона, выкормил волчат. Они везде. Взять дело приморских партизан, на шумевшее на всю Россию. Шестеро молодых людей, доведённых до отчаяния беспределом милиционеров, ушли в леса в Приморском крае и стали нападать на милицию. У них главным был нацбол Андрей Сухорада. Дед помнит его, несовершеннолетнего, худенького, как высокий складной нож, и сестрёнку его помнит, той вообще лет двенадцать было. Первое их появление достойно романа какого-нибудь Гюго «Отверженные» или Достоевского. Дед тогда только вышел из тюрьмы. В один из дней Дед находился в бункере, то есть в штаб-квартире партии на 2-й Фрунзенской. Вдруг туда нагрянул сводный отряд офицеров ФСБ, РУБОПа и ещё чёрт знает кого. Чем конкретно был вызван этот рейд, Дед уже не помнит, но в ту осень партия активизировалась, ободрившись выходом вождя из тюрьмы. Был, к примеру, захвачен вагон пассажирского поезда, идущего в Литву, в знак протеста против введения визового режима для проезда через территорию Литвы в Калининград. В ФСБ, видимо, решили, что пора пугнуть партию.

Они тогда обыскивали бункер, рыскали везде и увели с собою пленных — всех партийцев, находившихся в тот момент в бункере. Пытались увести и его, запугивали. «Вот я сейчас напишу протокол, что ты на меня с этой железной болванкой набросился, а мои товарищи подтвердят,— говорил ему гнусный молоденький опер, похлопывая по ладони действительно железной болванкой,— и уедешь опять туда, откуда освободился... Вожди!» — добавил он с ненавистью. Дед сказал, что пугать его бессмысленно, он пуганый, он свой последний страх на фронте, в Сербии, оставил, близ местечка Еврейскі Гроби под Сараево, где в атаку ходил на пулемёты, а последнюю щепотку страха оставил в тюрьме строгого режима под городом Энгельсом. Что он никуда не пойдёт, он не может оставить бункер, поскольку твёрдо верит, что вы, «подлота» (он так и сказал — «подлота»), воспользуетесь и подбросите нам патроны либо наркоту. Пошушукавшись, они оставили его одного, уводя пленных. Его задержание вызвало бы шум.

Подходили партийцы, приехал его адвокат. Вот тогда и вышли из глубин бункера мальчик и девочка. Андрей, как складной ножик, и белокурая его сестричка. Они спрятались, оказывается, за большим портретом Че Гевары далеко в глубине бункера. Менты ходили мимо них, один мент даже пытался отодрать портрет, взять его «на память», но его отвлекли другие менты. Дети, сбежав из Приморья, проехали всю Россию и явились в бункер. Сколько было тогда будущему приморскому партизану? Он 1987 года, помнил Дед, потому что его интересовал возраст парня. 16 лет было ему тогда, в 2003-м. Действовали партизаны в лесах с февраля по июнь 2010 года. На счету их четыре нападения на милиционеров. СМИ писали потом, что Сухорада всему научился в бункере НБП. Ну да, там, в бункере, Дед устроил партийную школу. Из этого инкубатора много кого вышло. Они себя ещё покажут. Они намотают ваши кишки на штыки...

После ужина им принесли передачу. Точнее — две. Каждому по два куска мыла, по огромному тюбику Colgate — зубной пасты, по полотенцу. Шоколад, апельсины, по два кружка краковской колбасы. Газеты. Дед поморщился при виде такого расточительства.

— Зачем нам четыре куска мыла?

— Ну пацаны же не знают, что мы в одной хате сидим.

Дед открывал газеты, одну за другой, но все они оказались старыми, предновогодними. А чего он ожидал? Русские СМИ ленивы. Они будут праздновать, до самого 15 января ничего не выйдет. Даже если в стране будет переворот. Журналы, присланные вместе с газетами, как и подобает журналам, были неактуальны и набиты всякими глупыми историями. Лёжа на койках, Дед и Кирилл шуршали газетами. Дед лежал на аккуратно, по-солдатски прибранной койке, а сверху набросил на грудь свой бушлат. Кирилл же валялся в одной рубашке и потёртых синих джинсах, несмотря на то, что он был на пару метров ближе к ледяным батареям и, значит, на пару метров дальше от горячих.

— Тебе не холодно, Кирилл?

— Нет,— беззаботно ответил охранник,— да мне всё равно.

«Молодой,— подумал Дед,— кровь его греет, а меня уже ни хрена не греет. Хотя женщины находят, что у тебя, старый, горячие руки. Огненные даже...»

— Вам свет большой убрать?— голос из-за двери.

— Убрать, убрать!— обрадовался Дед. Большой убрали, врубили ночной. Кирилл же, судя по его взгляду, не очень обрадовался, он бы ещё почитал, но Дед был человек строгих старомодных правил. Жил, как в армии или на зоне. Ложился в десять.

— Не вздыхай. А то все вокруг будут думать, что ты уставший и подавленный человек. Зачем тебе такая репутация?

— Да это привычка у меня такая.

— От вредных привычек нужно избавляться.

Некоторое время они лежали молча.

— Ну как тебе тут?— спросил Дед.

— После обезьянника в ОВД просто отлично.

Кирилл имел за плечами тюремный опыт. Меньший, чем у Деда, но свой год в двух тюрьмах он отсидел. Вначале в «Матросской тишине», а потом в тюрьме на Пресне. В тюрьмах Кирилл был «дорожником», днём спал, а ночью переправлял по верёвкам «малявы».

— Детский сад, конечно, тут,— резюмировал Дед,— но тюрьма. Форму не надо терять. Спокойной ночи!

«О чём это он?» — подумал Кирилл, потом догадался, что от тюрьмы лучше не отвыкать. Быть в форме.

— Приятных сновидений!

Дед подумал, что ему нужно попытаться увидеть его девку. И уснул.

Либеральные

1

Его девка к нему ночью во сне не пришла. Пришли другие, мутанты, составленные из частей женщин, которые отдавали ему свои тела на протяжении жизни. Никакой фривольности они не проявили. Расхаживали, приходили, уходили, почему-то в парижской квартире всё происходило, и только. Параллельный мир ему на что-то указывал, «но не всегда находишься в состоянии, чтобы понять мэссидж»,— сказал себе Дед и проснулся точнёхонько за пару минут до подъёма.

Подъём в спецприёмнике зависел от смены. Шумная смена орала у двери благим матом: «Подъём!». Тихая — шептала мимоходом: «Поднимаемся, ребята, поднимаемся»,— и шёпот удалялся. Всё совершалось согласно темпераменту начальника смены.

Дед ловко встал, во всяком случае ему показалось, что ловко, извлёк один тюбик зубной пасты, второй припрятал, выбрал себе синее полотенце, потом подумал и взял красное. Повесил его на спинку кровати. Пошёл к комплексу дальняк-раковина и с наслаждением почистил зубы. Умылся. Красное новое полотенце пожелтел и вытерся казённым, «вафельным». Всё же он был сыном своего поколения, ребёнком войны, потому вырос бережливый.

Кирилл спал, стащив одеяло на ноги.

Открыли дверь и позвали на завтрак. Кирилл открыл глаза и ошалело не понял, где находится.

— Кашу дают. Вставай!— бодро гаркнул Дед. Он во всех тюрьмах был бодрый, его даже прозвали в Лефортово «Энерджайзер». Кирилл вскочил. Вставил ноги в тапочки, пацаны загнали им одинаковые тапочки в дачке, только у Кирилла 45-го размера, у Деда меньше.

Их опять кормили отдельно от всех. В столовой они были первые и одни. Дед познакомил Кирилла с Kitchen boys. Заодно и Дед узнал, как их зовут. «Тарантино» назвался Стасом, как же иначе, а Брут/Закстельский, оказывается,— Андрей. Андрей

сообщил им, что под Новый год задержан ещё и Борис Немцов, он всё ещё находится в ОВД «Тверское». Что к нему туда не пускают дочь...

— Откуда вы всё это узнали, арестованные?— спросил Дед, получая свой чай. А сам подумал, какого рожна к Немцову должны пускать дочь? Нет такой практики. К Деду даже адвокатов не всегда пускали. Это же арест.

— У нас у одного парня во «второй» хате транзистор есть.

— Богачи. Радио здесь разрешено? Тут же ни одной розетки в хатах нет. Кипятильник даже не употребишь.

— Администрация не возражает.

— Хотите, мы вам чифиру сварим?— вызвался Андрей. Дед ничего не ответил, поостерегся от первого встречного чифир брать.

В обед им выдали рассольник, солдатского казарменного качества, и, о чудо: по небольшому куску жареной рыбы, мойвы, что ли. Дед с энтузиазмом съел обед, и даже серый хлеб ему нравился.

Потом они гуляли. Вдвоём. Дед быстро ходил во всю длину узкой щели, тянувшейся вдоль здания спецприёмника, шапка на бровях лежит и на очках, руки в карманах. А Кирилл курит, сосёт сигаретки одну за другой у входной двери. Проходя сквозь клубы его дыма, Дед поморщился.

— Давно бы бросил, дешевле бы существование обошлось.

— Да пытался, не получается,— Кирилл вздохнул. При этом он улыбался.

— Опять вздыхаешь.

— Не буду. Изживу вредную привычку,— пообещал Кирилл.

После прогулки их уплотнили. Извинившись, вселили к ним двух Kitchen boys, а через полчаса вселили и третьего, потому что «Тарантино» на следующий день выходил на свободу. Потому к ним в камеру поселили ещё и хулигана Сергея, тот должен был стать посудомойщиком, после того как уйдёт Стас. Где-то около часа Kitchen boys носили порциями свои вещи из «второй» хаты. Матрацы, одеяла, пакеты. Они постоянно забывали что-то взять, стучали в дверь, вызывая милиционеров. Дед наблюдал за суетой с элегической грустью. Было ясно, что в эту отсидку одиночества ему не видать, как своего затылка. «Ну что же!— подумал Дед.— Буду общаться с арестантами. Приобретать ненужный мне уже опыт».

Kitchen boys вместе с пожитками привезли и свежую новость. Его соратника Константина осудили на 10 суток и, вероятнее всего, к ночи или ночью его доставят сюда же, в спецприёмник. Осуждён ещё кто-то, но Kitchen boys не поняли, кто. В конце концов, откуда им знать оппозиционеров, они же простые пьяницы, хулиганы и дебоширы. Немцов, сказали Kitchen boys, ещё не осуждён. Немцова они знали, всё же бывший вице-премьер, немало в своё время помелькал на экранах.

После ужина они спустились с Кириллом в камеру, дверь была открыта настежь. Они прикрыли дверь. Кирилл стал курить в форточку, в той части «хаты», где были две ледяные батареи, «дальняк» и раковина. Дед морщился. Все его сокамерники, включая его охранника, оказались курящими. Астма давно не посещала Деда, однако такое интенсивное вентилирование его лёгких никотином могло и спровоцировать астму. Могла её спровоцировать и простуда, вызванная сквозняком. Но Дед ничего не сказал Кириллу, мёрзнувшему у форточки, он ходил, заложив руки за спину по старой тюремной привычке, во всю длину камеры и даже считал шаги. Необходимости в считании шагов не было никакой, он считал удары правой ноги в годы, когда бегал в прогулочном дворике, вначале в тюрьме Лефортово, потом в Саратовском центре, ему нужно было отбегать дневную норму, вот и считал. А зачем считает сейчас? Привычка...

Кирилл закрыл форточку и, подражая Деду, стал ходить рядом. Они обменялись репликами насчёт того, что места в камере хватает, «тусоваться» могут одновременно трое, да и для четвёртого места хватит.

— Да ничего тут, жить можно. О хлебе насущном думать не надо, да и койку дают,— одобрил спецприёмник Кирилл.

Кирилл был с ними уже лет пять, если не больше, из них год отсидел в тюрьме, но в охране у Деда он работал лишь последние года полтора-два. После

того как развёлся, точнее разошёлся, с женой. Она тоже была активисткой партии, в партии они и познакомились. Родила ему ребёнка. Но её темперамент оказался, видимо, ему не под силу. Что там у них случилось... Дед никогда не лез в личную жизнь партийцев, потому не знал. Вероятнее всего дело было либо в несоответствии ритмов существования, либо в подчинении было дело. Если женщина имеет сильную доминантность, то мужчине сложно жить, она с ним борется, как мужчина. А это напрягает и нервирует. В доме-то бороться уж не надо бы.

Дед выгнал пару лет назад двадцатитрёхлетнюю девку. Та была как тёмная энергия, всё поглощала. Дед был радикал и в личной жизни, потому хотел, пытался жить с той девкой, но, осознав ситуацию, принял решение выставить её за дверь. Он потребовал от неё очистить помещение и дал ей срок. Совесть его при этом осталась чиста, потому что квартирная хозяйка как раз попросила Деда очистить помещение. Так что все должны были оставить помещение, между тем вместительное и совсем дешёвое, у Курского вокзала. В квартале, называемом «Сыры», сейчас в тех местах процветает культурный выставочный центр «Винзавод». Когда ультиматум Деда девке истёк, она, нагло кривляясь, пришла и сообщила, что любит его и не уйдёт. Дед не стал кричать, не стал оспаривать её, но спокойно передал дело службе безопасности, своим охранникам. «Пацаны,— сказал он им,— нужна ваша помощь!»

Димка, серьёзный, носатый, бритый, все звали его «Эвертон», так как он был фанат этой английской команды. Очень аккуратный парень. Димка сказал ей, назвав её по имени: «...», босс не шутит. Никаких шуток быть не может. Собирайся!»

Надо сказать, что девка была стриптизёрша, что Дед вытащил её из Питера, он захотел жить с ней, иметь её в постели, под рукой, но откуда же он знал, что она — тёмная энергия. Любая страстная девка может в первое время показаться тёмной энергией, но не любая таковой является. Она оказалась тёмной энергией и не ослабевала никогда. Она могла затрепать мужчину, как кошка — мышь, играя с ним до тех пор, пока он не похолодеет, а она всё будет то трепать его лапой, то поглаживать. И будет удивлена, чего-то он не движется...

Служба безопасности даже помогла ей погрузиться. Она хотела зайти к нему в кабинет (он сидел там, у компьютера, ожидая, когда всё закончится) «попрощаться». Но Эвертон не пустил её. «Ни к чему это, беспокоить босса...» Дед не был жестокосердным. Однако было ясно, что он ошибся, и нужно было исправить ошибку...

Не однажды Кирилл сообщал Деду детали своего развода с партийным товарищем «Зайкой». Дед был солидарен с Кириллом по поводу оценки девок, они же женщины. Иной раз они ансамблем, дуэтом, в форме горячего диалога детализировали свои взгляды. Обычно это происходило в автомобиле. Двое других «пацанов» в автомобиле, обыкновенно неженатые ещё ребята, то смеялись, то молчали, слушая их женоненавистнические речи.

2

Kitchen boys задержались вне камеры. Но зато они принесли с собой множество интересных и необходимых вещей. Во-первых, они забрали из старой хаты транзистор. Беда была только с батарейками — они издыхали, но, постучав ими о раковину, хулиган Сергей добился их временного оживления. Настроившись на частоту «Эха Москвы», они вдруг узнали, что Немцову дали пятнадцать суток ареста за то, что он якобы ругал матом президента, при этом переходя Тверскую улицу.

Дед подумал, что власти ведут себя непоследовательно: в октябре сумели разделить участников митингов на Триумфальной на соглашателей (Старуха и её окружение) и «непримиримых», к ним Дед относил своих сторонников и себя. Немцов вышел 31 октября вместе со Старухой в загон, на «разрешённый» митинг. Тогда его не забрали, митинг-то разрешённый, не забрали, несмотря на то, что он говорил со сцены загона возмутительные вещи в адрес премьер-министра и президента страны. А вот в ночь на Новый год его забрали, может быть, карая задним числом за те оскорбительные для высших должностных лиц государства

речи, произнесённые им 31 октября. Желание отомстить наглецу (Немцов ещё ведь был к тому же «свой», из их корпорации, бывший губернатор и вице-премьер) пересилило расчётливость, власть пошла на то, что разбила посуду. Сумели разделить участников процесса на умеренных и непримиримых, и вдруг сажают умеренных. И тем самым этих умеренных превратят в радикалов, если так дело пойдёт...

«А ещё,— подумал Дед,— они хотят запугать Немцова этим арестом. Он, успешный всегда, молодой ещё буржуазный политик, он никогда в жизни ещё не был за решёткой. Вдруг испугается».

С хрустом выворачивая замок, появился толстый лейтенант в шапке.

— Звонить кто-нибудь будет?

— Я!— Кирилл говорил Деду, что должен позвонить родителям.

Андрей Брут/Закстельский также выразил желание позвонить сестре, которая его сюда и упрятала уже пятый раз подряд.

— Немцову дали пятнадцать суток, а Яшину — пять,— сообщил толстый лейтенант негромко,— к ночи сюда привезут.

Сообщая им эту военную тайну, лейтенант выглядел очень довольным собой. Дед не сказал ему, что уже знает решение суда.

— Посадите Немцова к нам в хату, лейтенант,— попросил хулиган Сергей.— Я потом всю жизнь буду рассказывать, как с премьер-министром сутки отбывал.

— Хэ-хэ,— только и произнёс лейтенант и увёл Кирилла и Брута/Закстельского звонить по телефону.

Вернувшись, они уселись ужинать. Брут/Закстельский извлёк из сумки, принесённой из кухни, две пластиковые бутылки с чифиром. От кипятка бутылки сжались и стали причудливо деформированными. Из второй сумки Брут/Закстельский, улыбаясь в пегие усы, извлёк невероятные вещи: салат оливье в контейнерах и пластиковую банку с красной икрой. В тюрьме — икра!

— Тётка со второго этажа дала. Они в Новый год дежурили, всё не съели. Возьми, говорят, Андрей, а то протухнет!

— У нас не протухнет,— заверил Кирилл.

— А что за тётка? Нас не отравят?— выразил опасение Дед.

— Да там в коридоре сидит, кабинет у неё близко к кухне. Тучная такая. Бухгалтер, может быть.

— В Андрея влюбилась,— отметил хулиган Сергей.

Дед подумал, что возникла бытовая ситуация. Продукты начали портиться, оливье и икра — скоропортящиеся, чего не отдать зэкам. И Дед решил съесть икры. Но сказал:

— Кто из вас первый на икру. А я посмотрю. Если конвульсий не будет, и я съем.

Все заулыбались, кроме Кирилла. Он-то знал, что Дед не шутит. А Дед помнил, как они отравили Лечи Исмаилова, чеченского бригадного генерала, отравленными бутербродами перед этапом. Следователи его поужинали. На этапе Исмаилов и скончался. Тут тебе не шутки, в тюрьме, пусть это и маленькая тюрьма. Исмаилов получил восемь лет всего-то. Дед никогда не брал ту тарелку, которую ему протягивали, всегда старался взять другую. Одно время его служба безопасности носилась с идеей, чтобы покупать ему еду ежедневно в разных магазинах. Отказались от такой идеи только по причине её трудоёмкости.

Всё очень серьёзно. Идёт война. Дед живёт неудобно и погано. Вроде и на свободе, а хуже, чем в тюрьме. Дед не планировал так жить. Но власть восприняла его самого, его идеи и его политическую организацию как крайне опасные. Его назначили врагом государства и, видимо, врагом номер один. От «перебежчиков» из ФСБ Дед знал, что его партией и им самим занимается тот же отдел ФСБ, что и чеченскими боевиками. Позднее арестованного в 2001-м Деда и его группу вели те же следователи, что занимались чеченцами. И сидели Дед и его группа в тюрьме для государственных преступников вместе с чеченцами. Ни один из тех чеченцев, включая генерала Радуева, не прожил долго. Получив сроки, они уехали в лагерь, и

там их убили. Всех. Так что Дед относился к окружающему миру серьёзно и подозрительно. Потому что имел право. Имел основания. Убитых среди его сторонников насчитывалось десять человек.

3

Полужинав второй раз и опустошив обе бутылки чифира (по правде говоря, это был скорее «купец», очень крепкий чай, но ещё не чифир), сокамерники пошли курить к комплексу дальняк-раковина. Они энергично развернули одну из коек, поставив её вдоль перегородки, отделяющей дальняк от камеры, лицом к окну и ледяной батарее. Поставили перед койкой «дубок» (тюремная тумбочка) и расселись кто как, кто на кровати, кто у стены, на корточках. Кирилл стал им рассказывать, как в тюрьме был дорожником. Простые хулиганы и дебоширы слушали с уважением.

Дед же взял книжку «Повседневная жизнь Древнего Египта» и стал её перелистывать, время от времени прислушиваясь к разговору курящих. Книжка оказалась переводом книги ветхозаветного немца из XIX века, была потому полна небылиц, впоследствии опровергнутых наукой, однако время от времени, как золотишку в песке, Дед замечал в немецкой старине резкие детали. Деда поразило то, что немец ни разу не упомянул народ «иври» — предков современных евреев, а ведь они должны были оставить в Египте следы...

— Мама умерла и оставила трёхкомнатную квартиру мне и сестре. Ещё там прописана моя дочь... бу-бу-бу... Ей 14 лет, она живёт с моей бывшей женой в Алтайском крае... бу-бу-бу. Я её одиннадцать лет не видел. Вот в этой квартире вся и проблема...

Андрей Брут/Закстельский повествовал свою если не всю жизнь, то обширный эпизод этой жизни товарищам по камере. Реплики, издаваемые понурым с нездоровым красным лицом мужчиной, и доселе изобличали его как истерика, как человека подавленного, а сейчас он живописал словами более широкое полотно.

— «Москвичей испортила жилплощадь», — помните, у Булгакова... бу-бу-бу... Вот и мою сестру...

Брут/Закстельский более образован, чем средний обитатель спецприёмника, констатировал Дед, отвлекшись от древнеегипетской реальности.

— К ней ходит участковый, и она к нему ходит. Спелась.

— Она, видимо, пообещала отблагодарить его, если он тебя посадит. Тогда она тебя выпишет.

Реплика принадлежала Сергею, молодому хулигану. Сергей также был «дублёром», повторением друга его покойного охранника Кости Локоткова, Костяна, они вместе служили в Германии. Как же звали друга: Вешняков? Вишняков? Сквозь прутья кровати Дед поразглядывал Сергея пристальнее. Красивый, скорее, парень. Такой напористый наглец, видимо, на свободе, здесь он стесняется «политических».

Дверь открыли. Толстый улыбчивый лейтенант, показавшись в двери, отодвинулся, и за ним оказался «политик Илья Яшин», как всегда называли этого юношу, все его 27 лет от роду, стоял в коридоре спецприёмника.

— Здравствуйте, — сказал Яшин радушным тоном, словно это Дед к нему пришёл, а не он к Деду. — Меня вот поместили в 5-ю хату.

— Мы его к англичанину, — уточнил толстый лейтенант.

— Да какой он англичанин, он родился и вырос в Таллине... — возразил Яшин, — новый англичанин.

— Да вы выйдите в коридор, поговорите, только недолго, — разрешил толстый, — а то отбой скоро.

Дед переступил в коридор.

— Сколько вам дали, Илья?

— Меньше, чем вам и Немцову, — застеснялся Яшин, — пять суток. Это судья мне за то, что я не стал вызывать своих свидетелей, не задерживал процесс.

— А Немцов, его что, не с вами привезли?

— Вот Бориса судили семь часов,— сообщил Яшин,— ему, видимо, судебское решение всё ещё печатают. Когда меня увезли из суда, он всё ещё был там.

Дед подумал, что Немцова привезут совсем ночью и тем ещё дополнительно пугают. Если уж ночью все кошки чёрные, то зэки, которые и днем-то выглядят пугающе, ночью выглядят как совсем злодеи. В спецприёмнике же, где бритвы запрещены, человек через двое суток похож на разбойника из старых фильмов, на душегуба.

— А нельзя Яшина к нам?— спросил Дед сержанта, стоящего рядом.

— Если бы было можно, он бы был у вас. Приказ есть всех по разным камерам разбросать.

Яшин, подумал Дед, в чёрной этой шапочке «пидорке» до бровей, в спортивной куртке с капюшоном и таких же штанах похож на рэпера. Сутуловатый, нахальный, мелкие черты лица, «политик» Яшин начинал свою карьеру как лидер молодёжного состава партии «Яблоко». За то, что Яшин несколько лет назад вошёл в формировавшееся тогда движение «Солидарность», строгие пожилые буржуа исключили Яшина из партии. Яшин добивался восстановления, но Высший совет «Яблока» исключил его вновь...

В достоинства «политика Яшина» помимо хорошо подвешенного языка входила ещё не совсем обычная для буржуйского юноши личная наглость, похожая на храбрость. Для последователей Деда храбрость, впрочем, была как раз обычным, само собой разумеющимся качеством. Что же он сделал?— попытался вспомнить Дед. Ага, вот, нащупал он в памяти. Во главе группы активистов «Яблока» забрызгал красной краской мемориальную табличку на здании ФСБ на Лубянской площади. О, как были счастливы тогда буржуйские СМИ и буржуйская оппозиция! Наконец у них появились пусть маленькие, но «герои».

Ещё одним подвигом Яшина было свисание с моста напротив Кремля вместе с дочерью Гайдара — Машей. Висели они на альпинистском тросе, вместе с лозунгом, вот лозунга Дед не помнил. Акция была слизана с акции активистов партии Деда, прошедшей за несколько лет до этого. Активисты сняли тогда номер в гостинице «Россия», вылезли из окна и долго висели, пока их не сняли, вместе с лозунгом «Путин! Уйди сам!». Ольге Кудриной тогда дали три года срока, и ей пришлось бежать в Украину, где она получила политическое убежище. А Маша Гайдар и Илья Яшин за свой поступок сроков не получили. Их оштрафовали, и всё. Буржуйские дети в буржуйском государстве не могут быть наказаны так же, как сторонники Деда... А что ещё совершил «политик Яшин»? А, вот: во время «Марша несогласных» 24 ноября 2007 года вскочил на крышу автомобиля и там «хулиганил», что-то выкрикивал. Что именно, Дед не помнил... И всё же, при всем скепсисе Деда, Яшин был храбрейшим из буржуев. Правда, плохо креативным. Буржуи вообще плохо креативны, подумал Дед. И в области чистого разума, так же и в области революционной тактики. Всё слизывают с нас.

— Мы шли с Борисом вместе, переходили Тверскую, митинг уже кончился, и вдруг ОМОН преградил нам путь, Борис как раз разговаривал со своей дочерью... Я пытался вступить. Вы чего делаете, мы мирно расходимся с митинга! Но у них приказ, они аргументов не слушают. Продержали нас 48 часов в ОВД. Там ещё ваш Константин был с Борисом в одной клетке. Судили вот только сегодня. Я был у Бориса свидетелем. Так его весь процесс, все семь часов, заставили простоять, в стуле отказали.

— В судах нет стульев, Илья, есть скамьи.

Дед подумал, что буржуи любят раздувать мелкие детали и эпизоды. Дед уже успел услышать по транзистору об этой «ужасной» трагедии: стула не дали. И вспомнил чёрное снежное утро в декабре 2008 года, когда он ездил хоронить своего парня Юру Червочкина в Серпухов. Юре проломили череп бейсбольной битой. Кто проломил? Он успел сделать последний звонок по мобильному своей подруге: сказал, что за ним идут сотрудники местного РУБОПа, он знал одного в лицо, опер этот его допрашивал когда-то. А тут стула не дали.

— Адвокат заявил ходатайство, чтобы Борису принесли стул, но судья его не удовлетворила.

— Ходатайство?— изумился Дед.— Надо было поднять какого-нибудь журналиста, просто сторонника, пришедшего поглазеть и послушать, и сесть. Если бы Немцов попросил уступить ему место, ведь это процесс над ним, любой бы из присутствующих вскочил бы.

— Нет, но ему не дали стула,— повторил Яшин и сделал удивлённые глаза.

Они хотят цепляться за любую занозу, уныло подумал Дед. Они, пожалуй, с этим отсутствием стула и до Европейского суда дойдут...

Дед узнал от Яшина, что Константина тоже привезли, посадили во «вторую» хату, и что тот плохо себя чувствует, исхудал, и судья, та же судья, что судила Немцова, не должна была бы отправлять его за решётку.

— Да,— согласился Дед,— это бесчеловечно.

Про себя Дед подумал, что о том, что Константин тяжело болен, будет молчать и он сам, и СМИ отнесутся к его болезни равнодушно. А вот про то, что Немцову отказали в стуле, протрубят и российские СМИ, и, пожалуй, ОБСЕ протест заявит. Свой буржуй Немцов близок, а Константин человек чужой, бывший коммунист, активист «Левого фронта».

Яшин горбился, сыпал словами, толстый милиционер был в двух шагах. Наконец милиционер развёл их по камерам. «Пятая» Яшина и «шестая» Деда были расположены чуть ли не визави, двери друг против друга. Ну не совсем «визави», совсем-то нельзя, узники будут сталкиваться.

— До завтра,— сказал Яшин,— увидимся.

— Ну да,— сказал Дед,— куда мы денемся.

4

Вскоре простучали отбой. Когда милиционер выключил верхний дневной свет, то ночник ярко возгорелся и сдох. Милиционер выругался за дверь и опять включил верхний свет. И это было Деду очень противно. Что может быть хуже после отбоя, чем эти синие трубы, сочащиеся мертвецким светом под потолком.

Все пятеро, они загалдели недовольно. Милиционер открыл со скрежетом дверь, и они стали обсуждать ситуацию.

— Принеси нам лампочку, мы сами вкрутим (Андрей).

— Где я вам сейчас её возьму. И завтра негде взять будет. Праздник. Электрик у нас приходящий. Хорошо, если 6-го появится (милиционер, конечно же).

— А ты попробуй, там меньший свет есть (Андрей). Пощёлкай.

Милиционер пощёлкал. Действительно выщёлкал положение, когда только два синюшных глиста сочились мертвечиной. Они висели ровно над койками Серёги и Стаса.

— Дай нам пару одеял, мы завесимся (Андрей).

Милиционер, который, видимо, выспался перед дежурством, даже, может быть, с удовольствием участвовал в этом незначительном происшествии. Он вывел Андрея и Серёгу, и они явились через некоторое время с одеялами. Да не с двумя, а с целой кипой одеял.

Дед понял, что не заснёт в ближайший час, это точно. И так и случилось. Они застлали одеялами кровати верхнего яруса над собой. Потом от избытка энергии привязали ещё одно одеяло таким образом, что оно стало закрывать дальняк. И это было нужное начинание, и Дед его одобрил, лёжа в койке, он наблюдал за суетой сокамерников.

Они ещё долго потом шуршали, скрипели, ходили, потянуло сквозным морозным воздухом и табаком... Стали разговаривать. Дед не выдержал, и уснул.

Однако очень скоро проснулся. И стал думать о них, о буржуях. Видимо, в связи с Яшиным.

«Когда я стал с ними сближаться?» — попытался вспомнить Дед. Нет, не сразу после тюрьмы, после тюрьмы к нему подъехали люди из КПРФ, их человек по связям

с политическими партиями оппозиции, Борис Сергеевич Кашин, профессор, в КПРФ хоть пруд пруди профессоров... Небольшого роста, в чёрном пальто, чёрной кепке, худой...

— Остановись!— приказал себе Дед.— А то сейчас поедешь в сторону КПРФ и увязнешь в воспоминаниях. Минуй КПРФ, минуй её. Так, миновал.

«В тюрьме ты, старый, пережил то же, что и Гитлер после пивного путча, или Ленин после казни брата-террориста. Ты сказал себе: «У нас не получилось зажечь пламя партизанской войны в горах Казахстана, а именно в этом тебя, старый, и обвиняли, мы пойдём другим путём. Нужно создавать широкий фронт борьбы с властью». Ты придумал коалицию «Россия без Путина», ты сходил к Явлинскому в особняк «Яблока» на Пятницкой улице. Ты сходил к Ирине Хакамаде, ты обратился к Зюганову...

Ничего тогда не вышло. Твой авторитет не стоял так высоко, чтобы они захотели пойти на невиданный шаг, чтоб коммунисты вошли в одну коалицию с Хакамадой и с тобой, Дед, хотя с Явлинским они порой кратковременно смыкались по своим нуждам в Государственной Думе».

Дед вспомнил, как во время визита к Явлинскому тот с ностальгическим вздохом обронил фразу о том, что он просидел десять лет в Государственной Думе.

— Десять лет!— повторил он.

И повернул от шкафа к Деду своё плохо пришитое лицо. Дед всегда видел Явлинского как человека с косо пришитым лицом. А у шкафа тот оказался потому, что пошёл достать из него свою книгу, которую он намеревался подарить Деду. Как же она называлась?

Дед не вспомнил, как. Да и не важно. Важен этот сожалеющий, печальный вздох. Вся глубина сожаления Явлинского была в этом вздохе. С кем ты, Дед, тогда сравнил яблочного Явлинского? С Маниловым, персонажем «Мёртвых душ». Ещё ты запомнил, старый, помимо вздоха, гулкий особняк партии «Яблоко» с широкой барской лестницей. Они живут не как мы, мы — избитые и окровавленные, они ходят по широкой мраморной лестнице... даже после изгнания из Парламента. Мраморной ли?— спросил себя Дед. Да вроде показалась мраморной... Явлинский ему ничего не обещал.

У Хакамады в офисе находился испанский посол, потому Деду пришлось ждать в небольшой приёмной, увешанной буржуазными фотографиями в рамках, уставленной настольными лампами. Дед был с одним охранником, чтоб их не пугать. Они заскучали минут на сорок. Когда его ввели к Хакамаде, она встретила его по ту сторону составленного углом сложного стола в окружении компьютеров, телефонов и тарелки с резанными мелко овощами и фруктами. Встретила не особо приветливо, из-за стола не вышла, фруктов резаных с овощами не предложила.

Присела опять и стала жевать, объяснив, что это её ужин, она не успела поесть сегодня. Дед не хотел фруктов (ну, может быть, съел бы сегмент нектарина или персика), он объяснил, зачем пришёл. Предложил Хакамаде войти в коалицию «Россия без Путина».

Шансы у него были. То был 2005 год, самый разгар суда над 39 нацболами, захватившими приёмную Администрации Президента, буржуазия обратила внимание на храбрых нацболов. В тот год они чуть ли не в одиночку боролись с режимом в открытую. В феврале, кажется, «Комсомольская правда» опубликовала интервью с Владиславом Сурковым, на разворот. Интервью было озаглавлено цитатой из Суркова «Лимоны и яблоки растут на одной ветке». Вот по этой цитате он и пришёл к Явлинскому и Хакамаде. Он принес мэсидж: наши враги считают, что мы на одной ветке. Так давайте будем на одной. Ветку назовём «Россия без Путина».

Хакамада сказала, что она лично за такую коалицию. Однако она вовсе не уверена, что её поддержат её товарищи. Впрочем, если согласится Явлинский, это может убедить многих...

«Всё лучше, чем ничего»,— сказал себе Дед, тогда ещё, впрочем, не Дед, выходя от Хакамады и садясь на Товарищеском переулке в свою «Волгу».

В результате они все кивали друг на друга. «Иван кивает на Петра, а Пётр кивает на Ивана». Дед понял, что у него не получается, не получится у одного.

В феврале 2006-го Дед встретился с Каспаровым. Кто был инициатором встречи? Оба искали друг друга. Каспаров Деду понравился. Деловой, быстрый, энергичный, и показалось, что без предрассудков.

Дед улыбнулся в темноте. Сокамерники мирно похрапывали, и никто не увидел его улыбку между усами и бородой.

Докладывая тогда Исполкому Партии о впечатлении, которое произвёл на него Гарри Кимович Каспаров, Дед сказал: «Я не увидел в нём недостатков. Это меня и настораживает».

Что сказал Каспаров своим близким о тебе, Дед, тебе неизвестно. Думаю, что-то неплохое. В ту первую встречу Дед и предложил назвать широкую коалицию оппозиционных сил «Другая Россия». Каспарову «Другая Россия» понравилась. Позднее новое имя приняли все буржуи. Может, они не знали, что так называлась книга лекций Деда, написанная в тюрьме.

В новой коалиции буржуев оказалось подавляющее большинство. Вначале Дед различал их только по половым признакам: мужчины и пара женщин, затем стал различать отдельные лица. Выделялись: Александр Авраамович Осовцов, высокий, седой, говорящий витиевато и долго, владелец зоопарка, где был даже карликовый бегемот. Про себя Дед прозвал его талмудистом, не столько потому, что Осовцов возглавлял некогда организацию «Еврейский конгресс» в России, сколько за способность превратить в бегущие во все стороны ручейки струю любого разговора. Осовцов мог «заталмудить» самую здравую дискуссию. Он был верным сторонником Каспарова.

Еще один каспаровец — тоже Саша, Рыклин, главный редактор интернетовского ЕЖа, «Ежедневного журнала», внешне похожий на пингвина. Деду он показался самым разумным, самым радикальным и наиболее дружелюбно настроенным к нацболам. Женщина в их команде, Марина Литвинович, высокая блуджинсовая блондинка, также произвела на Деда положительное впечатление. Впоследствии первые оценки вынужденно сдвинулись. Дед увидел недостатки один за другим, целую цепь, и у Каспарова, и у его сподвижников.

Помимо каспаровских буржуев в Исполком коалиции «Другая Россия» вошли касьяновские буржуи. Дед попытался вспомнить, а был ли сам Касьянов в числе 15 членов Исполкома? Или 13 членов Исполкома?

Для того чтобы вспомнить, Дед даже перевернулся несколько раз в койке. А это нелегко, ибо продавленное в нескольких местах временем тюремное ложе провисало в области задницы лежащего на нём, поворачиваться пришлось при помощи рук. Дед от этих физических упражнений совсем проснулся. Сел на койке. Нащупал тапочки, сунул в них ноги и пошёл отлить. Приподнял одеяло, вошёл туда, сделал нужное, вымыл руки и вернулся. Сокамерники спали, потому что не думали о буржуазии.

5

Нет, Касьянов не был в Исполкоме. Были его alter ego Костя Мерзликин, активист Жаворонков и генерал Половинкин. Половинкин вскоре умер. Помимо фракции Каспарова, фракции Касьянова, фракции Лимонова в Исполком входили по одному человеку от организации «Оборона» — Олег Козловский, от организации «Смена» — Николай Ляскин, от правозащитников господин Лев Пономарёв.

Вспомнив Пономарёва, Дед вспыхнул в темноте гневом. Сколько нервов Дед на него потратил, на этого «бывшего»: Пономарёв в эпоху Первой Демократической находился где-то рядом с Ельциным. Но власть его обошла. С тех пор Пономарёв пытается догнать власть. Переквалифицировавшись в правозащитники для удобства действий, Лев Александрович остался жадным и завистливым соискателем власти. Он всякий раз успевает выставить ногу таким же соискателям («поставить подножку» — говорит народ), если видит быстрее себя бегущего. Это Пономарёв в день Первой Конференции не дал Деду вместе с Сергеем Аксёновым вынести на

голосование Национальной Ассамблеи предложение — Национальная Ассамблея объявляет себя законодательным органом страны.

Это был жаркий денёк, 17 мая 2008 года. В начале заседания прокремлёвцы «Россия молодая» запустили в сторону Президиума летающие члены. В это время выступал Каспаров. Дед вначале думал, что члены предназначаются ему, но они летели, как вертолёты, к Каспарову. Их сбил, замахав руками, здоровяк, футбольный фанат Ляскин. Члены что-то символизировали, но вот что, сама «Россия молодая» не сообщила. Члены сбили.

Лев же, хитрый жук, догадался о намерении нацболов поставить вопрос ребром и остановил голосование под фальшивым предлогом, что на это голосование нет разрешения Оргкомитета. Люди в зале ему поверили. Его обман заключался в том, что Оргкомитет де факто прекратил свои полномочия в момент, когда открылась конференция.

Эта цука бородатенькая сунула палку в колесо истории,— констатировал Дед. В перерыве, в комнате для Оргкомитета, 30 человек единогласно набросились на Деда и Аксёнова, ну двадцать восемь набросились, все набросились, все буржуи. И бывший кагэбешник генерал Кандауров, и Гейдар Джемаль, возглавляющий «Исламский Комитет» без комитета, и бывший советник Путина Илларионов, и все, все, все...

— Что вы себе позволяете?— злобно спросил Деда Каспаров, как только Дед вошёл.

Дед не в первый раз (и, как оказалось, не в последний) обнаружил себя в ситуации — один против всех. Он разъяснил, что он себе позволяет.

Между тем его и Аксёнова ожидало ещё одно испытание. Вознегодовали их собственные активисты — человек сто пятьдесят делегатов конференции, они бурлили в коридоре и требовали от своих руководителей покинуть конференцию в знак протеста.

Дед выступил и сказал, что если мы это сделаем, то окажемся совсем одни. Без союзников. Коалиция «Другая Россия» рассыпалась ведь летом 2007 года, фактически она в коме, а если уйдём сейчас, окажемся одни, и полностью в нелегальной зоне. Когда мы с буржуями, то всё же имеем какую-никакую крышу. Буржуи — братья по классу тех, кто находится у власти. Своих власть не преследует, пока лишь осуждает. Ну и нам какое-то смягчение достаётся, не закатывают в асфальт, по крайней мере. Потом выступил Аксёнов. Вдвоём они как-то убедили своих юношей и девушек не уходить. Но лица у своих были недовольные. И кое-кто всё же ушёл.

Дед досидел до конца. Мимо прошла красивая молодая жена Каспарова, Даша, и успела бросить Деду в поощрение, что его речь (до перерыва Дед произнес отличную речь о необходимости для Национальной Ассамблеи стать Параллельным Парламентом, после чего Аксёнов и вынес своё предложение проголосовать, сорванное Пономарёвым) была классная, здоровская. Она показала Деду большой палец. Выступал, заикаясь, Сергей Ковалёв, долго и нудно издеваясь над залом, а Дед сидел и думал, что буржуазия невыносима!

Что она тоталитарна, что она интригует, что она ворует начинания и организации, что она не терпит никого независимого рядом с собой. Но что с ней всё же придётся иметь дело. Ибо все остальные инертны, а буржуазия хотя бы живая. Каспаров живой, чтоб ему пусто было.

Тогда ещё не было Немцова, он отсиживался где-то, чёрт знает где. Переживал что ли крушение Союза правых сил, где состоял вместе с Хакамадой, потому главным союзником Деда был Гарри.

Гарри Кимович Каспаров. Дед за ним наблюдал, внося всё новые и новые поправки в его портрет. Гарри Кимович, не очень удачная смесь европейского образования, шахматного аналитического склада ума с восточным темпераментом. Европейское образование, декларируемые демократические ценности, аналитический ум только подвигнут, бывало, Каспарова к построению удачной политической конструкции (обычно он адаптировал чужие проекты), как

вмешивается внезапно восточный темперамент и разносит в клочья созданную конструкцию. Бушующие еврейская и армянская крови «бакинского европейца» тогда рвут все дамбы и пенятся и клокочут.

Дед присутствовал на семичасовом совещании коалиции 28 июня 2007 года, ещё как присутствовал, когда Каспаров не смог сдержать свою вражду к Касьянову, он тогда бегал по помещению и как вулкан выталкивал из себя пар и горячую лаву слов. Схлестнулись они в конфликте, кому из них быть кандидатом в президенты от оппозиции. Выяснилось, что бакинский европеец вдруг захотел стать кандидатом.

Хм,— подумал Дед в темноте,— это я его хорошо сейчас припечатал — «бакинский европеец»!

Профиль Каспарова подошёл бы правителю государства Урарту. Предполагать, что человек с таким профилем мог бы выиграть президентские выборы в России, было просто вздорно. Утверждают, что эту идею внушила Каспарову его мама, Клара Шагеновна, но материнская любовь, как известно, слепа. Дед находил боксёрский профиль Каспарова мужественным, фас тоже, но русский народ, блуждая взглядом по фотографиям кандидатов в президенты, был бы неприятно удивлён фотографией Гарри Кимовича, он же не народ Урарту. Ослеплённый амбициями Каспаров вдребезги разнёс организацию, которую вместе со мной создал,— резюмировал Дед.

Дед вспомнил, что кроме профиля правителя Урарту Каспаров имеет речевые особенности, не могущие понравиться пенсионерам из европейской части РФ, он, например, вместо круглого слова «который» неизменно произносил «которий». Казалось бы, что тут хитрого, но аналитический ум не слышен рядовому избирателю, а это игольчатое «I» в «которий» слышно, ещё как.

— Буржуазия...— сказал Дед вслух. Все спали.— Буржуи!— сказал Дед громче.— Буржуазный класс! Третье сословие!

За годы общения с ними он с удивлением обнаружил, что буржуи — хамы.

«Мы пытались привить этим людям хорошие манеры,— Дед вздохнул.— С трудом». С большим трудом отучили Каспарова от обращения к нацболам на «ты». Деду пожаловался пресс-секретарь, Саша Аверин, пожаловался на разозлённое «ты», обращённое к нему.

Дед посоветовал Аверину спокойно выдать Каспарову вот такой ответ: «Будьте добры, Гарри Кимович, впредь называть меня на «вы», так же как я к вам обращаюсь. Обращение «ты», позволю заметить, употребляется только по отношению к близким людям. В применении к неблизким оно звучит как грубость, и может быть воспринято как оскорбление».

Каспаров научился говорить «вы» союзникам-нацболам, нацболы были ему нужны. Возможно, он действительно избавился от части своего высокомерия и чванства, возможно, притворился.

Либералы при ближайшем рассмотрении оказались прямыми наследниками советской номенклатуры, в той среде начальник имел право и хотел быть вышестоящим хамом. На людей молодых смотрели с чувством превосходства, тыкали, так же как и подчиненным, и бедным людям. Нацболы с удивлением открыли для себя, что либеральные VIPы высокомерны и хамоваты.

А сколько ты, Дед, раз натыкался на фыркание Каспарова и его окружения, но особенно Каспарова, когда ты употреблял в аргументах понятие «народ».

— Какой народ, ...ард ...инович, о чём вы! Есть различные группы населения,— морщится, фыркает раздражённо Каспаров,— «народ» — это устарело.

— Вот он идёт, народ, внизу, не зная, что его нет и он устарел,— показал Дед Каспарову на спешащие по Покровке толпы, они сидели у Каспарова в офисе, на втором этаже.

Года два ушло, чтобы «народ» у Каспарова появился. А ведь Каспаров, по мнению Деда, был ещё лучшим среди либералов. Другие были куда более запущенными больными.

Героем буржуазии тогда был Каспаров. Но постепенно затух. Сейчас у буржуазии Новый герой. Нового героя (он же бывший вице-премьер правительства в конце 90-х годов и фаворит Ельцина) зовут Борис Немцов.

И Дед уснул.

Герой буржуазии

1

Нового героя буржуазии Дед увидел только на третий день, утром, в столовой. Как потом выяснилось, его привезли второго января, поздно вечером. Двое суток, они же сорок восемь часов, его протаскали по судам и держали в камере в ОВД. Ясно, что власть решила отбить ему раз и навсегда охоту попадать за решётку за административные нарушения. Деду, во всяком случае, было ясно.

Дед сидел наверху в столовой и пил «купца», налитого ему Андреем Брутом/Закстельским. Пил из дюралевой кружки, держа кружку носовым платком за ручку. Рядом сидел зелёный от болезни шестидесятилетний Костя Косякин, Кирилл остался спать в камере, когда в столовую поднялся рэпер Яшин, чёрная «пидорка» на черепе, капюшон за затылком, сутулый, и объявил: «Вы не уходите, а? Борис хочет поговорить, сейчас подымется». Дед подумал, что всё это напоминает сцену из американского фильма: тёртый тюремный авторитет сейчас встретится с авторитетом, но впервые попавшим за решётку.

Герой буржуазии, с распахнутым по средиземноморской моде декольте, вошёл, любопытно осматриваясь.

— Здрасьте!— сказал Герой буржуазии и поздоровался со всеми за руку. Из своей кухни через раздаточный проём высунулись чуть ли не по пояс архаровцы, или Kitchen boys: Стасик-Тарантино, Андрей Брут/Закстельский и Серёга-хулиган. Физиономии их изображали робкое блаженство. Бывший настоящий вице-премьер! Каждый уже предвкушал, что расскажет знакомым, когда выйдет. Герой буржуазии подошёл и к ним. И с каждым поздоровался за руку. Буржуи, видимо, считают подобные рукопожатия непременным ритуалом «хождения в народ».

Крупный, высокий, склонный к полноте, обильно загорелый тропическим загаром, с лоснящейся красно-коричневой физиономией (особенно нос), герой буржуазии был типичным экземпляром класса плейбоев. Богатых молодых мужчин, наслаждающихся жизнью. Его не понижал в социальном статусе даже тренировочный спортивный костюм и тюремные стены. Он всё равно выглядел ну роскошно, как цветущий мужчина, лишь склонный к полноте. Дед, начитанный и наблюдательный, стал думать, на что оно похоже. Кого ещё можно вспомнить, лицезрел развитые телеса.

Он похож на разжиревшего в своей усадьбе отставного гусара. Это раз. Ещё, в этой своей махровой особой куртке «олимпийке» (обязательно декольте оставлено, молния дотянута до основания мужских сисек) он похож и на стареющую помещицу. Ещё он похож на героя советских и ельцинских мещан — Остапа Бендера, персонажа романа Ильфа/Петрова, Остапа Бендера, Д'Артаньяна советских мещан.

— Поздно вы к нам,— сказал Дед, пожимая руку Декольтэ. Точнее, скажем, не пожимая, но прижимая.— Что же они вас так долго везли?..

— Семь часов судили, семь часов!— Декольтэ уселся рядом с Яшиным по другую от Деда сторону столов.— Тридцать первого и первого судить отказались... В ОВД сидел вот с Константином Юрьевичем вашим.

Константин, сидевший по одну сторону столов с Дедом, жёлто улыбнулся, ну, поскольку лицо у него было жёлто-зелёное.

— Труссы, поверишь, заставляли демонстрировать, резинку из трусов пытались заставить вынуть. А как же я её выну, она же пристрочена?..

Оглашая все эти неприятные ему воспоминания, Декольтэ всё время улыбался, и его глаза разбрасывали брызги искр (или искры брызг). Дед подумал, что... впрочем, он подумал расистское: негры улыбаются при опасности, евреи тоже?..

— Это они вас помучить решили. Унизить по полной, чтобы вы больше не высовывались,— сказал Дед.— Даже в тюрьме строгого режима внутри лагеря строгого режима не заставляют вынимать резинку из трусов. Вы хоть поняли, что над вами издеваются, желая напугать?

Рэпер Яшин вклинился.

— Борис, что будешь, первое? Второе?

— Только чай.

Произнося своё «только чай», Декольтэ одновременно скосил глаза в миски присутствующих. А между тем блюдо было отменное: перловка с тушёнкой. Тушёнки, правда, было по паре волокон на миску, однако жир тушёнки присутствовал, и запах тоже. Дед уже съел две порции, пользуясь «блатом», на раздаче же сокамерник.

— Зря отказываетесь, Борис, тушёнка в перловке, блюдо отменное и морковка просматривается.

— Мне к вечеру передачу обещали. Жена звонила.

— У Бориса мобильный не изъяли,— пояснил Яшин.

— Привилегированный вы сиделец, Борис,— съязвил Дед,— у нас, простых смертных, мобильники отымают. А вам как бывшему вице-премьеру оставили.

— Какие привилегии!— Немцов надулся.— Вас хотя бы резинку из трусов не заставляли вынимать.

— Это потому что они знают, что я знаю тюремные порядки. А ваши привилегии — конечно же, налицо. Как только вы появились, так еда значительно улучшилась.

— На ужин что там у нас?— обратился Дед к Kitchen boys. Высунувшись из кухни, они слышали разговор.

— Рыба жареная. А на обед завтра рассольник и куриные котлеты!— ответил Брут/Закстельский.

— Во как!— воскликнул Дед.— Куриные котлеты! Рассольник! Спасибо вам, Борис Ефимович!

— Ну, может быть...— Немцов нехотя согласился.

С лестницы через неприметную дверь вошла старуха докторша. Она улыбалась. Медкабинет был расположен от столовой прямо по коридору. В очках и в белом халате, она остановилась за спиной Немцова, лицом к Деду.

— Там по радио сказали, что вам, Борис Ефимович, присудили звание узника совести...

— Кто присудил?— обернулся Немцов к докторше.

— Интернациональная Амнистия. Вам и ещё вот господину Яшину и Константину Кузякину.

— Косякину?— переспросил Яшин.

— Ну да, так как-то.

— Троим?— переспросил Яшин.

— Троим.

Воцарилось молчание.

— Борис Ефимыч!— оторвался от чая жёлтый Костя Косякин.— А почему Amnesty не назвала ...арда ...иновича узником совести? Апартеид какой-то. Даже меня называли,— Косякин стеснительно сморщился, он был в прошлой жизни скромный советский человек, угольщик, и Деду было ясно, что Костя честно стесняется свалившегося на него, не прошенного им звания, слишком помпезного на его вкус.

— Да, нехорошо как-то,— вмешался Яшин, до сих пор сидевший, подперев щеку ладонью, локоть на столе.— Уж всем, так всем..?

— Ну не всем,— поморщился Немцов.— А нацики? Им тоже узников совести? Тор ещё куда ни шло.

Дед уже встретил здесь Тора. Владимир на самом деле был Владленом и, конечно же, имя германского бога войны присвоил, видимо, в совсем юные лета.

Глава фирмы, занимающейся информацией, с аккуратно подбритой ухоженной бородкой, Тор принадлежал к тому же классу, что и Немцов — буржуй, но менее разбитной и пока ещё не крупный бизнесмен. Но это придёт — подумал Дед. Разовьётся в крупного. Тор спокоен, интеллигентен, связно говорит, с ним предпочитают иметь дело власти, когда хотят говорить с так называемыми «националистами».

— Непорядок, конечно,— Немцов оценивающе вглядывался в лицо Деда,— непорядок, что к нацболам относятся в Amnesty настороженно. Я объясню им, попытаюсь что-нибудь сделать. А то действительно нехорошо получается. Я, Яшин, вот Константин — «узники совести», а Дед с его ребятами между тем имеют заслуги... не меньше нашего...

— Не нужно мне протезировать,— сказал Дед.— И Amnesty не бог весть какая организация, порядком подрастеряли они свою репутацию. Я уж как-нибудь обойдусь...

— Я переговорю, переговорю,— сказал Немцов,— ты, дорогой, не смущайся. Всегда не лишне иметь защиту западной общественности...

— Ты забыл, Борис, что ...ард ...инович идеологически близок не к западной общественности, а к каким-нибудь Фиделю Кастро или Уго Чавесу,— подхихикнул Яшин.

— Я не в большом восторге от этого хитрого жирного индейца,— сказал Дед.— Я фанат Фиделя Кастро, вот кто Колосс!

— Я часто бываю в Венесуэле,— сказал Немцов.

— У Чавеса?— Дед не удержался от улыбки.

— Ну нет, просто на побережье Венесуэлы отличный сёрфинг, такие мощные волны...— Немцов невинно глядел на Деда...

— Вы только своим сторонникам не говорите об этом.

— А что такого? Я не понял...— Немцов действительно смотрел на Деда так, что стало понятно, не понимает.

— Уверен, что ваши сторонники не могут себе позволить летать на сёрфинг в Венесуэлу.

— Но сёрфинг это же не яхтинг,— воскликнул Немцов, святая простота.

Дед захохотал. Каждое такое путешествие к отличным волнам обходится Немцову в десяток тысяч долларов. Но, святая простота, герой буржуазии не может взять в толк, что его хобби всё равно дорогое удовольствие. Ну да, стоимость доски для сёрфинга уступает в сотни раз или тысячу раз стоимости яхты, но десяток тысяч долларов за одно путешествие в Венесуэлу, в другое полушарие планеты, всё равно накладно для среднего класса, о котором любят распинаться Немцов и его друзья. Не говоря уже о простых смертных.

Вернувшись из столовой в «хату», Дед рассказал только что состоявшийся эпизод Кириллу. «Сёрфинг — это же не яхтинг!» — долго хохотали они.

2

На следующий день утром, включив транзистор, станцию «Эхо Москвы», Дед узнал, что не только он, но и Кирилл стали узниками совести.

Дед растолкал Кирилла.

— Вставай, узник совести!

— Что?! Где?!

Кирилл сел в кровати. Он выглядел испуганно.

— Радио «Эхо Москвы» сообщило только что своим радиослушателям, в том числе и нам с тобой, что мы стали узниками совести.

— Меня-то за что?— Кирилл зевнул и поставил ноги на пол.

— Немцов расстарался. Позвонил, видимо, вчера же, и вот и к утру мы уже узники совести.

— Куда позвонил?

— Ну, в Amnesty International или куда там, я не знаю, куда он позвонил, но теперь ты можешь хвастаться девкам, что ты «узник совести».

— О, это зер гуд, девкам!— согласился Кирилл. И стал зевать.

Позевав, он поинтересовался:

— А Тору узника не дали?

— Нет. Он же националист. То есть хуже нас с тобой. Совсем неприкасаемый.

— Да какой он националист...— Кирилл потянулся.— По мне, так... ну, буржуазный политик... Ну, может, мелкобуржуазный...

— Да, ты прав, у Тора больше общего с либералами, не по идеологии, но по внешнему виду, по одежде, даже по качеству дачек, которые ему поступают. Сервелаты там, нарезки всякие. Мы-то попроще будем. Тор, он бизнесмен. А у нас бизнесом никто заниматься не умеет. У нас одни революционеры.

— Сами таких выкормили...— Кирилл лёг опять и только ноги одеялом прикрыл.

— Ну да, я виноват...— пробормотал Дед.

Он прошёлся по камере и задумался. «Выкормил». Ну да... Его «выкормыши» были везде: в приморских партизанах и на Манежной площади. Энергичные, храбрые сорвиголовы эти его выкормыши... А деньги делать, это для ограниченных душ...

— Деньги делать — это для ограниченных душ!— повторил Дед вслух.

— А у Немцова много денег?— Кирилл встал.

— Не столько, сколько у Абрамовича, но достаточно, чтобы летать на surfing в Венесуэлу, когда он захочет.

— А на чём он деньги сделал?

— Начинал как студент-мошенник в антураже Андрея Климентьева в Нижнем Новгороде. По стечению обстоятельств мой приятель адвокат Беляк был защитником Климентьева во время первого его процесса. В то время Немцов был уже молодым губернатором, там, в Нижнем. Так что я много знаю из показаний Климентьева. Немцов учился на физтехе, ну, видимо, денег всегда не хватало, молодой и креативный, он придумал зеркальные очки с особыми линзами, которые позволяли в карточной игре увидеть карты противника. Климентьев в 90-е был, что называется, авторитетным предпринимателем. На суде он рассказывал, что даже покупал галстуки юному Немцову. Так себе и представляю жёлтый галстук лопатой от авторитетного предпринимателя на Немцове. Видимо, эта группа в Нижнем выглядела как, помнишь, был фильм «Однажды в Америке»?

— Хороший фильм, увлекательный,— одобрил Кирилл.

— Возражений нет, увлекательный. Только из тех американских бандитов ни один не стал вице-премьером Соединённых Штатов, а Борис Немцов стал. Это характеризует тот государственный строй, который установился в России после переворота, осуществлённого Ельциным в августе 1991-го. Буржуазия впервые в российской истории; если не считать короткий, с марта по октябрь, период в 1917 году, впервые пришла к власти. Качество пришедших к власти с Ельциным оставляло желать лучшего. Немцов — это криминальная молодёжь.

— Путин вот не криминальная молодёжь, а очень даже «чекистская»,— возразил Кирилл от окна, где он уже, открыв форточку, курил свою первую сигарету.

— Как ты можешь этот сухой дым в себя, натошак,— поморщился Дед.— Ты хоть бы чаю выпил холодного или воды...

— Привычка,— застеснялся Кирилл.

Дед подумал, что в повседневной жизни он, по большей части, избавлен от наблюдения за привычками партийцев, но вот в маленькой тюрьме всё на виду. Вообще-то рослый Кирилл ему нравился. За исключением одной его особенности. Кирилл был профессиональный игрок в карты. У него даже во сне, Дед успел это увидеть, руки ходуном ходили, тасуя несуществующую колоду.

— Так вот, твой якобы чекистский Путин к 1991 году, когда покинул КГБ, был уже сорокалетним лысоватым мужиком, а не молодёжью, и тем более не чекистской. Ты мою книгу «Против Путина» не читал?

— Не приходилось,— скромно сознался Кирилл.

— Выйдешь — прочти. Вокруг Ельцина собрались в конце концов самые неприятные люди России, самые циничные, самые беспринципные. Молодые бандиты и бывшие чекисты. Амбициозный адвокат в области жилищного права Анатолий Собчак и молодые карьеристы-комсомольцы. Что Путин, что Немцов, Кирилл,— оба буржуазные политики. Оба были фаворитами мерзавца Ельцина, расстрелявшего Парламент из танков в центре европейской страны. 173 труп, Кирилл!

Повезло Путину: воображаемая монета упала «орлом» в его пользу, его выбрал в наследники Ельцин. Если бы «орёл» достался Немцову, то сейчас бы он сидел у страны на шее. И его правление было бы более наглым, проамериканским, крикливым и отвратительным...

Далее Дед рассказал, как Немцов, став губернатором в 1995-м, отдал американской жене своего друга Бориса Бревнова, Гретчен Уилсон, Балахнинский бумажный комбинат за 7 миллионов американских долларов. В то время как годовой доход комбината был тогда 250 миллионов долларов! А, Кирилл, прикинь! А когда в 1997 году в марте Немцов стал заместителем председателя Правительства России, он сделал двадцатисемилетнего Бревнова главой корпорации РАО «ЕЭС России», объединившей все электростанции и электросети...

Кирилл выражал своё отношение к Немцову во время запальчивой речи Деда, надо сказать, самыми примитивными способами, подходил и зло сплёвывал в дальняк, зло тушил сигарету, выглядело это так, как будто он тушил её о голову воображаемого Немцова. Но вдруг спросил:

— Но Немцов помог нам, приходил на Триумфальную в 2010 году, стал приходить?..

Дед подумал, что с последователями всегда так. Что-то они прекрасно понимают, а что-то схватить не умеют.

— Кирилл, это мы помогли ему. Помогли вернуться в политическую жизнь. Каждый раз, когда его «винтят» на Триумфальной, его рейтинг взлетает в поднебесные выси. До Триумфальной его уже забыли, и без Триумфальной забыли бы начисто.

3

После обеда к ним запустили правозащитников. Двух. Одну из них — девушку Каретникову — Дед знал по каспаровской линии. Когда он её впервые увидел, Дед не помнил, да и неважно. Тощая, на голове платок, завязанный ещё и узлом вокруг шеи, с виду простецкая, Каретникова, это Дед знал от Старухи Алексеевой, что называется, «молодой волк» правозащиты, и намеревалась, опять же если верить Старухе, вместе с группой молодых волков оттеснить старых правозащитников. Откуда? Ну, с арены общественного внимания. Лёгкая на подъём, вместе с мужчинами с фамилиями Давидис и, кажется, Янкаускас, Каретникова одно время была в организации «Антивоенный Клуб», а теперь вот инспектировала спецприёмник.

— Никаких жалоб у меня нет,— заявил Дед.— Как рыба в воде себя чувствую. Питание хорошее. Может быть потому, что с нами отсиживает своё бывший вице-премьер, у нас же традиция чинопочитания... Пусть и бывший, но вице-премьер...

Присутствующие при визите правозащитников две милицейские дамы стеснительно улыбнулись его словам. Он же не ругал заведение. Так, шпильку пустил...

Каретникова спросила, не оказывают ли на него давления. Заставляют ли работать?

Дед посмотрел на неё как на дуру, однако твёрдо и без объяснений ответил: «Нет. Ничего такого». Он мог бы отозваться о персонале спецприёмника и лучше, но подумал, что делать этого нельзя, а то закрутят режим, и всем, кто сюда попадает, будет несладко.

Каретникова сфотографировала Деда, стоящего между пустыми двухъярусными койками. На слабый протест милицейских дам соврала: «Я для себя только, мы с ...ардом ...иновичем давно знакомы». Однако когда Дед вышел, увидел 16 января это фото в Интернете. Сам себе он на фото не понравился. В растянутой старой кофте. Причёска как у бурсака Хомы Брута, только состарившегося. Череп Деда стал шершав, и стальные волосы кое-где пообтрепались. «Вот дрянная девка!» — подумал Дед, однако не считал Каретникову такой уж дрянной. Скорее наоборот, она ночь-полночь бежала к задержанным во все московские ОВД и, бывало, ожидала у входа, когда задержанных выпустят; опять же ночь-полночь ждала, если её внутрь не пускали.

Дед, как справедливый человек, признавал заслуги либералов, если они были. Хотя, в общем, они гнусное, задиристое, самовлюблённое и кичливое племя.

Вторая, вместе с Каретниковой, пожилая «дама», потому что ни к какой другой категории не могла быть отнесена, смотрела на Деда враждебно. Полная пожилая интеллигентка, живущая где-нибудь на метро «Сокол» или на Ленинском, такие читали Ахматову-Цветаеву-Пастернака и застали ещё «Хронику текущих событий» молоденькими девушками.

Уже в самый момент ухода правозащитниц, они уже поворачивались спинами, Дед вспомнил, что Кирилл с грустью пересчитывал сигареты в опустевшей пачке.

— Курить есть, Каретникова?

Только на мгновение задержалась с ответом правозащитница в народном платочке. И вынула непечатую пачку «Парламента». Дед видел, как по-волчьи загорелись глаза у Kitchen boys, стоявших поодаль, каждый у своей койки.

— Держите, юноши!

Дед бросил им пачку, как только закрылась дверь. Они её мгновенно растерзали.

4

После обеда Дед лежал в кровати, укрывшись своим бушлатом, и читал. Дверь открыли и его вызвали: «...ард ...инович! К вам адвокат пришёл!»

Дед не ожидал прихода кого-либо, поскольку к суду адвокаты допущены не были. А у самого у него не было планов оспаривать свой арест. Такой пустяк! Бессмысленно оспаривать, лишние движения делать. Лучше отдохнуть. Ежедневная жизнь Древнего Египта опять же... Он поднялся, надел сапоги (не нужно воображать, что хромовые или кирзовые до колен), вполне себе обыкновенные, короткие сапоги на молниях, почти без каблука, с суконной подкладкой, в них традиционно Дед ходил по зимам на Триумфальную. Пока он это делал, впрочем, довольно быстро, дверь была открыта, и самый расхристаный мент во всём приёмнике, бушлат широко расстёгнут, ментовская шапка на затылке, его ждал. Дед потопал за ним ко входу, к дежурке. У входа, в хлипком чёрном пальтишке не по сезону, стоял адвокат Орлов. Бывший следователь, адвокат Орлов, оставшийся у партии со времён больших процессов над нацболами, от 2004–2007-х годов. В те годы у партии собралась целая большая команда адвокатов, порой человек до двадцати, а в среднем так двенадцать было.

Почему так много? А процессы тогда власть по глупости устраивала многолюдные. Так, по делу о «захвате» Администрации Президента в Никулинском суде обвиняемых было 39 человек, из них девять девушек. Так что адвокатов требовалось много. Постепенно адвокатская группа как-то рассосалась за ненадобностью такой большой группы, но несколько адвокатов остались вблизи. Орлов был из их числа.

— Я подумал, что вам нужна будет адвокатская помощь,— Орлов и Дед подали друг другу руки.— Я уже обжаловал ваш арест. 12 января суд. Гагаринский.

— О, Алексей, стоило ли? Я досидел бы до 15-го, чего там.

Дед был на самом деле тронут. Партия платила адвокатам мало, и не всегда. А у Орлова маленький ребёнок, и машину он купил в кредит, чтобы из своего Подмоскovie добираться...

Они коротко оговорили детали по 12-му января, и тощий Орлов, с белым лицом туберкулёзника, ушёл, прижимая к пальто тощую адвокатскую папочку.

Дед поймал расхристанного, и тот отвёл Деда в камеру. Дед снял сапоги и вернулся в прежнее положение на кровати. Лежал на спине, колени согнуты, голова высоко на казённых подушках, покрытых одеялом. В руках «Повседневная жизнь Древнего Египта». Кирилл спал на своей койке. Больше никого в камере не было. Андрей Брут/Закстельский и Серёга Хулиган ещё убрались наверху, на кухне, мыли там тарелки и кастрюли, наверное. А может, варили чифир.

Дверь отворилась, в двери появился расхристанный.

— К вам опять адвокат. Второй!

— Они что, с ума посходили, эти адвокаты?— спросил Дед у расхристанного. Тот только весело улыбался.

— Не могу знать. Адвокаты ваши. Капитан велел пустить адвоката. Готовы?

— Готов!— Дед разогнулся и вышел к расхристанным. Подождал, пока тот длиннейшим средневекового вида ключом закроет дверь. Дождался, и они пошли.

На сей раз пришёл адвокат Тарасов.

— Здравствуй, ...ард ...инович!— Командирским сильным голосом протрубил Тарасов.— Я ждал вашего звонка 31-го, а вы почему ко мне не обратились?

— Судья не дал, злодей. Просто внаглую впарили мне старую еврейку, их адвоката, в облезлой шубе, и быстро-быстро осудили, не церемонясь. А потом уже и не мог позвонить, телефон-то, когда сюда заехал, отобрали.

— Нужно обязательно обжаловать ваш арест, ...ард ...инович...

— Орлов уже обжаловал. 12-го суд.

По лицу Тарасова было видно, что новость его не обрадовала.

— Кто у вас тут главный?— спросил адвокат Тарасов расхристанного.— Ты чего нас слушаешь, я с клиентом разговариваю. Где у вас адвокатская комната?

— Адвокатской, господин адвокат, у нас нет, помещение небольшое,— это начальник смены вышел из дежурки.

— Я должен переговорить с клиентом наедине. Где я могу переговорить с клиентом наедине?

Капитан задумался. Обращаясь к расхристанным:

— Проведи их в спалку. Пусть там поговорят.

Расхристанный привёл их в камеру, переоборудованную в спальное помещение для милиционеров. Двухъярусные койки, но в лучшем состоянии, чем у арестованных, и матрасы поновее, и белье, и одеяла. Посередине стоял деревянный стол. За него-то они и сели. Остро пахло едой, борщом, возможно. Тарасов расстегнул папку на молнии, достал оттуда большую плитку шоколада.

— Вот вам, ...ард ...инович, шоколад...

— Ай, спасибо, Борис Алексеевич, уважили. Чёрный, мной предпочитаемый.

— Ты чего стоишь тут, опять подслушиваешь?— сурово обратился Тарасов к расхристанным, который стоял в дверях.

— Но я же должен присутствовать...

— Ооо!— вздохнул Тарасов.— Кто тебе сказал такое?

— Капитан.

— А ну води сюда капитана!

— Борис Алексеевич, не скандальте, секретов у нас с вами нет.

— Действительно нет,— согласился Тарасов.— Если вы не возражаете, я приеду двенадцатого. Один ум хорошо, а два лучше.

— Да, приходите, проблемы нет.

— Орлов, надеюсь, не обидится.

Тарасов тот ещё фрукт, подумал Дед. Он раскупорил упаковку шоколада и стал жевать. Вообще-то не полагалось кормить арестованного, или нужно было хотя бы спросить разрешение. Но Тарасов, отставной полковник МВД, бывший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации, телезвезда сериала «Суд идёт», где он играет судью, в гробу видел все

их правила. Узенькое чёрное пальто в белую полоску, французский шарфик на шее, туфли с узкими, загнутыми вверх носками, автомобиль «БМВ Икс Пятый», щёголь с седыми зачёсанными назад волосами, этот бывший следователь из города Томска тоже входил в команду партийных адвокатов. Хотя, казалось бы, должен бы быть далёк от революционной партии. Однако Тарасов участвовал в нескольких больших процессах партии и прилип к ним. И никуда не уходил.

Когда Дед стал проводить свои Триумфальные митинги, Тарасов ночь-полночь приезжал к нему в отделения милиции, присутствовал при дознании, ехал с Дедом в суд. Стал, что называется, боевым товарищем.

Дед привык к его одеколону, к полковничьим шуточкам и пришёл к выводу, что судьба столкнула его с отличным экземпляром советского милиционера, достойного уважения старого русского, таких уже нынче не делают.

Тарасов немножко хвастался Дедом своим знакомым, а Деду — своими знакомыми. Он мог позвонить вдруг и сказать: «...ард ...инович, мы тут сидим с Никитой Сергеевичем Симоняном и вот у нас возник спор. ...Как называется?» Вопрос мог быть архидетским, старому полковнику важно было показать, с какими людьми он знаком. Невинное тщеславие... Тарасов под конец визита выразил Деду свои опасения:

— Вы знаете, ...ард ...инович, не хочу вас пугать, но у меня нехорошие предчувствия. Раз власть решилась на «оговор» в отношении вас, то от них можно ожидать чего угодно. И того, что подложат наркотики, а то и патроны. Вы слышали, что Путин, что премьер-министр сказал по поводу оппозиционеров с бородёнками, которые бегают по площадям?..

Дед не слышал. Видимо, премьер сказал ещё до того, как в камеру шесть занесли транзистор.

— Я думаю, что про бородёнку Путин имел в виду вас, ...ард ...инович.

— Может быть, и меня, Борис Алексеевич, может быть.

Пожав руку Тарасову, Дед пошёл к себе в камеру.

5

Пятого января уходил Яшин.

Так оказалось, что к обеду даже те, кто не обедал, поднялись в столовую.

Дед обедал. Костя Косякин, зелёный совсем, видимо, загибался, но пил чай, сидя на лавке рядом с Дедом. Националист Тор, аккуратно остриженная чёрная бородка, с такими в фильмах о Средневековье появлялись на экране испанские гранды, только зад тяжеловат для гранда, определил Дед, наблюдая. Тор заявил, что завтра объявит голодовку и потому принес сдать в столовую мясные нарезки. Целая стопка упаковок с колбасами и сервелатами высотой в полметра. Тор начал было раздавать нарезки собравшимся, но милиционер, наблюдавший за ними в дверях, не позволил.

— Сдайте в кухню! — потребовал он. — Не положено!

Тор пожал плечами и подчинился. Сдал свои нарезки Kitchen boys. Сел напротив Деда.

— Голодовку начнёте? — осведомился Дед приветливо. — А зачем? Вам же завтра четыре дня останется отсидеть. Неубедительно будете выглядеть с голодовкой.

— Меня товарищи попросили. Это поможет привлечь внимание к Манежке. Десятого выхожу, а 11-го пойдем на Манежку. По вашему примеру, хм, решили выходить каждое 11-е число месяца...

— Да, — сказал Дед. — Это хорошо. Но общественность всё равно будет думать, что голодовкой вы протестуете против вашего административного ареста в десять суток. С Манежкой не свяжут. Если хотите мое мнение: голодовка — это крайняя мера, её следует объявлять по серьёзному поводу. Вон как Бобби Сэнд из Ирландской Республиканской Армии, держал до смерти.

— Но вот Удальцов, смотрите, ...ард ...инович, сколько раз голодовки объявлял.

— Не от особого ума объявлял,— Дед покосился на Косякина, слышал ли тот нелецеприятное его мнение о партийном товарище Константина, Удальцове.

Косякин слышал, но сделал вид, что нет...

Дед подумал, что Тор, то есть бизнесмен Владлен Кралин, возглавляющий фирму по продаже информатики, впрочем, Дед не очень знал, что это за фирма, что-то близкое к информатике, националист, кивает на левого, «краснопузого» Удальцова, подражает ему. «О времена, о нравы!» — подумал Дед.

Такое стечение оппозиционеров различных идеологических взглядов: либералы, националист, левый Косякин и два нацбола, Дед и Кирилл, в одной столовой спецприёмника ГУВД Москвы объяснялось тем, что Дед приучил их всех ходить на его площадь. А слабая заселённость спецприёмника объяснялась новогодними праздниками.

31-го вечером суды ушли на десятидневные каникулы. Тем, кого загребли руки правосудия в самые последние дни декабря и в первые дни января, милиция выписывала повестки на 11 января и отпускала. Вот тут-то, 11 января, их навалит толпа. Сейчас же, на пятое января, камеры были не то что полупусты, а в каждой всего по несколько человек.

Обычный порядок обеда в спецприёмнике был вот какой. Туда загоняли обитателей пары камер, а это человек этак тридцать. Больше столовая сидячих мест не имела. По окончании приёма пищи их уводили. Подымали обитателей следующих камер.

В новогодний же пробел в деятельности судов в спецприёмнике в каждой камере сидело раз, два и обчёлся арестантов. Милиционерам было влом соблюдать обычные правила: по две камеры загонять. Им хотелось быстрее прогнать обед, закрыть всех к чёрту в камерах и, может быть, пойти подремать в свою спалку, где Дед встречался с Тарасовым.

Поэтому они и загнали всех сразу, устроив невзначай съезд объединённой оппозиции.

Пришёл Немцов.

— Только Удальцова не хватает,— воскликнул либеральный Декольтэ ещё в дверях.— А так все!

Лицо Бориса Ефимовича светилось. Было видно, что ему собрание «всех» нравилось.

На самом деле ему нравилась его новая популярность. Забытый уже обществом Немцов, арестованный, вдруг взлетел во всех рейтингах. Это же Россия, страна, в которой вице-премьер-министры обычно за решётку не попадают. Дед представил, как, захлёбываясь от восторга, передают сейчас западные агентства, что «арестован» Борис Немцов. Ex-minister is arrested in Russia,— такие заголовки в газетах Европы и Америки. У Немцова, вопреки правилам, не отобрали телефон, он знает о своём триумфе и ликует.

Свеже-загорелое, вечно красноватое, как сырое мясо, лицо, большое лицо Немцова светилось изнутри. «Бликовало», на жаргоне телевизионщиков. Выделяло собственный жир, body oil, как бывает olive oil.

Яшин подвинулся, и Немцов, переступив лавку, сел. Попросил чаю. Андрей Брут/Закстельский собственноручно поднёс дорогому гостю кружку, ручка которой была заботливо обмотана куском полотенца. Дед покачал головой на такую сервильность. И это Брут/Закстельский, двадцать четыре часа в сутки брюзжащий на власти всех уровней, от участкового милиционера и выше! «Чинопочитание на Руси» кто бы написал, а? Получилась бы захватывающая драматическая книга.

— Что-нибудь передать от вас на волю?— спросил вежливый Яшин. Дед всмотрелся: юный старичок, тридцати нет, а уже подсохли черты и головка набок, как у рахита.

— Благодарю, у нас свои каналы связи.

— Может быть, что-нибудь нужно, чтоб передали?

— У меня простые запросы. Всё есть.

Яшин устранился. Дед взялся за Немцова.

— Говорят, Борис, вам телефон оставили. И дочь с женой к вам пустили. По два часа гуляете. Вы у них привилегированный заключённый,— съехидничал Дед.

— Вы тоже.

— У меня телефон забрали.

На самом деле больше у Деда не было аргументов, если честно. Гулять он за час управлялся нормально, надышивался вдоволь. Дед был против свиданий с близкими, в принципе, даже в большой тюрьме, а в этой-то зачем, сидеть-то всего ничего... Но ему хотелось задрать этого жирного Бориса. Дед имел отличный нюх на мерзавцев, и он верил в то, что Борис Ефимович Бендер, уроженец Сочи и бывший губернатор Нижнего и бывший вице-премьер России, именно из этой категории. Он уже совершил ведь первую подлость, точнее вторую, если считать с 31 октября. Немцов пошёл со Старухой на её милицейско-правозащитный митинг.

— Я вас не спросил, когда же вас забрали, 31-го?

— Я же вам объяснил, ...ард ...инович,— вмешался Яшин.— Борис уже уходил с дочерью. Мы были вместе, якобы ругал матом Владимира Владимировича, переходя Тверскую в районе Триумфальной...

Дед поморщился и выключил себя из разговора. Если бы не условности, Дед бы прямым текстом сказал что-то приблизительно следующее:

— Вы, Борис, скотина! Я бы предпочёл быть союзником с экзотическим и вечно кипящим Каспаровым. Правда, выяснилось, что он трус. И с Касьяновым. Они были более надёжны, какие-то остатки порядочности сохранили. Вы же, пройдя через ельцинскую школу, просто вышли оттуда бессовестным и беспринципным. Вы глупы, но коварны, я с вами ещё натерплюсь, Борис! Жаль, что мне не удалось сформировать триумвират Каспаров — Касьянов — Лимонов. В 2008-м, когда я эту меру предлагал, у оппозиции не было никаких других лидеров. Если бы тогда объявили триумвират, персонифицировали оппозицию этими тремя именами, так бы далее всё и пошло. Три лидера.

А теперь я вынужден иметь дело с такими проходимцами, как вы, Борис. В большой клубок к тому же вы спутались уже 31 октября со Старухой Алексеевой и другими персонажами предательства. Вас сплотило предательство в одну кучку. Вечно подающий надежды балабол Володя Рыжков, старый жулик Лёва Пономарев, кто там ещё вихлялся на милицейско-правозащитном митинге? А там ещё прибились новые оппозиционеры: прыщ Роман Доброхотов, «Женя» Чирикова...

— Чёрт знает с кем приходится иметь дело,— подумал Дед, с тоской глядя на Бориса Ефимовича и Яшина. Чем, например, заслужил титул «политика» Илья Яшин? Забрызгал красной краской памятную доску в честь Андропова на здании ФСБ. А ещё, скопировав нацбольскую акцию, повисел на именном мосту с Марией Гайдар и транспарантом. Да, большущий политический капитал.

— Чёрт знает с кем приходится иметь дело. Доброхотов что-то на гитаре на митинге спел...

6

После обеда Дед пошёл на прогулку с Немцовым. Дед, воротник бушлата поднят, шапка надвинута чуть не на уши, под бушлат поддеты все имеющиеся в наличии свитера, руки в карманах, резко контрастировал с Немцовым. Выше Деда на голову, парка с меховым воротником распахнута, красная шея и физиономия («Господи, он же в солярий регулярно ходит»,— догадался Дед!) без головного убора. Немцов был яркогуб, как Вакх, и непристоен в этом месте. Они разговаривали, расхаживая во всю длину щели между зданием спецприёмника и забором. Вверху колючая проволока, с острого конца щели нависал многоквартирный высотный дом. «Луны только не хватает,— подумал Дед.— И часового со штыком».

Немцов никогда за решёткой не был, поэтому он взахлёб пересказывал Деду свои новые знания. Причём таким поучающим, что ли, тоном, как будто Дед ничего этого не знал («Вот дурак-то,— подумал Дед»).

Говорил с восторгом о сокамерниках, его посадили с двумя кавказцами, и он ликующе был убеждён, что обратил их в протестную веру.

— Эти ребята думают только о том, как вас использовать, Борис,— не удержался Дед.

— Почему?— изумился Немцов.

— Вы для них — удача. Очень известный человек, они уже обдумывают, как вас использовать. Я, правда, не думаю, что такого опытного парня, как вы, легко использовать.

— Да уж, непросто,— согласился Немцов.

— А вот ваш друг и тёзка Бревнов отлично вас приспособил для собственных нужд.

— Ну нет, я до сих пор убеждён, что выбор был правильный. Борису, впрочем, нужно было ещё немного времени, чтобы акклиматизироваться в РАО ЕЭС.

— Начал он борзо. На субботу-воскресенье летал в Соединённые Штаты на корпоративном самолёте за счёт государства.

— Это неправда, вот это точно неправда...

Было не холодно, несколько градусов мороза. В нескольких камерах были открыты форточки. В одной из них появилось девичье лицо.

— Мужчины, сигареткой не угостите?

— Не курю,— сообщил лицу Дед.

Немцов бросил барышне сигарету. Первый раз она упала в снег. Немцов поднимать её не стал. Бросил вторую. Вторую девица поймала в лапки. Рассмотрела.

— Ух ты, «Парламент»! А вы, с бородкой, на Ленина похожи...

— Так это он и есть!— развеселился Немцов.

И они продолжили ходить туда-сюда в щели. Кирилл разговаривал о чём-то с кавказцами, сокамерниками Немцова. Все трое не хотели мешать первым лицам беседовать с глазу на глаз. Может быть, предполагали, что речь идёт о важных вещах. На самом деле — о неважных. О политике они не говорили.

Только один раз, перед тем как покинуть Немцова в прогулочном дворике, Дед упрекнул его в предательстве 31 октября.

— Вы поддержали раскол «Стратегии-31», осуществлённый Администрацией Президента с помощью Старухи Алексеевой. Вы не должны были этого делать...

— Ну мы же потом пришли на ваш митинг!— почти простодушно заявил Немцов. И даже остановился во дворике, якобы обиженный.

Дед подумал: «Сука ты, Борис. Вторгся в чужое политическое пространство, поддержал Алексееву, а через неё — власть. И ещё тут разыгрываешь голубя мира. Ельцин твой — ублюдок, и тебя он выбрал за твои неприятные качества».

— Я пойду,— сказал Дед.— Замёрз. Кровь не греет.

И он поднялся по ступеням и несколько раз очень сильно ударил в двери кулаком, вызывая конвойного, чтоб открыл дверь.

Не быстро, ему открыли. Кирилл, затоптав сигарету, присоединился к нему. И, громко стуча ногами, чтобы отлип от обуви снег, они ушли во внутренности маленькой тюрьмы.

— Накурился ты как, воняешь!

В камере они сняли верхнюю одежду, и от Кирилла вдруг потянуло неуютом, мужским общежитием. Казармой.

Дед вздохнул о своей девке. Девки вообще существа нежные. Потому о них и вздыхают в казармах и в тюрьмах.

Евреи — это египтяне!

1

Кирилл покинул спецприёмник 8 января.

Дед был даже рад, что Кирилл уходит. Ну не то чтобы рад, но Кирилл был свой, а когда путешествуешь в чужие земли, то, чтобы лучше разглядеть город, или

страну, или племя, лучше быть одному. Тогда больше увидишь. А спецприёмник был и город, и страна, и племя, в котором путешествовал Дед. Ну и что, что Дед уже побывал здесь, всё равно страна осталась полужнакомой.

С Кириллом они пожали руки, прилегли на мгновение друг другу на грудь и хлопнули пару раз по спине друг друга.

— Скажи там пацанам, пусть ничего не присылают, зазря деньги не тратят, — сказал Дед. — Мне ничего не нужно, всего вдоволь. Мыла одного три куса. И еды не надо, тюремной хватает.

— Скажу, — заверил Кирилл и ушёл вечером около 18 часов, хотя их задержали-то раньше, в 17 часов. Государство украло у Кирилла ещё час свободы.

10 января ушел на свободу Владимир Тор. На кухне остались десятки начавших уже подванивать пакетов с нарезанной колбасой. Поскольку он с 6-го держал не сухую, но мокрую голодовку, пакеты сдал на кухню. Kitchen boys догадались, впрочем, освободить колбасу из плена пластиковой упаковки, и она, быстро подсохнув, годилась в пищу. Стояла в сковородке на цинковом прилавке раздаточной. Кто хотел, тот брал, но не все брали, русский арестант придиричив.

Тор попрощался с Дедом за руку, сверкнув (или блеснув) чёрными глазами, пошёл в камеру собираться. Будет уже близко к полуночи, когда его выпустят, потому что взяли его ближе к полуночи в районе Манежной площади 31 декабря.

«Тор, хм, бог войны у древних германцев. Детство какое-то, ей-богу. Он же русский националист, а не германский, отчего же «Тор»? Пристало бы русскому националисту что-нибудь вроде Перуна. «Владимир Перун» звучит, впрочем, ещё инфантильнее. Ну, может, он псевдоним в детстве избрал, — простил Тора Дед. — «Перун» звучит близко к «пернатый». «Двум пернатым в одной берлоге не ужитья!» — вспомнил Дед остроуту покойного генерала Лебеда...

Вот кто был народная фигура... Убили ли Лебеда? Якобы вертолёт задел за линию высоковольтных передач и рухнул... Вот генерала Рохлина убили точно. Смерти трёх генералов... Это что же, все три случайности? Все, что называется, были непутёвые, все могли возглавить армейский мятеж; смерти эти подозрительны. Рохлин, Лебедь и третий, как его? Ты же у него, Дед, был в Ростове-на-Дону, в кабинете, перед самым твоим большим арестом в марте 2001-го. Как его? Трошев! Вот, Трошев! Крушение самолёта в Перми...

2

10-го ушёл на свободу и Костя Косякин. Ушёл в таком состоянии, что Дед подумал, разглядывая Костю в последний раз в столовой, тот с трудом поднялся, чтобы попрощаться, что Дед подумал: «Костя не жилец». Ссохшийся и зелёный, Костя собирался прямо из спецприёмника ехать в знакомую ему больницу.

— Сука судья, закрыл вас больного. Не имел, вообще-то, никакого права, — сказал Дед. — Зная, что вы больны.

— Да он не знал, судья-то, — виновато сообщил Костя. — Я не сказал.

Дед покачал головой. В этом одном поступке как на ладони весь Костя. Стеснительный старый мужик, пришедший в «Левый фронт», где он оказался среди мальчишек-комсомольцев. Старше всех, из КПРФ. Промолчал, что болен, промолчал, что онкологический больной, что где-то в 2006-м перенёс, как тогда казалось успешную, операцию по удалению раковых клеток в желудке... В 2009-м, когда они познакомились, Костя Косякин был крепким таким мужиком, коротко остриженная седая щетина головы, крепкие руки бывшего боксёра. «Левый фронт» отправил Костю своим представителем в «Стратегию-31». Костя прижился, связал свою судьбу со «Стратегией» и с Дедом. Вместе они пережили Старуху, раскол. Либералы прислали своих представителей в оргкомитет, девчонку Настю Рыбаченко и рыжего Севу Чернозуба, но долго инфантильные либералы не удержались, их унесло боковым течением. А Костя пришёл, и как краб являлся на все 31-е числа и, в ту же пору, крабом разбрасывал милиционеров и когда они были милиционерами, и после того, как их переименовали в полицейских.

Дед узнал о том, что Косякин борется с раком, не от него самого, но от левофронтовских комсомольцев. Бесшабашные, в ответ на вопрос: «А с Костей серьёзно?» левофронтовцы брякнули: «Костя? Так он же от рака умирает!». И заговорили о своём.

Дед подумал тогда об их бесчувственности некоторое время, но пришёл к выводу, что такими они и должны быть, хлопцы-комсомольцы. Бесчувственными. Считая себя наследниками комиссаров гражданской войны, ребята эти должны были презирать всякие сопли и слюни, и сочувствие должно бы рассматриваться как слабость.

Дед тоже не был сентиментален, однако со старым Костей было другое дело. За несколько лет участия в «Стратегии» Дед проникся уважением к нему. «Честь в верности» — вполне относилось к Косте. Незлобивый, но твёрдый, Косякин был как старый, мощный, обросший мхом гигантский валун, который никаким современным способом не своротишь. В десятках случаев он занимал бескомпромиссные позиции, а раза два проявил себя бескомпромисснее Деда.

Угольщик, а позже чиновник в министерстве угольной промышленности, Костя по происхождению и биографии...

— Чёрт! — вспомнил Дед, — он же не рассчитывал дожить до прошедшего лета, точно, весной ты подвозил его, Дед, на твоей «Волге» от здания мэрии, где вы подавали уведомление на проведение следующего митинга на Триумфальной, до ближайшего метро, так вот весной он же тебе сказал, что плохо, дерьмово себя чувствует, в ответ на твой вопрос: «Вы чего так исхудали, Костя?». Он же ответил тебе тогда: «Да у меня большие проблемы с желудком. Несколько лет назад делали операцию. После чувствовал себя хорошо. Теперь вот рецидив».

После, когда выходил из «Волги», сказал грустно: «Дай Бог до лета дожить!» Дед и его парни дружно возразили: «Не позволяем, Костя, вы нам нужны, живите долго!» Костя грустно улыбнулся. До лета дожил и не позволял себе больше ни одного упоминания о своей болезни. Вот и до нового 2011-го дожил.

Дед попытался резюмировать всё, что он знает о Косте. Ну да, угольщик, затем чиновник в министерстве. Живёт где-то в районе Кутузовского проспекта. Жена умерла какое-то количество лет назад. Есть взрослые дети, живут отдельно, был исключён из КПРФ за радикализм. Пришёл в «Левый фронт». В юности занимался боксом, имел разряд, тренировал позднее ребят.

Стриженный под машинку, серая щетина salt and pepper, сумка на плече...

3

Суды между тем заработали. Кончились новогодние каникулы, и с конвейеров судов стали непрерывно падать в спецприёмник совершившие административные правонарушения. К вечеру 11 января, когда уходил хулиган Серёга, «шестая» оказалась переполнена до краёв. 17 человек на 14 кроватей. К туалету вела вонючая дорожка, потому что административные правонарушители чистоплотностью не отличались, а у милиционеров не появилось желания как-то дисциплинировать и цивилизовать их. Ну, скажем, войти в камеру, указать на первого попавшегося и приказать:

— Ну-ка бери тряпку и живо вымыть пол, дальняк отпидорасить до блеска! Пошёл!

Дед хотел было построить их, Дед был чистюля, но, оглядев и оценив их, отказался от проекта. Несколько алкоголиков из Зеленограда: оштрафованные за вождение в нетрезвом виде, армянин Гарик и азербайджанец Эдик, ещё какие-то корявые личности... Один раз уберут, тотчас же опять всё засрут. При такой скученности трудно держать порядок. Он же не старший хаты.

Он плюнул и окопался у себя в койке.

Но окружающие дебоширы и хулиганы стали обращаться к нему как к старшему хаты. Тон задал армянин Гарик.

Осуждённый раньше других, он попросился к Деду в соседи.

— Можно, я рядом с вами? Вы не против?

— Стелись!— ответил ему Дед, отвлѣкшись от «Повседневной жизни Древнего Египта».

Гарик занял место, которое занимал Брут/Закстельский. Хозяйственно присвоил себе несколько одеял с соседних коек. И стал вести себя, как будто он слуга или сын Деда.

— Вам заварить чаю? Хотите конфет?

Дед посмотрел на маленького армянина с подозрением. Потом решил, что Гарик либо признал в нем натурального лидера, либо просто хорошо воспитан своей семьей в уважении к старшим.

Гарик был первым в Дедовой банде. Ну не банде, а в контингенте, который стал его слушаться и обращаться к нему за советом. К вечеру 11-го большая часть камеры признавала его авторитет.

А тут ещё в хату бросили, совсем к ночи, господи, твоя власть. Появился Брут/Закстельский!

— Андрей!— Дед встал и тепло похлопал уже теперь старого приятеля по спине.— Я тебя, конечно, ожидал. Но не так блистательно быстро!

— Сеструха, сука! Сдала меня менту. Приехал, сижу у квартиранта, которому сдаю комнату, а она, как только голос мой услышала, позвонила своему другу участковому...— Чаю дайте кто-нибудь?

Дед вынул из тумбочки пакетик и положил в свою чашку. Дорогому сокамернику тёплый приём.

— Сколько в этот раз?

— Пятнадцать. Я сам попросил. Да и здесь на кухне я нужен. Просил же я подполковника меня в кухню оформить. В штате, говорит, нет такой вакансии.

— У нас тут хорошо, Андрей. Ни сеструхи, ни участкового, ни судьи. Сами себе хозяева. Живём не тужим, три раза в день кормёжка. Только обоссали вот всё...

Три узбека, два таджика, армянин Гарик, азербайджанец Эдик и алкоголики из Зеленограда с уважением наблюдали сцену встречи. Брут/Закстельский улыбался довольный.

— Здесь мой дом, а нигде больше,— сказал он торжественно.

Дед был растроган. Он даже подумал, а не предложить ли страдальцу место на верхней шконке над собой. Несмотря на переполненность хаты, на верхнюю шконку над Дедом пока ни один наглец не покусился, да и у милиции не было душевных сил на это. Во всяком случае, у этой смены не было. Но он же, сучок красноносый, плохо спит, вставать будет, ворочаться. Нет, не стану.

— Где бы кости бросить?— обратился именно к Деду Брут/Закстельский.

— Там в глубине вон ещё место есть,— кивнул Дед. Действительно, одно ещё было.

Брут/Закстельский пошёл в указанном направлении. Разместился. Вернулся к Деду.

— Это. Там со мной привезли этого националиста, который тут у нас голодовку объявлял. И другого с ним.

— Тора, что ли, привезли?

— Ну да.

— А второй кто?

— Дё... Дёмин какой-то, кажется. Здоровый такой. С бородкой.

— Дёмушкин?

— Во-во, Дёмушкин.

Дед заулыбался. Это они на Манежную попытались выйти. Подражая нам на Триумфальной, хотят сделать 11-е число традицией. Но мы хоть прикрытием ореола союза с правозащитниками сумели себя утвердить, а у националистов никакого извинения, эксцюза, как говорят французы, нет. То есть члена лысого им позволят. Не позволят.

12-го его повезли в Гагаринский суд. В полицейском форде. Явилась девка-офицерша, блондинка с хорошо вымытыми ради Деда и суда волосами. Она уселась рядом с полицейским водителем. А Деда на заднем сиденье окантовали двумя здоровыми мужланами.

С девкой в автомобиле Дед оживился. Будучи старым греховодником, он неизменно возбуждался от присутствия женщин, больше и энергичнее говорил, шутил, появлялся блеск и талант в выражениях. А тут ещё смазливая и тоненькая девка с пистолетом на поясе.

Дед спросил её: «Вы на заказ форму шьёте или подгоняете, она на вас так ладно сидит?»

Девка объяснила, что подгоняет, приветливо улыбнувшись Деду с переднего сиденья. Дед с удивлением констатировал, что у девки на погоне одна звезда. Майор? Получалось, что майор.

В Гагаринский суд Деда провезли мимо дома, где он снимает квартиру. Дед даже не взглянул на «свои» окна, до того очерствел. «А чего на них глядеть?» — подумал он. Согласно его сведениям, там поселились его товарищи-охранники, пусть живут на здоровье. Хотя бы поспят нормально. А то живут своими общежитиями по десять-пятнадцать человек в квартире, как таджики.

У Гагаринского суда дорога была заблокирована грузовиком и ОМОНОм.

— Кого-то важного судить привезли?— спросил Дед, ни к кому в частности не обращаясь. На так спросил, внутри автомобиля.

— Ну да, вас привезли. Вы же лидер,— сказала девка-майор с переднего сиденья. Без всякой насмешки.

Внутрь его ввели без наручников, но окружив просто толпой ОМОНа и обычных полицейских. Через какие-то чёрные лестницы. Привели и посадили в коридоре. Дед даже захихикал, потому что коридор суда ради него очистили.

К нему пробрался адвокат Тарасов. Щегольское пальто, чёрные туфли с загнутыми вверх носами, шарфик, редкие седые волосы зачёсаны назад с помощью жидкости для волос, да так и застыли, прядками. Дед вспомнил другого адвоката, американца, в Нью-Йорке, того звали Эл, у него точно так же были зачёсаны назад волосы, прядками. И пованивало от него сильным мужским одеколоном. «Профессии накладывают на людей отпечаток»,— подумал Дед. И стал обсуждать с Тарасовым, что он будет говорить. Появился Кирилл, оказывается, адвокат Орлов вызвал его свидетелем.

И действительно, ведь Кирилл присутствовал при задержании Деда. И расскажет, что Деда задержали в пяти шагах от двери в подъезд. Кирилл расскажет, как было дело. Но судья его свидетельство не примет во внимание. Поскольку Кирилл был сам осуждён в это же время за неповиновение полиции и за то, что ругался матом.

Пришлось провести в коридоре суда довольно долгое время, потому что адвокат Орлов опоздал. Адвокат Орлов жил в Московской области и зависел от электричек, которые ходили нерегулярно. Автомобиль он взял в кредит, но водить его опасался.

Адвокат Тарасов, оглядев блондинку-майора, заметил, что личный состав МВД меняется к лучшему. «В моё время таких поразительных девушек вовсе не было»,— сказал адвокат Тарасов, остановившись взглядом на выдающихся бедрах майора.

Их отгородили в их аппендиксе коридора здоровенными бойцами ОМОНа, и явившиеся в суд активисты партии приветствовали Деда из-за частоккола из омовцев.

Пришёл Орлов, их позвали в зал. Адвокаты недовольно, но миролюбиво посмотрели друг на друга.

Судья, высокий и плотный красавец лет сорока, недовольно поглядел на обоих адвокатов.

За компьютерами справа от судьи сидел худенький конопатый секретарь суда, даже не секретарь, но секретаришко такой себе. В зале стоял запах бумаги и электричества. Дед подвигал ноздрями.

— Пахнет бумагой и электричеством.

— Электричество не пахнет,— сообщил Орлов. Он закончил свою милицескую службу капитаном.

— Бумагой и электричеством,— с удовольствием повторил адвокат Тарасов, имевший при увольнении звание полковника, следователя Генпрокуратуры по особо важным делам. «Артистизм и воображение Тарасова превышают артистизм и воображение Орлова»,— отметил Дед.

Судья вызвал первым свидетеля — майора из ОВД на Ленинском проспекте. Тот, не стесняясь, пересказывает неправдивую версию задержавших Деда бойцов 2-го оперативного полка. Майор ещё добавляет от себя, что Дед якобы продолжал ругаться и отталкивать от себя полицейских, уже находясь в ОВД на Ленинском.

«Сукин сын!— подумал Дед.— С такими показаниями мне могут уголовную статью вменить». Но вслух лишь произнёс: «Вы говорите неправду».

Ещё два свидетеля, те же подлые увальни, свидетельствовавшие против Деда в предновогоднюю ночь, повторили свои неправдивые показания.

Свидетели Деда Кирилл, Миша-панк и Ананас сообщили судье, что Дед был задержан в пяти шагах от двери дома, из которого вышел. При этом Дед был корректен и вежлив. Адвокат Орлов обратил внимание судьи на грубейшие нарушения ментами из ОВД на Ленинском делопроизводства.

Судья удалился для вынесения постановления. Всё также воняло бумагой и электричеством. Плюс побывавшие в зале суда полицейские оставили свой запах сапог, ну не сапог, а этих, шнурованных высоких ботинок из грубой кожи, «берцев».

В ожидании постановления оба адвоката, Дед, блондинка-майор и два судебных пристава плюс хилый секретаришко разговаривали. О политике, о чём же ещё.

Дед:

— Нам нужна в России демократия, но не нужен либерализм. Либерализм — это расстрел парламента в 1993-м году, шоковая терапия в 1992-м, сфальсифицированные в 1996 году выборы Ельцина, назначение Путина. И со всем этим периодом ассоциируется, заметьте,— фамилия Немцова. Я вчера с ним долго беседовал на прогулке. Немцов — ярко выраженный буржуа. В такой стране, как наша, у него нет никаких шансов вызвать симпатии населения. Путём свободных выборов Немцов и компания не придут к власти, так что они не требуют свободных выборов. На самом деле либералы давно уже у власти в лице Путина, он представляет либеральный авторитаризм. Немцов же — прозападный ультра-либерал. Они родственники, Путин и буржуазная оппозиция. Обе стороны, впрочем, скрывают свою родственность. Им невыгодно её признавать...

— А Вы знаете, ...ард ...инович, что прокремлёвское движение «Сталь» пустило слух, что Немцова изнасиловали в спецприёмнике? (Адвокат Тарасов.)

— Остолопы! (Дед.)

Судья вышел часа через два. К тому времени они уже истощились и замолчали.

Судья скороговоркой огласил регулятивную часть постановления. «Жалобу адвоката Орлова отклонить. Решение мирового судьи ...ского суда оставить без изменения».

— Сколько сейчас времени, товарищ полковник?— спросил Дед у Тарасова, когда судья вышел.

— 19 часов, ...ард ...инович...

— Из-за этого глупейшего суда я пропустил обед и ужин,— сказал Дед зло.

— Вам оставили поужинать,— сообщила майор.— Выезжая, мы договорились...

Добравшись в спецприёмник, Дед первым делом (вещи он возил с собой в суд и теперь вернулся с книгами и тапочками-полотенцами в чёрном пакете) обратился к дежурному капитану с просьбой перевести его из камеры №6 в камеру №5.

— Она же у вас пустая, капитан?

— Откуда вы всё знаете, ...ард ...инович?— развеселился капитан.

— У нас свои источники информации. На самом деле, капитан, Яшин уже успел выступить на «Эхе Москвы» и на всю страну выболтал, что после его ухода уйдёт таллиннский англичанин и камера станет пустой. Она и стоит пустая. А к нам вчера вечером и сегодня бросили в «шестую» аж одиннадцать человек. Они хрюкали, храпели, разговаривали до утра. В результате я не выспался совсем.

Капитан приказал сержанту перевести Деда в «пятую».

Пока Дед скручивал матрасы и одеяла и ходил несколько раз между «шестой» и «пятой», к нему в сокамерники напросился Брут/Закстельский, с ним ещё двое Kitchen boys, совсем новые, и армянин Гарик. Дед пожал плечами и пошёл просить за них. Капитан разрешил.

Дед устроился наилучшим образом. В углу у окна, рядом с двумя шикарными радиаторами. Он тотчас, помимо тумбочки-дубка, освоился на подоконнике, выложив туда книги.

Три матраса, три одеяла, две перьевых (!) подушки, в качестве потолка Дед положил на второй ярус над собой четвёртый матрас. Армянин Гарик поместился рядом с ним. Дед устроился, как Пахан.

И спал на новом месте очень хорошо.

Правда, ночью к ним бросили ещё одного сокамерника, водителя с неоплаченным штрафом.

Брут/Закстельский притащил из «шестой» транзистор. Дед не забыл на самом деле транзистор в «шестой», он оставил его намеренно. Но Брут/Закстельский не знал этого обстоятельства.

Транзистор поведал им, что Владимиру Тору впаяли 15 суток за стояние на окраине Манежной площади за полицейским ограждением.

«Полицейскими репрессиями власть пытается сбить волну протестов»,— сообщил аналитик в транзисторе. Ещё аналитик процитировал высказывание Владислава Суркова: «Одиннадцатое происходит от тридцать первого».

Дед скромно порадовался похвале вечного заместителя главы Администрации Президента, полученченца, «серого кардинала» Аслана Дудаева — Суркова. «Хоть этот не стесняется иногда признавать мои заслуги»,— буркнул себе Дед между усами и бородой. Время от времени Дед получал сведения о том, что Сурков считает его единственным в России человеком, генерирующим новые идеи. Ходили даже слухи, что Сурков-Дудаев завидует Деду.

В 2005 году, в январе, Сурков дал огромное, на две полосы, интервью газете «Комсомольская правда» с заголовком «Лимоны и яблоки растут на одной ветке», где с опасением отозвался о возможном союзе либералов-яблочников с нацболами-лимоновцами.

Этим интервью Сурков подсказал Деду, что ему следует искать союза с либералами. Что Дед и сделал немедленно. Поехал к Хакамаде, поехал к Явлинскому («и яблоки») с предложением создать коалицию «Россия без Путина». Одновременно питерское отделение нацболов завязало дружественные отношения с питерскими «яблоками». Дед даже был приглашён в Питер и выступил там, в помещении питерского «Яблока», сидя под их флагом вместе с руководителем питерских яблочников — Максимом Резником. Большой, драчливый, плотный Максим понравился Деду. Да и до сих пор продолжает нравиться, несмотря на то, что Явлинский к настоящему времени запретил яблочникам якшаться с лимоновцами.

— Всегда следует прислушиваться к политическим врагам,— вполголоса сказал Дед.

— Что? ...ард ...инович,— спросил армянин Гарик, остановившийся, руки в карманах китайских треников.

— Говорю, что следует прислушиваться к политическим врагам. Следовало вырастить лимоны и яблоки на одной ветке.

— А, ну да. Конечно,— маленький армянин твёрдо знал, что лимоны и яблоки не смогут вырасти на одной ветке, каждый армянин это знает. Но возражать седому, усатому и бородатому авторитету в очках Гарик не стал. Он был основательно воспитан в уважении к мнению авторитетов. «Вот чем они хороши, эти темноволосые и черноглазые ребята, так именно в этих случаях. Русский бы стал оспаривать, требовать разъяснений, еврей тоже...— подумал Дед,— развёл бы вздорную полемику...»

Промелькнувшее в голове словечко «черноглазый» снова вернуло Деда к черноглазому Дудаеву-Суркову. «У Суркова длинные ресницы и сверкающие чёрные зрачки, точь-в-точь как у моего сына,— вдруг понял Дед.— У моего сына длинные и густые чёрные ресницы и сверкающие глаза».

«Почему?» — задался вопросом Дед. И сам себе легко ответил. От мамы Кати. В деревне Старые Печуры, высоко на холме на сельском кладбище Катя показала ему могилу одного из своих родственников по фамилии Бараев. Так вот получилось, что в венах его сына течет и чеченская кровь. Так Дед породнился с чеченцами.

...ард ...инович, Сурков-Дудаев украл у нацболов и идеологию, и принципы организации НБП — праволевая политическая ориентация, патриотизм, имперский национализм. Сурков создал организацию «НАШИ» для борьбы с национал-большевиками, созданными Дедом. Сурков проштудировал тщательным образом все номера партийной газеты «Лимонка», либо он прочёл книгу «Как мы строили будущее России», в книге всё изложено. И комиссаров взял оттуда, и даже название «НАШИ» принадлежит Деду. Он употребил десяток раз это «НАШИ» и символизировал его в статье «Размышления у пушки», опубликованной в газете «Известия» осенью 1990 года...

Думая о Дудаеве-Суркове, Дед в то же время ходил по хате, привычно заложив руки за спину, от своего окна к двери. Таким же образом он ходил и в тюрьме Лефортово, и в Саратовском центральном, шурша тапочками. «Что ты, старый, в своё время писал о комиссарах?» — спросил себя Дед. «Ну, то, чем воспользовался Сурков...» Как там было? «При отборе... при отборе ребят следует сразу делить их на «комиссаров», способных вести работу по пропаганде и агитации, способных выступать перед массами (убалтывать массы), и на солдат. Солдатская должность почётна, но на данном этапе борьбы нам важнее «комиссары» — сеятели нашей идеологии, развитые и образованные...»

«Хэ,— крикнул Дед,— уже в 2005-м комиссары «НАШИХ» появились в России, вскоре их стали собирать вместе в летний лагерь на Селигере, но это ты всё заварил в 1994-м. Дед, ты...»

6

Ни на завтрак, ни на обед осуждённый Тор не явился. Немцов также не покинул свою камеру ради обеда. Вчера у Немцова рассматривали кассационную жалобу.

От разводившего их после обеда по камерам сержанта Дед узнал, что в спецприёмник привезли двух националистов. Тора и ещё одного, с бородой, Дёмина?..— неуверенно и вопросительно произнёс сержант.

— Дёмушкина.

— А что, жалобу Немцова удовлетворили?

— Какой там! Вернулся, как и вы, только очень поздно.

— Ну да, либералы любят мозги потрахать,— Дед не скрывал своих противоречий с либералами от милиционеров.

Дед взял книгу «Государство, армия и общество Древнего Египта», в оригинале на немецком книга называлась короче и лучше: «Повседневная жизнь в Древнем Египте», и вскарабкался на верхнюю палубу над своей постелью, взяв с собой туда пару подушек, устроился поудобнее.

«Как в детстве,— подумал Дед.— Матрасы пованивают и подушки человеческим жиром и слюной, но не сильно. Хорошо. Уютно. Счас устрою себе пиршество Духа...»

Древний Египет всегда был в сердце Деда. С самого 1968 года, когда в Москве юный Дед попал в Египетский зал музея имени А.С.Пушкина на Волхонке. Таинственно подсвеченные археологические находки мистифицировали его, как будто он пришёл в таинственную церковь. Там была одна коричневая до копоти мумия, изо рта её торчали удивительно белые зубы. Вернувшись в Россию через четверть века, Дед навестил музей, Египетский зал, и там как ни в чём не бывало лежала та самая мумия и зубы у неё были так же белы, если не белее. Дед сказал ей: «Здравствуй, женщина!»

Мумия блестела зубами.

«Египет велик»,— думает Дед.

И он непостижим.

Сверхразвитое бюрократическое и теократическое государство, окружённое морем примитивных дикарей, жителей Нубии, Ливии, Аравии, Ханаана, всех этих неотёсанных скотоводов.

Египет был уникален. И то, что он вырвался поразительно впереди всего человечества — несомненное доказательство: Египет получил в наследство знания и умения от иной высокоразвитой цивилизации.

Нет достоверных данных, что этой цивилизацией была Атлантида. Есть смысл заявить раз и навсегда. А вот сомнений в передаче Египту высокого знания не может быть.

Египет различал пять видов человеческой души, пять душ, среди них душу «Ба» и дух «Ка», и знал о параллельном нематериальном мире, возможно, всё, или почти всё, или многое, в то время как мы не знаем ничего. Мы копошимся ещё на поверхности мира материального.

Египет создал не только гигантские пирамиды (118 на 2008 год обнаружены) и храмы, назначение и способ построения которых до сих пор не объяснены убедительно. Уникальная, очевидно также позаимствованная у иной предшествующей цивилизации, иероглифическая письменность египтян является самой древней из известных нам письменностей.

У египтян была настоящая мания подсчёта и записывания. Писец — самая распространённая, самая изображаемая фигура египетских надписей и рисунков. Египет, получается, был величайшей бюрократической державой, содержавшей гигантский штат чиновников-писцов. Писцы считали сельскохозяйственную продукцию, произведённую крестьянами, зерно и количество скота и птицы. Писцы тщательно регистрировали сокровища храмов. И судебные тяжбы.

Дед стал потрошить книгу, заглядывая сюда и туда. Он мусолил книгу уже неделю, с общими выводами давно умершего немца педанта Адольфа Эрмана был не согласен, однако всё в совокупности, этот ансамбль знаний, было интересно.

Как там Геродот о них? Дед нашел нужную страницу. Геродот побывал у них. Вот что пишет:

«Народ в большей части своих нравов и обычаев полностью противоположен тому, как обычно поступают люди. Женщины ходят на рынке и торгуют, а мужчины сидят дома за ткацким станком. (...) Кроме того, женщины носят грузы на плече, а мужчины на голове. Женщина не может занимать должность священнослужителя ни при Боге, ни при Богине, а жрецами и тех и других являются мужчины.

Сыновья не обязаны обеспечивать своих родителей, если не желают этого сами, а дочери должны это делать, хотя бы они этого или нет.

В других странах жрецы имеют длинные волосы, в Египте же головы их обриты; во всех других местах принят обычай, что на время траура родные умершего коротко бреют волосы, а египтяне, которые в любое другое время ходят совсем без волос, при потере родственника отращивают длинную бороду и длинные волосы на голове.

Все другие люди живут отдельно от животных, египтяне же всегда держат животных рядом с собой. Другие едят ячмень и пшеницу, в Египте делать это позор, а зерно, которым они питаются,— полба, которую некоторые называют «зеа».

«Тесто египтяне месят ногами, а грязь — руками».

«Их мужчины носят две одежды сразу, а женщины — только одну...»

«Когда египтяне едят или считают, то двигают рукой не слева направо, как греки, а справа налево...»

«Египтяне поклонялись быкам, вместо того чтобы приносить их в жертву, почитали угрей, вместо того чтобы их есть, и оплакивали умерших кошек, вместо того чтобы сдирать с них шкуры».

«Этот народ почитал как богов быков и крокодилов, которым служили безволосые жрецы в льняной одежде».

Дед отметил льняную одежду жрецов, потому что его прадеды по материнской линии поколениями выращивали лён у себя в Нижегородской губернии.

Дед покопался ещё в книге и как бы навел резкость на фигуры древних египтян. Вот что у него получилось.

— Мужчины Египта брили всё тело и применяли духи, отбивающие неприятные запахи, и мази, успокаивающие кожу.

— Дети ходили без одежды до возраста около 12 лет, в этом возрасте мальчикам делали обрезание и обривали их наголо.

— Мужчины и женщины из высших слоев носили парики.

— Рацион питания состоял из хлеба и пива, плюс овощи, лук, чеснок и фрукты: финики, инжир...

Кого тебе, старый, напоминают гладко обрившие волосы такие вот намаженные вегетарианцы в париках? Они тебе напоминают персонажей научно-фантастических фильмов о будущем, старый! Точно, так и есть, в цель!

В песчаных пустынях у Нила лежит загадочное прошлое. Одинокое и чужое.

Внастоящем времени на земле Египта обитают банальные молодые арабы, такие же, как на всех берегах юга и юго-востока Средиземноморья. Сами египтяне растворились, исчезли, как будто их и не было вообще. Последнюю запись на древнеегипетском языке относят к IV веку нашей эры.

Куда они исчезли, эти древние египтяне?

Дед поворочался на своей палубе. Внизу под ним жила своей непривлекательной жизнью камера. Галдели, переговаривались. Кажется, обитателей стало больше.

Вдруг Дед, не желая спугнуть пробирающееся к нему понимание, затих, замер и понял:

Чёрт возьми! Вероятнее всего, египтянами по происхождению являются евреи. Те, что ушли из Древнего Египта, ведь назывались иври или ибри, что значит всего лишь «переселенец». Египтяне переселились в Ханаан (в Палестину), предводительствуемые египтянином Моисеем.

Недаром же Иосиф и Моисей — персонажи, действующие на территории Египта. Но страннейшим образом в Египетской истории, и в той, что высечена на древних камнях, и в папирусном виде, евреи не упоминаются. Почему?

А потому что они были египтянами, и Моисей и Иосиф, потому их иностранность и не упоминалась египтянами. Адольф Эрман, помимо того что он автор популярной книги «Жизнь Древнего Египта», он ещё и автор первого «Словаря египетского языка», так Эрман обратил в своё время внимание на необычайную похожесть египетского языка и семитских языков.

Вероятнее всего, египетская письменность,— прославленные египетские иероглифы, есть на самом деле ранний вариант первой еврейской письменности. И справа налево, справа налево:

Древние египтяне равно евреям!

Нашёл!

Дед даже потом покрылся от неожиданности. Ясно, почему не упоминаются евреи в египетских источниках.

А то, что переселенцы, отщепенцы, отселившиеся с боем (вспомним египетские казни, посланные на них), стали называть себя отдельным народом «иври» или «ибри» — переселенцы, так это нормально. И в книге «Исход» они честно признались, что пришли из Египта. Они только придумали, что они уже пришли в Египет чужими.

Дед слез с верхней палубы.

Поделиться открытием было не с кем.

Армянин Гарик как раз отогнал от его койки черноволосого и длинноволосого типа, неизвестно откуда взявшегося в камере.

— Иди, иди, не мешай серьёзному человеку.

Ка, ба, сах, ах и шуит

1

Черноволосый оказался переведённым в их камеру из «четвёрки» бомжом. Правда, помытым и постиранным, пахнувшим едко дешёвым стиральным порошком. К Деду он пытался прорваться, чтобы попросить у него книг. Джинсы подпоясаны верёвкой, белая рубашка с отсутствием половины пуговиц, иссиня-чёрные волосы, бомж выглядел как французский дворянин, брошенный в крепость за участие в дуэли.

Дед буркнул армянину:

— Пропусти его,— и с любопытством поговорил немного с незнакомым ему подвидом человека.

Черноволосого звали Серёгой, ему 35 лет, на улице он с середины 90-х, то есть чуть ли не пятнадцать лет. Дед дал ему пухлую «Анну Каренину», пообещав после прочтения Карениной дать своего «Тараса Бульбу». Дело в том, что «Тараса Бульбу» Деду забросили нацболы вместе с «Жизнью в Древнем Египте», тогда как «Анну Каренину» он обнаружил в «пятой» камере на подоконнике.

«Нас с дядей Васей вон из «четвёрки» перевели к вам»,— своеобразно ответил Сергей на вопрос Деда: «Ты из каких будешь? Чем занимался, прежде чем бомжом стать?»

Из этого «нас с Василием» Дед сделал вывод, что Сергей не хочет рассказывать о себе больше, чем назвал своё имя.

«Ну и правильно,— подумал Дед,— в тюрьме болтать не надо, опасно...»

Уходя, Сергей чуть задержался, чтобы объяснить:

— Менты «четвёрку» для кого-то важного освобождают.

Дед решил справиться у транзистора, кого везут к ним. «Эхо Москвы» ситуацию не прояснило. По «Эху» выступал слишком хорошо знакомый Деду Сергей Удальцов, «координатор», как его называли, организации «Левый фронт». Удальцов заявил о смене формата проведения «Дней гнева». Отныне «Дни гнева» будут проводиться не раз в месяц, но раз в несколько месяцев, объявил Удальцов, по необходимости.

«Фактически это признание того, о чём я предупреждал их: слишком частые митинги утомляют активистов. Думаю, по 11-м числам националисты также выходить не станут,— сказал себе Дед,— потому что им не дадут, власть костями ляжет, но не даст. Ещё один очаг, одна язвочка в центре Москвы. Они с нами-то намучились, со «Стратегией-31» уже два года мучаются».

«Дни гнева» в подражание «Стратегии-31» создали два как будто непохожие друг на друга типа. «Левый» Сергей Удальцов и либерал Лев Пономарёв.

Дед стал размышлять об этих двоих с самого начала. От печки: «Удальцов начинал как руководитель «молодёжки» — молодёжной организации внутри «Трудовой России», названной затем АКМ — Авангард красной молодёжи. Потомственный коммунист, правнук знаменитой революционной фурии Землячки, в Москве есть улица Удальцова в честь дедушки Сергея.

Лев Пономарёв — некогда близкий соратник Ельцина, однако судьба его сложилась нерезультативно, должностей и званий он не получил, и в конце концов вынужден был переквалифицироваться в правозащитники. Пономарёв сумел сделать свою организацию «За права человека» известной. У него репутация ничем не брезгующего для добычи грантов человека.

«Дни гнева» эти два джентльмена слизали с нас, это ясно»,— Дед всё стоял у транзистора, глядя в окно, и размышлял. За окном ползли трамваи.

«Даже принцип руководства у них слизан с нашего. Костяк «Стратегии» — лидер партии Дед и правозащитник Алексеева, ну, была до тех пор, пока не переметнулась. Вот и у них координатор Удальцов и правозащитник Пономарёв».

Деду были известны некоторые детали возникновения «Дней гнева», неизвестные широкой, что называется, общественности, которая видит лишь поверхность событий, но не подозревает об их глубине. Дело в том, что изначально «Дни гнева» были направлены лично против мэра Москвы Лужкова. Они и проводились, точнее, их пытались провести, всякий раз под его окнами у памятника Юрию Долгорукому.

В конце сентября 2010-го президент России Дмитрий Медведев снял Юрия Михайловича Лужкова с должности мэра Москвы с формулировкой «в связи с утратой доверия президента Российской Федерации». Ясно, что не «Дни гнева», всякий раз по 12-м числам их разгоняла милиция, свергли выдающегося феодала Лужкова Юрия Михайловича. В начале сентября 2010-го на федеральных каналах вышли несколько документальных фильмов с уничтожающей критикой в адрес Лужкова. Дед попытался вспомнить фильмы. Вот: «Дело в кепке», «Беспредел. Москва, которую мы потеряли».

Свалили Лужкова, об этом как-то рассказал Деду один из помощников бывшего премьера Касьянова, свалил его целый коллектив олигархов. Были названы имена Фридмана, Прохорова и Чубайса, заклятого старого врага Лужкова, и ещё одиозного Абрамовича.

Пока Лужков был во главе Москвы, «Дням гнева» перепали какие-то деньги от этого коллектива. Сам Удальцов мог об этом и не знать. То, что пономарёвская организация «За права человека» доила антилужковскую коалицию, вполне очевидно. Тотчас после снятия Лужкова с должности хладнокровный и деловой правозащитник Лёва Пономарёв вышел из руководства «Дней гнева». А зачем дальше, денег-то уже не дадут.

Удальцов попытался провести и провёл кое-как в октябре, ноябре и декабре «Дни гнева» по двенадцатым числам, а вот 12 января, сегодня, уже понял, что придётся закруглиться. Потому и выступает на «Эхе Москвы», объявляя, что теперь будут проводить свои «Дни гнева» раз в несколько месяцев. Наверное, и этого не будет.

Дед даже повеселел от того, что начинает во всём в этом разбираться. Профанам всё это не видно, Деду всё это видеть.

— А зачем Удальцов продолжил «Дни гнева» после того, как убрали Лужкова?— задал себе наводящий вопрос Дед.

— А потому, старая твоя голова, что Удальцов соревнуется с тобой, Дед, подражает тебе. Своими «Днями гнева» он вступил с тобой в соревнование. Это раз. Сам он не способен придумать свежую идею, потому АКМ всегда подражала как организация нацболам. И всегда страдала от своей второстепенности.

А два, поскольку раз уже был, а два, это то, что в полицейском государстве необычайно трудно изобрести способ политического существования оппозиционной партии.

2

Темноволосый и длинноволосый, лёжа то на боку, то на спине, упрямо читает бомж Сергей данную ему «Анну Каренину». Второй бомж, этот почти старик, голова плешивая, раскурочив множество недокуренных остатков сигарет (во времена юности Деда их называли «бычки»), скручивает из добытого табачка, ссыпав его в обрывок газеты, уродливую козью ногу.

Армянин Гарик спокойно прилёг на чужую постель. Дед бы не стал, но вот Гарику не брезгливо.

Андрей Брут/Закстельский довольно бессмысленно манипулирует двумя кружками и бутылкой из-под воды «Шишкин лес». Разбавляет чай, выливает его в другую кружку, затем забывает о чае. Идёт к Василию.

— Ты что тут воняешь, бомж вонючий!

Бомж смотрит на Брута/Закстельского стеклянными глазами. Сквозь него. И продолжает вталкивать вполне чистыми старыми ногтями табачок в козью ногу.

Закстельский бежит к двери и стучит в нее. Безрезультатно. Ближайший дежурный милиционер или далеко, или ленится. Из камер постоянно стучат, спрашивая чего-нибудь.

Закстельский возвращается к бомжу Василию и вдруг бьет рукой по козье ножке, по окуркам. Естественно, всё это падает на колени Василия и на пол.

— Андрей! Ты чего, не в себе?— Дед, зная, что имеет влияние на Брута/Закстельского, подходит к месту происшествия. Бросив «Анну Каренину», вскочил на ноги длинноволосый Сергей.

— Нет, но менты совсем оборзели. С бомжами нас заставляют жить. С этим грязным, вонючим отродьем...

— Успокойся, Андрей. Их вымыли и выстирали, прежде чем к нам кинуть.

Сидевшие на своих кроватях встают. Лежавшие на кроватях садятся. Ходившие по камере останавливаются.

Дверь в камеру открывается.

— Чего у вас тут?— на пороге милиционер-женщина с крупной грудью и сержант, Дед его не помнит, новый какой-то.

— Всё в порядке, сержант!— говорит Дед.— Всё в порядке.

— Хозбанда! Наверх!— командует милиционер-женщина. Покрасневший от злости Закстельский и высокий парень с таджикской фамилией и русскими чертами лица уходят. Дверь закрывается.

— Не держи на него зла, Василий,— дед смотрит на бомжа как можно ласковей.— Он не злой человек. Сидит вот подряд на сутках пятый раз. «Одни чёрные полосы», говорит, в жизни у него.

— Мы сюда к вам не просились. Семь суток отсидели в «четвёрке», как у царя за пазухой, еду нам туда носили,— объясняет длинноволосый Сергей сгрудившимся вокруг него обитателям камеры.— Но к вечеру сказали, каких-то привезут, которых нужно держать отдельно.

Через самое небольшое время, может, минут через двадцать, дверь в камеру открывается и не закрывается. (В дверях — два милиционера. Ждут чего-то.) Некоторое время никого нет. Затем появляется тихий Брут/Закстельский.

— Давай. Собирай вещи. (Милиционер.)

Закстельский опустошает содержимое тумбочки у своей кровати. Скатывает матрац, подушку и одеяло внутрь.

— Живее шевелись!

У двери Закстельский оборачивается.

— Бывайте все!

— Бывай!

Дверь не закрывается. В коридоре сержант обыскивает Закстельского.

Дед к милиционеру номер два, тому, что в дверях (милиционер играет длинным ключом от камеры, бьет им по ладони).

— Куда его? Чего случилось?

— Повздорил с капитаном. Отстранён от работы в кухне. Пойдёт обратно в «шестёрку», раз не умеет себя вести.

— Его лечить надо, сержант. Он совсем невменяемый, у него паранойя, я думаю, а его пятый раз подряд судья к нам присылает.

— Ну да, здесь у нас лечащих врачей нет,— соглашается сержант.

Двери закрываются.

— Рехнулся, что ли?— спрашивает бомж Василий.

— Да. (Дед.)

Обед отпускает уже парень с таджикской фамилией и русскими чертами лица. Где Брут/Закстельский, неведомо. Кажется, в спецприёмнике нет штрафного изолятора. А может, есть.

— Я был в Таджикистане в 1997-м,— Дед не только был, но успел разобраться, что полукровки-пацаны, родившиеся от смешанных русско-таджикских пар, отличные солдаты и красивые статные парни. В 1997-м Дед (еще нисколько не Дед) опрашивал там солдат 201-й мотострелковой. Пошли бы они в контрактники к Деду. Результат получился удивительный. За небольшие русские деньги Дед мог нанять хорошую бригаду. Все хотели воевать, многие хотели Военную Центрально-Азиатскую Республику с русскими офицерами во главе.

Дед получил свой чай.

Уселся, выпил с серым хлебом. Хлеб был кисловат. Угостил чесноком бомжей Сергея и Василия. Бомжи правильно набросились на чеснок. Зараза тут везде раскидана. А чеснок Дед носил в карманах, как деревенский мужик.

После обеда опять пришли правозащитники. Второй раз. Та же Каретникова, в том же платке, по-бабьи. И господин Борщов, друг госпожи Алексеевой.

«Правозащитники,— сказал им Дед, не обращая внимания на двух милиционеров, сопровождавших их,— правозащитники принадлежат ельцинской эпохе, они анахронизм в нашу эпоху тотального попрания прав. Чего вы тут к нам ходите? Никакого права в стране нет, защищать — нечего, потому правозащитники — нонсенс».

Борщов и Каретникова не очень-то реагировали, так, улыбались отстранённо. Дверь в камеру была открыта, ждали начальника спецприёмника подполковника Сухова.

«Власть сделала ещё один шаг в государственный фашизм, фактически узаконив метод «оговора» и сделав лжесвидетельство полицейских основой судебных решений,— продолжал Дед ораторствовать негромко.— Меня вот судят, всякий раз полагаясь на лжесвидетельства полицейских...»

Вошел кряжистый, вполне себе доброго нрава подполковник Сухов. Поздоровался с Дедом отдельно:

— Здрав-те ...ард ...инович... Как себя чувствуете?

— Отлично. Лучше не бывает.

— Жалобы есть?

— Никаких жалоб, товарищ подполковник.

— Вы когда нас покидаете?

— Пятнадцатого буду иметь удовольствие вас покинуть.

— Ну, у нас не так плохо... ...ард ...инович... Здесь не Бутырки, не «Матросская Тишина».

— Сравнить не могу, в тех досточтимых тюрьмах не сидел. Сидел в «Лефортово», в Саратовском центре...

— Такой компании, как у нас, вы нигде не найдёте...

Сухов улыбался, он был явно в хорошем настроении.

— Весь цвет оппозиции в этот раз к нам пожаловал. И господин Немцов в «первой» камере, и господин Косякин был, и господин Яшин, и господин Тор. Вот Сергея Удальцова в этот раз нет. Но зато к вам сегодня поместят г-на Дёмушкина. Ненадолго, правда, трое суток у него, раньше вас уйдёт.

Каретникова и Борщов с блокнотиками расспрашивали арестованных об их нуждах.

Потомок казахского племени, одетый как дядя Том из «Хижины дяди Тома» — клетчатые штаны, сапоги, рубашка кофейного цвета в полоску, ей-богу, как негр дядя Том, горячо поведал Каретниковой о каких-то бумагах. «До чего смешной, даже волосы подкрасил, осветлил, хочет походить на русского», — отметил Дед.

У бомжа Василия в руках возникли его бумаги, и он что-то растолковывал Борщову.

У Деда не было никаких просьб к правозащитникам. Даже сигарет не было смысла просить, не для кого. Армянин Гарик не курил.

Армянин Гарик лежал на своей койке, когда Дед сел на свою. Гарик был молчалив.

— Дёмушкин,— сказал армянин.

— Что Дёмушкин?

— К нам бросают Дёмушкина.

— Ну и?

— Националист. «Чурок» не любит.

«Он боится»,— понял Дед.

— Не дёргайся. Я тебя познакомлю. Ты же не чурка. Ты — армянин.

Сам Дед не был знаком с Дёмушкиным.

Дёмушкина привели часам к пяти. Было ещё чуть светло. Высокий, ладная такая рама тела: плечи, шея, руки, небольшая светлая борода. Вошёл и стал посреди хаты в некотором замешательстве. Дед подошёл к Дёмушкину и назвал себя.

Они пожали друг другу руки.

— Койку выбирай себе, Дима. Вот три варианта есть,— Дед указал, какие. На самом деле варианта было четыре, койка над головой Деда — четвёртая, но на неё Дед не указал.

Дёмушкин правильно выбрал себе второй ярус у другого окна, там, правда, немного дуло, но свежего воздуха было хоть отбавляй. Внизу под Дёмушкиным оказался азербайджанец Эдик. Таксист.

— Познакомь, ...ард ...инович, с Дмитрием,— попросил азербайджанец.

Дед представил их друг другу.

Подошёл и армянин Гарик.

Дед представил и его.

— Тут у нас целый интернационал,— хитро заметил Дед.

Дёмушкин выдержал испытание. И ухом не повёл, и никого «чуркой» не назвал.

Через полчаса Дед услышал, как азербайджанец называет Дёмушкина «Димон».

— Господи, твоя власть,— перекрестился Дед (иногда, в исключительных случаях, он делал это). Это ж надо, Димон?!

4

Уже стемнело, когда они пошли гулять. Четверо из всей камеры. Дёмушкин, Дед, Гарик и Эдик.

Дёмушкин с Дедом ходили из конца в конец прогулочной щели и говорили о Баркашове. Тема была неисчерпаемая. Дед хорошо знал Баркашова, ходил к нему в 1994-м домой на улицу Вавилова, с Дугиным, знал его жену, сына, мать Баркашова видел. А Дёмушкин, так он сказал, работал у Баркашова в охранниках. Дед попытался было подсчитать, мог ли вполне молодой Дёмушкин быть охранником Баркашова. Не очень сходилось. Возможно, впрочем, что Дёмушкин стартовал очень рано. Возможно, он уже лет в пятнадцать был физически таким же крупным парнем.

Гарик и Эдик некоторое время ходили вместе с Дедом и Дёмушкиным, но постепенно отстали, поскольку и Баркашов был им неизвестен, и классово и расово чужд, и другие персонажи быстрой и живой беседы между двумя поколениями националистов.

Скорее Дед бы назвал современных националистов сепаратистами. Националисты 90-х, и Баркашов, и Дед с Дугиным, были яростными сторонниками империи. Недаром в партбилетах нацболов над фотографией владельца был лозунг: «Россия — всё, остальное — ничто!». У Дёмушкина, равно как и у его родственников по национализму: Белова, Тора, Крылова, если бы значился в партбилетах лозунг, то он звучал бы что-то вроде «Русский — всё, Россия — ничто!».

Такого лозунга у них, разумеется, нет, Дед придумал его, но смысл именно таков. Для новых националистов важен русский человек, а вот какая у России территория — для них второстепенно. Их реальный существующий лозунг «Хватит

кормить Кавказ!» — скрывает за собой неприятную суть: «Отделим Кавказ от России, хватит кормить его!».

Дед давно присматривался к современным националистам. Их сепаратизм, желание отделить русских от нерусских, по мнению Деда, привёл бы Россию прямоком к катастрофе, дай им волю. Такая изначально перемешанная национальностями и племенами страна не может себе позволить отделение русских от нерусских. Индия, освободившись от Британской империи в 1947 году, занялась отделением индуистов от мусульман, и никто им не мешал. Отделение это обошлось в один миллион (округлённо) убитых и 13 миллионов беженцев. В России отделения русских от нерусских не будет, никакая власть не позволит. Я тоже не позволю, сказал себе Дед.

Они ходили, был мороз. –16 °С. Мороз их пощипывал. Каждый думал, как бы использовать другого. Они начали мягко посылать друг другу комплименты.

— Вы — самый вменяемый из лидеров националистов,— сказал Дед Дёмушкину.— Я слежу за вашим ростом, вы хорошо развиваетесь.

— Я когда заехал вчера...— начал Дёмушкин.

— Я думал, вы сегодня заехали?

— Вчера, одну ночь провел в «двойке», к бомжам меня хотели кинуть, в «четвёрку», я отказался. Так вот, вчера, когда заехал, видел Немцова в плавках, пьяного в хлам. Ей-богу!

— Вот у кого сладкая жизнь...

— Нужно бы телефонами обменяться,— предложил Дед.— Я, грешным делом, хотел вас на Триумфальную вытащить. Свобода собраний нужна всем, разве вам не нужна? Вот Тор к нам не раз уже приходил, правда, в частном порядке, не с коллективом организации. И задерживали его на Триумфальной не раз.

— Вы рассчитываете, что однажды на Триумфальную придут десять тысяч бойцов и вы пойдёте на Кремль или Парламент?

— Дмитрий, самые храбрые люди в обществе должны выходить по 31-м. Это их долг, обязанность авангарда общества, чтобы своим примером разбудить и расшевелить остальных. Так в атаку, мы знаем из истории, вначале встают 3-4 человека, командиры, а затем — сотни — активисты, самые страстные, и уже потом атакует весь фронт. Мы на Триумфальной подаём пример, учим вставать в атаку. Разве не по нашему примеру вы вышли вчера, 11-го, на Манежную, ну, попытались выйти? Разве не по нашему примеру Удальцов пытается выводить людей каждое 12-е на «Дни гнева»? К нам приходят теперь все лидеры протестных движений, независимо от идеологических различий. Правда, из-за предательства Алексеевой у нас в настоящее время наблюдается seat-back. Приходите, нам нужны люди.

— Я поговорю со своими. А что этот, с бородой, который получил два с половиной за нападение на мента на Триумфальной год назад, он нацбол?

— Мохнаткин?

— Во-во, он самый.

5

— Я увидел его в первый раз в жизни вечером 31 декабря 2009-го. Его привели, я сидел в обезьяннике в ОВД «Тверское». Я думал, бомж, заросший, как бомжи, борода и усы в одной массе с растительностью на голове. Мятый какой-то, с сумкой. Менты из отделения ему: «Ты, говорят, силы необыкновенной, омоновцев избил, наручники на себе разорвал». Он ворчит, кричит: «Дайте бумаги, жалобу буду писать...».

Бумагу ему дали, он возился с жалобой, написал. Мне хорошо всё было видно из обезьянника, там стол стоит, за него милиционеры присаживаются что-нибудь написать, ну, вот и он за тем столом сидел. Потом пришёл дежурный офицер и говорит: «Мы должны переписать, что у тебя в сумке».

Стали переписывать: «Бутылка шампанского, «Российского» — одна. Фляжка коньяка 250 граммов, нарезка колбасы салями».

— Я шёл Новый год отмечать, видите,— сказал мужик.— Я случайно мимо шёл. Вижу, женщину бьют, я вступился.

— Это ты следователю будешь рассказывать,— дежурный ему говорит.— Моё дело тебя оформить.

Оформив, открыли обезьянник и посадили его ко мне.

Я спрашиваю:

— Что, правда вы наручники порвали?

Он сопя так, нехотя, показывает мне запястья обеих рук.

— За то, что женщину защитил, они меня в автобусе к поручню наручниками пристегнули и избили. А потом, когда сюда привезли, то ключ не смогли найти от наручников. Омоновец, который меня пристёгивал, был брошен в другую часть города. Тогда они взяли зубило и разрубили цепь, связывающую два наручника.

Дальше мне его расспросить не удалось. Потому что пришёл за мной старший лейтенант и вынул меня из обезьянника. Вид у старшего лейтенанта был перепуганный:

— Вас в кабинет начальника требуют!

На третьем этаже дверь с табличкой «Нач. ОВД полковник Пауков».

— Отличная фамилия, я его знаю. (Дёмушкин.)

— Ну да, сейчас его сделали генералом, и он теперь начальник милиции Центрального административного. Ну вот, я, значит, захожу за старшим лейтенантом. Вначале там приёмная, ну, вы знаете, Дмитрий, отделение старое, всё немного обшарпанно. В приёмной полный верхний свет, милиционеры, девки-секретарши, что-то необычное происходит. Открывают мне дверь, на которой ещё раз написано «Нач. ОВД «Тверское» полковник Пауков». Открывается следующая картина.

Прямо вдали за столом сидит крупный Пауков. Слева от него в кресле, в пол-оборота к двери сидит Старуха Алексеева в костюме Снегурочки. Белый с синими блёстками халат, и шапочка такая же, и с палкой.

— Это Ваша была идея, костюм Снегурочки?

— Моя была идея выйти в новогоднюю ночь. Алексеева вначале не поняла, была против. А когда почувствовала всю перспективную силу новогоднего митинга, взвесила тот медийный эффект, который будет иметь новогодний митинг, то за идею ухватилась. И добавила своего. Купила себе за три тысячи рублей костюм Снегурочки. А мне предложила выйти в костюме Деда Мороза. Я сказал, что председателю политической партии не совсем уместно разгуливать в костюме Деда Мороза.

Ну вот, я вошел, поздоровался с Алексеевой, с Пауковым. А справа за столом для гостей — ножкой буквы «Т» стол расположен к основному столу, где Пауков,— справа расположился мужик в синем костюме, красношей и краснощёкий, лет сорока с небольшим.

— Здравствуйте,— он мне говорит, называя меня по имени-отчеству,— вы всё хвалились своей принципиально ненасильственной «Стратегией», а вот ваш охранник милиционеру нос сломал.

Я подумал, что это правозащитник, приятель Алексеевой, такой у него тон был въедливый, противный. Среди правозащитников такие бывают.

— Как фамилия охранника?— спрашиваю.

— Как фамилия?— спрашивает розовощёкий у полковника Паукова.

— Махно?— неуверенно говорит Пауков. И встаёт, открывает дверь в свою приёмную.— Подполковник такой-то, зайдите!

Подполковник навтыжку, как нервная струна, смотрит не на Паукова, а на краснощёкого.

— Узнать фамилию задержанного, который нос офицеру сломал на Триумфальной.

— Слушаюсь!

Подполковник уходит. Видимо, сейчас же побежит за дверью.

— Я из-за вас новогодний ужин прервал. (Укоряющим тоном краснощёкий.)

— А вы, простите, кто?

Людмила Алексеева из кресла:

— Это, ...ард ...инович, новый начальник ГУВД Москвы генерал Колокольников.

— Я думал, вы правозащитник.

Возвращается подполковник. На одном дыхании выпаливает:

— Мохнаткин фамилия задержанного, товарищ генерал!

— У меня нет охранника с такой фамилией. Я его видел внизу в дежурке. Он не член нашей партии.

— Вот, я же вам говорила, господин генерал, у ...арда ...иновича все ребята очень хорошие.

Алексеева торжествующе смотрит на генерала. Генерал явно разочарован обнаружившейся непринадлежностью этого Мохнаткина к партии нацболов.

— Вот я вам пересказывал, Дмитрий, как мог живо и в красках, сцену под Новый год ровно год тому назад. Вот у вас на Манежной основать традицию не получается, у Удальцова с «Днями гнева» не получилось. Сегодня сказал, что теперь будет проводить «Дни гнева» раз в несколько месяцев, а у нас, вопреки всему, получается. Помогите, и мы поможем вам.

— Я поговорю, ...ард ...инович,— ещё раз пообещал Дёмушкин.

6

К концу вечера им набили камеру до отказа. Когда осталось только одно место над ним, Дед соскочил с верхней палубы, где продолжал углублённо изучать «Жизнь в Древнем Египте», и сообщил дежурному:

— Стоп. Отель закрывается. Мест больше нет. Есть одно надо мной, но подполковник обещал мне не класть никого мне на голову. Я и без этого дерьмово сплю.

— А куда мне их девать?— скорее жалобно спросил ночной дежурный.

— Я бы всех разогнал по домам. Они уже наказаны и здесь только грязь разводят, воняют, ссать ходят всё время. И не забывайте о «четвёрке», оттуда бомжей к нам нагнали, там же пусто? И там шесть мест.

— Уже не пусто,— уныло возразил дежурный.— Туда этих, как их, ну, которые парни, но в девок переодеты, привезли. Трансвеститов, вот. В лифчиках, в чулках, парики...

— Чего, правда?

— Ей-богу.

— А сколько их?

— Двое. Третья, их «мамочка», девка, в женской камере помещена, в «третьей».

— А вы уверены, что «мамочка» — баба, а не мужик. А вдруг мужик, сча как вдует всем вашим арестованным, те забеременеют, а вы будете отвечать.

— Да нет, судья сказала, что баба.

— Вы бы проверили.

— Гражданин...— засмущался мент.

— Охренеть можно. Во что превращают русскую традиционную тюрьму, а?

— Да уж, ничего хорошего,— поддержал его мент.

— Я не знаю как, но ко мне на голову, пожалуйста, никого не кладите, я же не засну.

«Трансвеститы, чёрт те что»,— ворчал Дед, влезая на верхнюю палубу, нижнюю со стороны маленького армянина он прикрыл одеялом. Чтоб, когда Дед слезет спать, не отвлекаться.

— А чего, Дёмушкин нормальный парень!— почти прошептал Гарик вверх к Деду.

— Я же говорил, всё будет в порядке. Видишь, никаких проблем.

Гарик улыбнулся и уснул.

Дед же влез в «Повседневную жизнь Древнего Египта».

Повозившись в книге, подчитав там и сям, Дед вдруг зажёгся странной констатацией факта. Господи, да они же там были белые! Единственные белые не

только на севере африканского континента, но и вообще на тысячи миль вокруг. К югу жили примитивные нубийцы и эфиопы, на Востоке через Синай — жили прото-арабы — аравийские племена, в диком в ту пору Ханаане — современной Палестине — кочевали какие-то корявые карлики... Хетты! Какой расы были хетты?

Первая известная в истории большая битва между народами — это битва египтян, Рамсеса II с хеттами, битва при Кадеше. Хетты, о них сказано: «воинственные горные племена Малой Азии», скорее всего, они были такие густоцветные, терракотового цвета.

А египтяне были белые! Они как с неба свалились на африканский континент, в самую плодородную его часть. И свалились уже готовыми. Кто-то из египтологов написал: «У Египта не было молодости...».

Свалились с неба готовыми.

Есть слабое предание, основанное на мифах. Вкратце выглядит так:

Десять тысяч лет до нашей эры в Египте были «Времена Бога».

Трон занимал царь Осирис. Царь пришёл в Египет с белым племенем своим через Ливию. Это были выходцы из Атлантиды, они искали себе место, где поселиться, их заинтересовал Нил.

С течением времени царь был превращён в Бога.

Эти загадочные атланты, предположим, они были атланты, эти белые люди, спасшиеся, предположим, в катастрофе, постигшей Атлантиду, скорее всего, принесли в Египет достижения высокоразвитой цивилизации. Какие-нибудь их звездолёты они не смогли с собой принести, звездолёты погибли при катастрофе, и погибли те заводы, на которых их делали, но что-то, какие-то уменья они принесли с собой, какие-то уменья, небольшие приборы, скажем, рецепт цемента, из которого изготавливали на месте камни пирамид. Принесли свою письменность. Навыки бюрократии, умение организовать массы человеческих существ, наладить наблюдение за ними, квалифицированно выращивать сельскохозяйственную продукцию, подсчитывать её. Египтяне ведь всё подсчитывали как маньяки... Герр Эрман, щепетильный старомодный немец, заметил страсть египтян к подсчёту, а значит, к порядку. Военное дело египтяне умели осуществлять весьма слабо, видимо, атланты — их отцы и потом деды и прадеды — полагались в своей защите на некие несохранившиеся машины и изобретения, потому что кроме боевой колесницы египтяне ничего не изобрели...

Атланты, после катастрофы выплывшие кое-как на африканский континент, оказались в положении, ну, скажем, авиатора 2-й мировой войны, самолёт которого был уничтожен, сбит и сгорел потом, а сам он, прыгнув с парашютом, оказался на дикой земле Африки. Ближайшие форпосты цивилизации — города — лежат за тысячи километров. Что у него с собой? Компас, нож, спички, может быть, револьвер, с одной обоймой патронов. Но он умеет писать, знает, как организовать туземных бойцов в отделения, взводы, роты и батальоны... От револьвера толку нет, израсходовав патроны, можно его выбросить, потому что наладить производство револьверов и патронов в экваториальной, где-нибудь, Африке — задача непосильная. Вот и пришлось египтянам, потомкам атлантов, воевать с копьями, луками и стрелами, на колесницах.

Египтяне любили быть начальниками.

«Начальник складов зерна».

«Начальник дома Серебра».

«Начальник умщений в доме господина обеих стран», «Хранитель царского венца Благого Бога».

Вся эта титуловка, без сомнения, принесена атлантами. Расой, опередившей в своём развитии все страны планеты. Принесшей Египту всевозможные умения и навыки большого бюрократического государства.

Целый класс писцов-чиновников без устали регистрировал имущество храмов и сельскохозяйственную продукцию...

«А ещё,— вдруг вспомнил Дед,— предки египтян, атланты, принесли с собой искусство бальзамирования трупов... Необходимо бальзамировать мёртвое тело, чтобы сохранить его для «Ба», верили египтяне. Душа «Ба» — жизненная сила

человека, сокол с человеческой головой. Смерть наступает тогда, когда Ба покидает тело».

«Подумать только, они различали пять душ человека, эти египтяне», — бурчал Дед, спускаясь с верхней палубы на нижнюю — спать. Укрывшись, Дед попытался вспомнить все души египтян... КА, БА...

Камера спецприёмника на Симферопольском бульваре к ночи не утихла. Переговаривались соседи, ссорились два бомжа Сергей и Василий. Новоприбывший статный дагестанец зацепился с казахом в клетчатых штанах, назревала ссора.

Дед поморщился. «Хорошие ребята, но почти звери... Как там души-то, все пять: КА, БА, САХ, АХ и ШУИТ».

— Шуит...

Финальная ночь

1

— Подъём, подымаемся, ребята! Подымаемся!

Стукнув ключом о замок, дежурный удалился. Дед сел в кровати. Вынул из-под подушки старые линялые, некогда чёрные, джинсы, надел их. Сунул ноги в короткие сапоги на суконной подкладке и молниях. Это была его триумфальная спецодежда. Летом вместо ботинок он надевал чёрные старые туфли фирмы ЕССО. Дед купил их на сэйле, когда только вышел из лагеря. Его Стас Дьяконов отвозил, вспомнил Дед. Туфли стали лишь чуть скособолены, по той простой причине, что после тюрьмы Дед ходил мало, ездил в автомобилях, ходить, разгуливать ему стало опасно. Могли убить.

Одевшись, Дед пошёл посмотреть на мусор в ведре. Завязал пакет.

Когда откроют дверь и крикнут: «Мусор выносим, выносим мусор!», — Дед будет тут как тут.

«Яволь! Несём мусор».

Причина, почему достойный, можно сказать, старший по хате превратился в уборщика мусора: Дед хотел посмотреть на трансвеститов. Он всю жизнь был любопытным парнем и вот превратился в любопытного Деда.

Мусор нужно выносить, пройдя вдоль всех камер, в том числе и «четвёрки». Дед попросит у конвоира заглянуть в глазок «четвёрки». Деду вряд ли откажут.

Просить не пришлось. Прямо по курсу Дед увидел длинные ноги в чулках в крупную сетку и пропорционально круглую вполне приличную задницу. Под сеткой на заднице были черные девичьи трусы. Выше была белая футболка, шея, стриженная под ноль голова. Оно стояло длинными ногами в туфлях на платформах. В руках оно держало швабру. Оно мыло пол в коридоре.

— Господи святы! Что делается! — воскликнул Дед, немного утрируя, конечно, свой шок. Но ей-богу, он впервые видел трансвестита в российской тюрьме, пусть это и была маленькая тюрьма.

— Посторонитесь, мадам, — воскликнул Дед. На него из-за плеча взглянул наглый смазливый мальчик, хулигански накрашивший глаза и окунувший рот в губную помаду.

Дальше Дед затормозил у открытой настежь двери «четвёрки», успел заметить висевшие на окне вполне всамделишные лифчики, белый и чёрный, и белый парик, валявшийся на матрасе.

Ещё не оправившись от первой волны шока, у поворота коридора Дед столкнулся лицом к лицу со вторым Оно, шедшим на него с тряпкой в руке. Это оно тоже было высокое, тонконогое, в парике, с накрашенными губами. Оно было чем-то недовольно и бурчало. За ним шёл дежурный смены, капитан, тот, который принимал Деда в 00 часов 20 минут первого января.

Капитан улыбался.

— Во что превращаются наши тюрьмы, капитан! Куда мы катимся! Такое впечатление, что это Соединённые Штаты Америки.

— Да, мы тоже шокированы,— сознался капитан.— Первый раз таких принимаем. А что делать, по суду им дали четверо суток за то, что склоняли к сексуальному акту!

— Ну да, шокированы, но быстро приспособили их к уборке помещения.

— Не без этого,— улыбнулся капитан.— Пусть хоть какая-то польза от них будет. Мы были вынуждены вселить их двоих в шестиместную камеру, создав тем самым неудобства другим заключённым.

— Они ещё духами здесь всё завоняли,— Дед брезгливо повёл носом.

— Не без этого,— сказал капитан.

«Чего он как тупой»,— подумал Дед, но, поглядев на улыбающиеся рожи ментов, понял. Менты довольны тем, что в учреждении появились трансвеститы. Извращенцы скрасили немного ментовскую жизнь.

Во дворе было темно и люто холодно. И снег выпал большой. Мусора было много. Все две недели Нового года мусор не убирали. Мусор лавиной вылился из двух баков на снег.

Дед вошёл в свою «шестёрку» победителем.

— Я видел трансвеститов!— воскликнул Дед, остановившись в центре камеры.

Все лица обратились к нему.

— Как они? (Бомж Василий.)

— Полы моют. Менты их запрягли. Такие наглые стройные пацаны в сетчатых колготках и женских трусах. На платформах расхаживают.

Обитатели камеры зашевелились.

— Надо посмотреть,— сказал Василий.

— Чёрт те что!— Дёмушкин улыбался, читал лёжа какие-то свои бумаги наверху у окна.

Длинноволосый Сергей неотрывно впился взглядом в «Анну Каренину», только на бок повернулся, спиной к камере. Где он там пребывал, в каком месте романа?

— Ну на баб-то похожи? (Азербайджанец Эдик.)

— Разврат!— армянин Гарик встал и протёр глаза. Пошёл к дальняку, чуть пошатываясь от сна.

Дед предполагал, что трансвеститы произведут на них большее впечатление.

2

На завтрак кормили пшёнкой. Дед съел пшёнку с неподдельным аппетитом. После завтрака в камере стало посвободнее. Бомжи и ещё человек пять из интернационала племён, обитавших в камере, отправились чистить снег. Им не очень хотелось, у бомжа Сергея было совсем злое лицо, оторвали его от «Анны Карениной». Узбеки пошли, все три безропотно, а вот казах в клетчатых штанах, новенький дагестанец (Нур-Мухаммед было его имя, высокий, орлиный нос) и армянин и азербайджанец не пошли. Начисто отказались.

— Я гражданин ЭРЭФ,— сказал дагестанец. Как отрезал.

Гарик вообще и носом не повёл, когда мент укоризненно стал рядом с его койкой. Мент постоял и отошёл.

— Чего не пошёл-то?— сказал Дед.— Там хорошо, морозец, только и размяться.

— Не обязан,— буркнул маленький армянин.

Дед стал записывать свои мысли, забравшись на верхнюю палубу. По сути, ему оставалось отсидеть сутки и ещё часов десять до вечера следующего дня. Но вот будущее представлялось малопонятным. «Будет ли власть далее ужесточать репрессии по отношению к «Стратегии» и ко мне лично?— записал Дед.— Как там адвокат Тарасов говорил, придя ко мне сюда, в «спалке» у ментов? Он говорил: если власть решила на произвол... Нет, Тарасов употребил другое слово, «оговор», или «подлог», то от них можно ожидать чего угодно, и того, что подложат наркотики, а то и патроны. Тарасов сам был одним из них, всё-таки следователем по особо

важным делам. Полковник МВД в отставке, работал с Гдяном и Ивановым, знаменитыми в 90-е годы следователями...»

«Подложат, не подложат, всё равно ты, старый упрямый парень, будешь делать то, что считаешь нужным. Без устали спланировать различных протестных людей на Триумфальной. Это такая твоя работа сейчас. Алексеева подпортила тебе твою работу, увела часть либералов обратно в их гетто. Не столь важно, наивна ли она и её наивность использовали, либо она не наивна, но тщеславна, высокомерна и власть использовала эти её качества. Им удалось расколоть «Стратегию»».

«Не следует останавливаться на неудачах», — сказал себе Дед и захлопнул тетрадь.

Дверь в камеру открыли.

— К вам гость, ...ард ...инович, — провозгласил, улыбаясь, сержант в шапке.

Из-за спины сержанта вошёл, улыбаясь, старый знакомый Деда, Васильич. Только он был в гражданском, а не в милицмейской форме.

— Господи, Васильич! Товарищ капитан!

Дед прыгнул с верхней палубы и, сунув ноги в ботинки, подошёл.

Они подали друг другу руки и даже обнялись слегка. Дед обнялся с ментом!

— Здравствуйте, ...ард ...инович. Вот прослышал, что вы опять здесь, и приехал вас повидать.

— А я спрашивал про вас. Мне сказали — перевёлся ближе к дому.

— Да уж, перевёлся, как же! Меня уволили, сократив мою должность. Теперь я в другом спецприёмнике лямку тяну. А здесь моя дочь служит. Зайди, Вера! — сказал Васильич в коридор.

Зашла улыбающаяся черноволосая девка в милицмейском тулупе.

Милиционерша и Дед пожали друг другу руки.

— Много о вас от отца слышала, — сказала Вера.

— Мы же потомственные. Куда её ещё отдавать, — оправдался Васильич.

— Как вы тут? Всё в порядке?

— Завтра выхожу уже.

— Слышал, слышал про Новый год. Всё упорствуеете.

— Другого выхода нет. Свободы так просто не даются.

Дед знает Васильича с первого своего заезда в спецприёмник по административке. Тогда они ещё помещались на Гиляровского, кажется. Васильич, верный читатель прохановской газеты «Завтра», пришёл в камеру к Деду тогда в первый раз, поговорить. Да так и простоял рядом с открытой дверью больше часа. Потом ещё пришёл, на следующий день. Дед не пытался распропагандировать пожилого капитана милиции. Это капитан мог бы, при желании, распропагандировать Деда. На самом деле они обменивались мнениями о стране. Это были красные мнения. И патриотические мнения.

Оба, и Дед, и Васильич, хотели, чтобы в стране было больше равенства и справедливости. Васильич профессионально жаловался, что на милиции воду возят, нагрузили её как ломовую лошадь, всё на МВД свалили, и менты изнемогают.

Дед, поскольку государство полицейское, а он — оппозиционер, вынужденно тёрся боками с ментами уже двадцать лет, они его возили в суды, разгоняли на митингах, надзирали за Дедом в тюрьме. И менты узнали Деда ближе, и Дед — ментов.

В отличие от обывателя, для которого все кошки ночью чёрные, Дед разобрался в ментах. Прежде всего, он разделял их на «ментов» и «жандармов».

Жандармы — это, в первую очередь, сытый ОМОН, тренированный против народа — что футбольных фанатов, что протестующих политических. Их ежедневно обучают искусству избиения, надламывания, причинения физических страданий.

Помимо ОМОНа есть ещё оперативные полки милиции. На Триумфальной Деда и его товарищей последнее время репрессирует 2-й оперативный полк. Есть ещё в Москве и 1-й оперативный полк.

А сколько ОМОНа? Дед слышал, будто бы 129 отрядов на всю Россию. Где-то по сотне человек в каждом отряде. Не так много получается, всего около 13 тысяч человек. В Москве отрядов ОМОНа несколько, может быть, свыше девяти. Потому что Дед слышал о трёх батальонах Московского ОМОНа. Но это неточные сведения.

Войска МВД, вот эти чахоточные и низкорослые подростки в стоптанных сапогах, которых привозят и ставят в оцепление на массовых мероприятиях,— это не жандармы, конечно. Они солдатики, и их даже жалко, этих сынков.

Так что жандармские подразделения — это отряды ОМОНа и оперативные полки милиции.

Рядовые менты собраны по территориальному принципу в Отделения внутренних дел. Вот они и есть истинные труженики асфальта и тротуара, защитники, но немного и угнетатели граждан. Это на них жалуется всё время обыватель. Но и в темноте орёт «Караул!», «Спасите!» именно к ним. Менты в ОВД занимаются всем, разгребают всё дерьмо жизни. Где-то у ночного клуба поножовщина — менты туда, торговки у метро обязаны ловить — менты, пленять юношей, распивающих пиво, обязаны менты. Прекращать семейные ссоры и драки — едут менты. Ограбление случилось — едут менты. Ночь-полночь, а вынь да положь, наряд чтоб прибыл.

В своём мужланском коллективе менты, конечно же, грубы, расхристанны и насилие им друг, на нежности они не заточены. Но Дед понимает душу мента и для него менты не загадка. Он не либерал какой-нибудь — первоход, орущий благим матом на каждый вопрос протоколирующего его участкового милиционера.

Не то чтобы Дед не верил в то, что по приказу менты и его избьют, скажем, если приказ сверху и крепкий, Дед верит. Но чего, но вот так, вот Васильич, приехал из своей Московской области сказать Деду пару слов. Дед был тронут.

— Кто такой?— спросил его Гарик, наблюдавший за беседой. Васильич только ушёл.

— Старый приятель. Мент!— ответил Дед с вызовом.

3

Ночью арестованные «пятой» камеры как взбесились. Кричал дагестанец. От дагестанца возбудился бомж Василий. Дед приоткрыл полость одеяла, отделявшего его от камеры, и посмотрел. Дёмушкин невозмутимо читал на верхней койке у окна свои бумаги.

Дед вылез из кровати и подошёл к двуряду Дёмушкина.

— Как орут, а, Димка!

— Так вы заткните их. Они вас послушают.

— Да пусть поорут. Мне завтра вечером уже уходить.

— А мне в час ночи. Меня в час задержали.

— Потому вы и не спите, я не догадался.

— Ну да... У меня тут, ...ард ...инович, мысль одна появилась. Может быть, нам подписать совместную телегу о том, что будем вместе защищать политзаключённых, и ваших, и наших. Хасис вот с Тихоновым у нас сидят, за либеральных, вот Немцов подпишет, я подпишу, вы...

— Давайте,— согласился Дед.— Я за любой кипеш, кроме голодовки.

— Что?

— Ну, то есть под любые инициативы, только на голодовку не подпишусь.

Вместе они быстро сочинили несколько строк, в двух экземплярах. Подписались.

— А как Немцова подпись получить?

— А я уходить буду, попрошу, чтоб его открыли, сказать Good bye.

— И вам откроют?

— А чего нет?

Дед пожал Дёмушкину руку, пожелал удачи и пошёл спать. Телефонами они давно обменялись.

Улёгшись, Дед стал размышлять, почему он теперь реже думает о его девке. Первые дни ареста ты, старый, представлял её несколько раз в день, а?

И сам себе Дед ответил: «Так это же легко, старый, понять, как два пальца оросить. Когда я под арестом — «моё» — осталось там, отдалилось, и стало менее

«моим». Мои книги, подсвечник, бельё Фифи, сама моя девка, новогодняя ёлка... менее моё. А здесь вступило в сознание новообразованное «моё» — из реальности спецприёмника: три одеяла, три старых матраца, вонючие, но мягкие подушки».

Из внешнего мира камеры до него доносились отрывки громкой беседы. Беседовали трое или четверо. Дед прислушался. Разговаривали о делах семейных. Все пьют, выходило из разговора: тёща, зять, отчим жены, сама жена, тесть. И все друг друга обвиняют в пьянстве, порицают, становятся в позы обличителей, произносят язвительные речи. Однако: «Я принес им бутылку». «Жена пришла с бутылкой». Обыкновенный российский кошмар. Все участвуют.

«Лучше бы они эти темы не затрагивали,— подумал Дед под двумя одеялами,— а то становится мрачно». Когда-то Дед написал о российской семье лекцию «Монстр с заплаканными глазами». Может быть, пора написать продолжение, «Об алкоголизме в русской семье»? «Какой ты был молодец, мальчиком сбежал из семьи и из рабочего посёлка,— похвалил себя Дед, и добавил уважительно,— ...ард ...инович!» Засмеялся и уснул.

4

Встал он рано. Голо и одиноко работала лампочка под потолком. Спали сокамерники. Казах у себя в углу только сидел в позе лотоса на втором ярусе, но, увидев Деда, не шелохнулся. «Запах в камере — не «амбре»»,— констатировал Дед. Пошёл к дальняку, отлил, вымыл руки. Вернулся к тумбочке. Вынул оттуда зубную щётку и пасту. Пошёл почистил зубы. Спящий вблизи умывальника бомж Василий открыл один глаз, увидел Деда, закрыл. Дед умылся.

Дед прошёл к окну, вытирая полотенцем шею, взглянул в мир. Пробежали несколько пустых заледенелых трамваев, ещё без пассажиров.

«Ну чего, старый, пойдёшь домой сегодня»,— сказал он себе.

Возразил себе: «Муйня, никакого дома ни у кого нет. Дом наш там, где обитает наша душа, следовательно, моё тело — это мой дом. Вот черепаха ползает с её панцирем, прочно к нему прикована. Твой дом, Дед, в твоём теле, так что ты просто пойдёшь вечером и переставишь свой дом на другую площадку, так-то, Дед». Вдогонку этой мысли Дед подумал, что он большой-большой чудак. Не первый и не последний на территории Руси-России, но таки чудак отменный.

— Признаю,— сказал Дед,— что чудак.

На месте, где вчера оставил Дёмушкина, Дед не увидел Дёмушкина. Не было и его матраца и постельных принадлежностей. Только окрашенный синей краской остов старой милицейской кровати.

— Уж, наверное, на тренировку встал,— сказал себе Дед.— У него завтра соревнования по русскому единоборству. Так он говорил, во всяком случае.

У тебя, старый, твои соревнования завтра стартуют. Получить телефон у ментов не забудь — сразу позвонить твоей девке. У египтян богиня наслаждений Бастет имела кошачью голову. И тотчас вспомнил, что телефон-то у него разряжен. Заряд кончился ещё в суде. Эх! Даже такой практичный монстр, как ты, Дед, и то прокололся, не позаботился о зарядке телефона. Мишка тебе заплатил за телефон, об этом ты озаботился. Ты карманы все проверил, копии квитанций об оплате административных штрафов взял. Уничтожил, как бывалый шпион, все улики прошлого существования; крошки и те выскреб из углов карманов, но вот остался без связи, лопух!

— Попрошу у своих пацанов телефон, чего проще,— вдруг легко решил свою проблему Дед. И тотчас возникла взамен другая проблема:

— А как мне с пацанами не разминуться бы без телефона?..

Где-то в полдень ушёл на волю таксист-азербайджанец Эдик. Нацарапал Деду свой номер телефона на клочке бумаги. «Если что надо, отвезти-привезти». Дед поблагодарил и обещал воспользоваться услугами. И намеревался воспользоваться, потому что у азера Эдика было достойное лицо вполне себе достойного доверия человека. Хороший без акцента русский язык располагал к себе. И мотивы его были

понятны. Случайно удалось познакомиться на сутках с известными всей стране людьми, и он хотел продолжить знакомство, вдруг изменится к лучшему его собственная судьба. Всё абсолютно кристально ясно.

После обеда ушёл армянин Гарик. Срока ареста у них были мелкие, по пять суток. Время выхода чуть-чуть разнилось, потому что каждый был задержан в течение дня, но в разное время. Несмотря на кажущуюся ментовскую безалаберность, хрен их кто отпустил бы раньше или позже. В прошлую отсидку Деда выпустили тютелюка в тютелюку.

Дед отсортировал книги от ненужных. Себе оставил «Жизнь в Древнем Египте» и «Тараса Бульбу». «Тараса Бульбу», потому что по месту жительства среди пары тысяч книг не было «Тараса Бульбы», а от эпического стиля самой славной украинской книги, написанной, однако, на русском языке, Дед был в восторге. «Жизнь Древнего Египта», может, и устаревшее создание немецкого учёного, заставляла Деда думать о вещах фундаментальных, очень важных для человечества.

«В Египте что-то началось», — бормотал Дед, бережно укладывая книгу в чёрный толстый пакет, на дно. Там — разгадка тайны человечества. Оттуда в мир пришло предание — первые одиннадцать глав книги Бытия. Там что-то случилось. Может, через Ливию пришли не атланты, но, в любом случае, люди самой исключительной, в сравнении с окружающими тогда их дикими племенами, цивилизации. Они и нас сегодня удивляют умопомрачительно, да, да, в Египте что-то началось.

Они прошли через Ливию. Их было не так много. Во главе с Осирисом-предводителем. Что-то успели с собой захватить, какие-то мелкие приборы, знали рецепт цемента, а главное — письменность и дисциплина. Письменность и утопическая дисциплина. Один из современных учёных утверждает, что Рамсес, кажется, IV, погиб странным образом на равнине, от падения с большой высоты. Учёный выдвинул гипотезу, что египтяне умели сооружать воздушные шары. Характер его переломов, этого Рамсеса, свидетельствует, что он разбился вдребезги на равнине.

Одни тайны в этом Египте.

Кто там жил, когда они туда пришли? Немного негроидов и средиземноморская какая-то раса. Пришельцы подчинили их и научили лучших из негроидов и средиземноморских своим умениям. Совокуплялись с ними. Отсюда появился тип лица и фигуры, как у Нефертити и Тутанхамона... Еврейский тип. Твоя девка, Дед, похожа на египтянку. Большие выпуклые глаза...

Он собрал целый пакет чая, ещё пакет фруктов, и разбудил высокого парня, наполовину таджика, не признающегося в этом, того, кто теперь командовал на кухне, и отдал ему все свои сокровища.

— Раздай или себе оставь, как хочешь. Я выхожу вечером.

Парень поблагодарил. Дед дал ему ещё пачку сигарет.

— Себе бы оставили.

— Я выхожу через два часа.

5

Через два часа не получилось. Дудки, сказал поп Анютке. Пришёл атлетический сержант, не служивший в команде спецприёмника, и сообщил, чтобы Дед собирался.

— Автобус вас уже ждёт.

— Какой автобус? — изумился Дед. — Мне через два часа ещё только выходить. Меня мои парни заберут.

— У меня приказ взять вас и доставить, — сообщил атлетический сержант. — Собирайтесь!

— Все слышали! — воскликнул Дед так громко и строго, что услышали-таки все. И те, кто спал или кемарил, проснулись. — Менты чего-то замыслили. Хотят меня

вывезти раньше срока куда-то. Чёрт знает куда, может, в лес. Куда вы меня собрались вывозить? (Дед к сержанту.)

— Этого я вам не могу сказать. Собирайтесь!

— Я не поеду. (Дед.)

— Не поедете?

— Не поеду.

— Тогда нам придётся применить силу.

— Что тут происходит?— вошёл капитан, начальник смены.— ...ард ...инович, собирайтесь. Нужно выполнить некоторые формальности. После этого будете дома.

— Какие формальности? Я знаю порядок освобождения. Не раз проходил через это. Мне вернут мои вещи: мобильник, кольцо белого металла, ремень брючный, 4 тыс. 772 рубля 60 копеек, после этого выйду. Меня встретят охранники, если будут журналисты — дам несколько интервью у ворот.

— В этот раз вас освобождают по другой процедуре. Для вашего же блага.

— Выйду, ровно когда меня задержали. Сяду в автомобиль к охранникам.

— Берите вещи. Пошли!

Уже двое настаивали, чтобы Дед вышел. Вся камера во все глаза глядела на происходящее. Дед стоял в центре камеры, два милиционера — сержант и капитан — против него, со стороны двери. Дверь была открыта, и в коридоре столпились ещё менты. Налицо было противостояние.

«Милиция — такое непредсказуемое существо, что-то между собакой и волком. Может быть дружелюбной собакой, но в любую минуту может по-волчьи тяпнуть»,— подумал Дед.

В дверях образовался начальник спецприёмника, подполковник. Обычно дружелюбное выражение лица исчезло, черты лица стянулись ко рту, глаза глядели холодно.

Он назвал Деда по фамилии!

— ... такой-то, пройдите ко мне в кабинет!

Дед пошёл за подполковником на второй этаж. За ним молчаливо пошли какие-то чужие милиционеры, не из приёмника. Кто такие, понятно не было, на их ватниках были просто нашивки «МВД». Может, из 2-го оперативного полка? Может.

В кабинете подполковник сел в своё кресло, грузно и устало.

— У меня приказ, гражданин...— он опять назвал Деда по фамилии.— Вывезти вас и господина Немцова из спецприёмника до 17 часов. Господин Немцов уже выехал.

— Куда вы меня тащите?

— Этого я вам не могу сказать.

— Я освобожусь в положенное время, подполковник, через два часа. А пока я пошёл в камеру.

— ...ард ...инович. Мы с вами всегда были в хороших отношениях, не заставляйте меня применять по отношению к вам силу.

— Чего, скрутите?— осведомился Дед насмешливо.

— Скрутим,— твёрдо сказал подполковник,— ещё и наручники наденем, бросим в автобус и пристегнём.

— Я не знаю, куда вы меня везёте, может, в ближайший лес, где закопаете.

— Нет, не в лес, ...ард ...инович.

В дверь вошёл атлетический сержант и ещё другой тип, даже крупнее сержанта. Они стали у двери.

Дед подумал чуть-чуть, самое мгновение. Залупаться не было смысла. В лес они его не вывезут, конечно, но что они замыслили? Может быть, открыли уголовное дело и увезут его в СИЗО?

— Хорошо, подполковник,— сказал Дед,— под угрозой применения насилия я вынужден подчиниться вашим требованиям.

— Вот и хорошо,— сказал подполковник.— Поверьте, если бы это были не вы, мы бы не церемонились, не уламывали, надели бы наручники и увели.

— Да знаю я про вас всё,— сказал Дед зло.— Все ваши таланты мне известны.

Под молчаливым конвоем чужих милиционеров Дед спустился на первый, прошёл в свою камеру и сказал:

— Все вы, мои товарищи по камере, будьте свидетелями. Вопреки закону меня не освобождают из спецприёмника, а везут куда-то, не знаю куда, может в ИВС или в СИЗО, возможно, они придумали для меня уголовное дело. Будьте свидетелями, что со мной поступили не по закону.

Сокамерники согласно закивали головами.

Дед надел бушлат, шапку, взял свой чёрный пакет и пошёл к двери.

— Желаю всем удачи, ребята!

В холодном дворе его посадили в тёмный автобус с задёрнутыми шторами.

— Садитесь вот сюда!— сказал ему атлетический сержант, указав на место возле милиционера, сидящего у окна. И уселся рядом. Таким образом, Дед оказался заблокированным.

Напротив Деда лицами к нему оказались сидящими женщина-капитан и тип с неприятным оперским лицом в гражданском.

«А где ты видел опера с приятным лицом?» — спросил себя Дед.

— Будем знакомы,— сказала женщина. Назвала свою фамилию и должность. Начальник отдела. Вот какого, Дед не расслышал, так как загрохотал мотор и автобус выскользнул со двора.

Улица, прилегающая к спецприёмнику, была заполнена светом автомобильных фар и шумом голосов. Что-то скандировали множество глоток. Так как Дед был заблокирован с двух сторон ментами, то не мог попытаться отогнуть шторку и посмотреть, что там творится.

— Меня что, собрались встречать все эти люди?

— Ну да, в некотором роде,— согласилась капитан.

— А вы, человек в гражданском, вы кто будете, тоже арестованный?— спросил Дед нахальным тоном у опера. Везут куда-то, непонятно куда. Нужно разозлить их, авось, рассерженные, они обронят какую-нибудь деталь.

— Я оперативный работник,— и опер точно ляпнул название отделения милиции.

— Так вы на Ленинский меня везёте? Зачем?

— Ну вот, догадались,— разочарованно сказала женщина-капитан.— Теперь порядок такой, при освобождении отбывшего наказание отвозят туда, откуда он поступал в суд и затем в спецприёмник.

— Не сочиняйте,— сказал Дед.— Илья Яшин, и Константин Косякин, и Владимир Тор, и ночью Дмитрий Дёмушкин вышли из спецприёмника, и ни в какие отделения их не отвозили.

— Это совсем новый порядок,— сказала капитан мягко.— Это формальность. На десять минут. Хотите верьте, хотите нет...

Более или менее, но стало ясно, что его не в лес на расстрел везут. Дед затих. Надвинул на глаза свою чёрную шапку с кожаным верхом. И затих. От шапки было тепло. Это отец согревал ему голову. «Спасибо, папа!» — сказал Дед себе под нос и умилился. Такой махровый Дед, как он, трогательно даже: «Спасибо, папа». Шапка полагалась отцу, когда тот служил в фельдъегерской специальной службе, там работали все бывшие военные. По сегодняшним меркам организация, в которой работал тогда отец, называлась бы ФАПСИ — Федеральное агентство... чего-то там дальше, попробовал расшифровать Дед. Шапка по виду похожа на флотскую, Северного флота, но она фапсинская, фельдъегерская. Отец возил с товарищами его спецпочту. Ну, как этот товарищ Нетте, из стихотворения Маяковского: «Глаз кося в печати сургуча...»

Проблема с отцовской шапкой была вот такая. Голова у отца была на размер меньше, чем у Деда. Если всё время сидеть с шапкой на голове, то становилось некомфортательно. Голову сдавливало. Но Дед убедил себя, что шапку нужно носить, чтобы чувствовать себя сыном своего отца. Кроме шапки Дед сохранил от отца полевую сумку его и военную рубашку цвета хаки. «Только что-то ты давно её не видел,— встревожился Дед,— нужно поискать по чемоданам и ящикам».

Расстрел не расстрел, но от власти Дед ничего хорошего не ожидал. Могут привезти в отдел на Ленинском и предъявить обвинения, например, по уголовной статье. Дескать, он, Дед, как только что выяснилось, не только отталкивал солдат второго оперативного, но и агрессивно стукнул их, например. Адвокат Тарасов,

может быть, не дай бог, окажется прав, раз уж они решились на один оговор, то чего им не решиться на ещё один, ещё более наглый.

Ну и что, что ты известный человек, Дед. Пренебрегут твоей известностью.

Между тем они приехали. Въехали во двор ОВД. В ОВД, находящихся в старых кварталах города, как правило, никаких дворов нет. В ОВД «Тверское» никакого двора — оно выходит на Большую Дмитровку и там стоят милицмейские автомобили, и в близлежащем переулке. А вот поздние, окраинные ОВД, имеют дворы.

Они въехали, оба милиционера, оберегавшие его, как два куска хлеба хранят в середине ветчину в сэндвиче, вышли. Чего уж охранять, когда въехали в ментовское гнездо. Вышла и женщина-капитан. Опер-блондин остался, и теперь мерцал глазами, как кот, на Деда.

Время шло. Дама-капитан, наконец, появилась. Попросила Деда следовать за ней. Рядом с автобусом, как оказалось, стоит целая толпа милиционеров, большинство без верхней одежды, курят. Их окутывало вонючее облако. Проходя мимо, Дед брезгливо поморщился. Курят всякую гадость.

В ОВД его провели по коридорам. Дед со своим чёрным пакетом, как челнок из Харькова, задержанный за несанкционированную торговлю в Москве.

«Тут с вами хотят побеседовать», — сказала дама-капитан, остановившись у одной из дверей.

Постучала и вошла, Дед — за ней.

Из-за стола встал майор, тот самый, который в суде 12 января утверждал, что Дед продолжал материться и вести себя агрессивно, уже находясь в отделении. Ничего хорошего встреча с этим майором после отбытия наказания не обещала. «Могут сунуть дополнительное обвинение», — подумал Дед и насторожился.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — сказал майор.

Дед поставил на пол пакет и сел так, что профиль его был обращен к майору. Профилем же к майору, лицом к Деду, сидел коротко остриженный милиционер с круглой головой.

— Узнаёте? — спросил майор Деда, указав на круглоголового.

— Мой участковый, — сказал Дед и добавил: — Здравствуйте!

— Вы чем, ...ард ...инович, собираетесь заниматься? — спросил майор.

— Когда? Сегодня вечером? Доберусь домой и спать лягу.

— Нет, вообще, будете ли совершать правонарушения?

— Это мэрия совершает правонарушения, — сказал Дед угрюмо. — Действия мэрии, препятствующие проведению мирных митингов на Триумфальной, противозаконны.

— Так что, будете продолжать нарушать?

— Вы что, майор, собрались меня перевоспитывать? Так поздно уже. Я уже закоренелый.

— Я хочу, чтобы вы подписали бумагу, что не станете допускать правонарушений... — майор остановился и стыдливо добавил: — в нашем районе.

— Так я и так не допускаю. Вон, участковый знает. Музыка громко не включаю, спать ложусь рано, не хулиганю и подъезд не вандализирую.

Участковый, улыбаясь, кивнул.

— Я вообще перевоплотился в учёного-библеиста, если хотите знать, — продолжал Дед. — Я занимаюсь гностиками в основном, гностики — предмет моего живейшего интереса.

Дед не валял дурака, он и в самом деле, что называется, «занимался» гностиками. Однако он был уверен, что ни майор, ни участковый таких слов-то и не слышали. «Учёный-библеист», «гностики». Но они не спросят, что значат эти таинственные слова, не захотят показать себя невеждами.

— Но если вам нужна бумага с обещанием, что я не стану хулиганить в вашем районе, так я напишу. Всё равно она не будет иметь никакого значения. Давайте ручку и лист.

Он сочинил издевательский текст из нескольких предложений и подписался. Он пообещал не хулиганить на территории, за которую ответственно ОВД.

— Вы можете быть свободны, ...ард ...инович, — сказал майор, прочитав бумагу.

— Э, э,— сказал Дед.— Погодите-ка. Вы мне создали проблему. Вы меня увезли от спецприёмника, куда должны были приехать мои охранники. Теперь я должен путешествовать по ночной Москве без охраны. Вы знаете, сколько есть желающих пробить мне голову?

— Да уж, наверное, немало,— согласился майор.— Вот участковый вас до дома проводит. Тут идти-то минут десять.

— У меня ключей нет от квартиры, вот где проблема. Охранники должны были приехать к спецприёмнику с ключами.

— Вы должны быть благодарны милиции за то, что мы увезли вас от спецприёмника. Там вам готовили горячую встречу сторонники прокремлёвских движений. Они там с полудня собирались, несколько сотен собралось, никакие охранники вам бы не помогли.

— Всё это хорошо,— сказал Дед,— спасибо, спасители вы мои. Но вот куда мне теперь деваться. И позвонить мне никто не может, потому что села батарея у телефона. Давайте я переночую у вас, сажайте меня в камеру.

— Мы не имеем права оставить вас здесь. Вы освобождены.

Дед подумал. И вот что решил. А пусть они доставят его в семью, на Самотеку. Жены нет, с детьми сидит тёща. Галина Петровна пустит его переночевать.

— Отвезите меня к тёще на Самотеку,— сказал Дед.— Вы же не хотите быть ответственными, если мне под ближайшим фонарём дадут по голове.

Майор и участковый сошлись и посовещались.

— Отвезём,— сказал майор.

— Скажите, ...ард ...инович, вы видели из окна 31 декабря, что вас во дворе ждёт милиция?— спросил участковый Деда.— Зачем вы вышли?

— Элементарно. Я выполнял свой долг. Меня же ожидали на Триумфальной сторонники... Как я мог не выйти?

Ещё через минут пять Дед уже сидел в милицейском форде, водитель в форме за рулём, а Дед на заднем сиденье. Форд выехал за ворота.

— Чёрт,— ругался Дед, не произнося ругательства вслух,— вместо того чтобы приехать домой, выпить бокал вина и лечь спать, я вынужден ехать через всю Москву в ментовском форде.

Выехав, форд затормозил на повороте. Дед выглянул в окно и увидел под фонарём долговязую фигуру с непокрытой ржаной шевелюрой. Кирилл!

— Стой!— сказал Дед водителю-менту.— Поездка отменяется. Меня пришёл встречать мой парень.

Водитель открыл дверь, и Дед обнялся с Кириллом.

— Молодцы! Догадливые какие! Не зря я вас столько лет учил!

У Кирилла были ключи, а кроме того, в квартире, пока Деда не было, жили нацболы.

Через полчаса Дед уже спал в кабинете рядом с гностиками, спящими в книгах.

Окаянные дни

1

17 января они провели пресс-конференцию в независимом пресс-центре на Пречистенке. Дед, Немцов, Яшин. Пришёл и зелёный и совсем дохлый Костя Косякин. Владимир Тор оставался в спецприёмнике, Дёмушкина никто не пригласил.

На пресс-конференцию Дед упрямо явился в отцовской шапке. Во-первых, потому что всё ещё стояли морозы, а во-вторых, шапка была выигрышная. Настолько старомодная, что на неё, как мухи на мёд, нацеливались фотографы. От

той пресс-конференции существует выразительная фотография, впрочем, снятая совсем случайно. Дед с Немцовым спинами друг к другу. Дед уже в шапке, Дед на голову ниже Немцова, два мира, противоположных друг другу. Видимо, фото зафиксировало их уходящими. Фото оказалось провидческим. До 31 января 2011 года Дед и Немцов друг друга недолюбливали. После 31 января 2011-го Дед возненавидел Немцова, а Немцов — Деда.

Участвовать в пресс-конференции с Немцовым Деду было тяжело. Борис Ефимович говорил слишком долго и изрекал непрерывные банальности, высмеянные уже Чеховым. Ну, из категории «Волга впадает в Каспийское море, лошади кушают овёс и сено».

«Какой же он дурак, этот выкормыш школы Ельцина!» — думал Дед, опустив очи в случайные бумаги, сидя рядом с Немцовым. Слева от Деда сидела Наталья Александровна Яковлева, что называется, «хозяйка» Независимого пресс-центра. Дед переглянулся с Натальей Александровной, и у него создалось впечатление, что она тоже страдает, выслушивая ребяческие глупости Немцова.

Этот пройдоха Немцов попал в оппозицию совсем недавно, что называется, без году неделя. Мотив, по которому он присоединился, прост, как структура одноклеточной инфузории — в школе этих одноклеточных называли «инфузория-туфелька». Дело в том, что Борис Немцов сделался фаворитом Бориса Ельцина задолго до того, как фаворитом стал Путин. Немцов мог быть сейчас царём всея Руси, но волею случая царём оказался Путин. Зависть и ненависть к удачливому сопернику — вот мотив.

Поначалу Немцов поддержал было кандидатуру Путина в президенты. Он, должно быть, надеялся на то, что, став президентом, ВВП даст ему — Немцову — какую-нибудь большую должность, но не получил ничего. Помыкавшись по разным корпорациям, Немцов около 2008 года всё же повернул в политику. Вдруг вынырнул рядом с Каспаровым, как второй лидер нового либерального движения «Солидарность». Дед интуитивно чувствовал в создании «Солидарности» опасность для своего союза с либералами. Конечно, у Деда нет на руках доказательств того, что «Солидарность» создали враждебные Деду силы для того, чтобы отсечь его, Деда, от либералов. Доказательств нет, но Дед верит, что так и было.

Хорошо информированный Михаил Михайлович Касьянов как-то сказал Деду (они время от времени встречались), что «Боря» Немцов ничем не станет заниматься, если ему не дадут финансирования, без денег он и пальцем не пошевелит. Создание «Солидарности» — узколиберального политического объединения, спонсировали, согласно Касьянову, те же силы, что боролись против Лужкова, а именно компания олигархов: Фридман, Прохоров, Чубайс, Абрамович, возможно, ещё кто-то. По мере того как строилась «Стратегия-31», её митинги на Триумфальной становились всё популярнее, к Деду на Триумфальную стали всё чаще заглядывать оппозиционные политики. И Немцов стал. Зачем? Делать себе пиар.

Всякий раз, когда Немцова задерживала на Триумфальной милиция, его популярность вдруг резко подскакивала. А уж когда он получил 15 суток, Немцов стал никому не досягаем. Так, по показателям на 1 января, Дед раскопал эти показатели в «Яндексе», у Немцова в этот день 3907 упоминаний. У Деда тоже рекордное количество за 1 января — 2071 упоминание, но у Немцова — почти вдвое больше. «И он для этого ничего не сделал. Только пришёл ко мне на моё мероприятие, — хмыкнул Дед. — Ловкач».

«Политической партии у него никогда не было. Он умеет глупо улыбаться, но и только. Ни одной политической идеи он не генерировал. Его политический капитал: то, что он менее года был вице-премьером Правительства. Правда, в нашей чиновничьей стране — бывший большой начальник — это немало. Даже в спецприёмнике, когда его туда доставили, ввели особое меню в столовой».

Внешне этой пресс-конференцией они продемонстрировали стране и миру единение оппозиции: два либерала, Немцов и Яшин, Косякин — «Левый фронт», и Лимонов — нацбол. Не было только националистов, но так произошло случайно.

«Почему он такой неприятный?— думал Дед, терпеливо слушая длинные путанные речи Бориса Ефимовича.— И разве обществу не видно, что толстый парень глуп? Обществу не видно, следовательно, и оно не умно».

Но в целом Дед скорее был доволен тем, что второй раз после 2006 года, когда они образовали коалицию с Каспаровым и Касьяновым, второй раз происходит сближение оппозиционных сил. Ну, не происходит, может быть, но наметилось. Маленькая тюрьма, спецприёмник, помогла.

Из пресс-центра Деда повезли по Пречистенке. Образовалась небольшая пробка. И так случилось, что они несколько минут стояли в крайнем правом ряду у близкой стены здания, где лежали и стояли несколько венков и замёрзшие цветы. «Тут же убили Маркелова и Бабурову!» — догадался Дед. Именно когда они возвращались из Независимого пресс-центра от Натальи Александровны Яковлевой...

Трагическая история. За убийство арестована параллельная любовная пара, Тихонов и Хасис. Шекспир! Драматично! Противостояние двух влюблённых пар: либерал адвокат Станислав Маркелов и его подруга журналистка Анастасия Бабурова пошли из Независимого пресс-центра по тому же пути, по которому сейчас едет Дед.

Была, как сегодня, зима. Они вышли из арки, повернули налево, адвокат с такой адвокатской папочкой, Бабурова с сумкой через плечо. Прогрессивная журналистка, курточка, платки-шали всякие и сумка через голову надевается, ремешок грудь пересекает. Там у неё в сумке всякая всячина. Должно быть, Бабурова была влюблена в Маркелова больше, чем он в неё. Идут, переговариваются.

А за ними, приклеившись, следила параллельная пара. Евгения Хасис, рослая, высокая девочка, тренированная, super-women неясного происхождения, вероятно еврейка, но мотивированная русскими национальными мифами. Дед представил себе, как Хасис ведёт наружное наблюдение, со знанием дела держится за двумя фигурами, небыстро идущими по замёрзшей Пречистенке. По телефону она давала сведения своему любимому, Тихонову. Тихонов затаился в одном из дворов, и по сигналу натянул маску, вышел и застрелил Маркелова, папочка упала и соскользнула с тротуара. Бабурова, девочка с ремнём сумки вперехлест, вероятно, не испугалась, потому что побежала за скрывающимся Тихоновым. Тому ничего не оставалось делать, как выстрелить, обернувшись. Ромео-Джюльетта-I против Ромео-Джюльетты-II.

С политической точки зрения Маркелов не являлся фигурой сколько-нибудь значимого масштаба. Ни фигурой первого, ни фигурой второго, ни фигурой третьего ряда не был. Тихонов и Хасис его гротескно увеличили. Убийство Маркелова оставило бы всех равнодушными. Ну, поговорили бы дня три об этом убийстве либералы. Но вот двойное убийство имело большой эффект...

Они выехали к метро «Кропоткинская», повернули направо и поехали по Остоженке в обратную сторону. Дед в автомобиле с охранниками.

Дед подумал, что нужно как-то оформить сложившуюся в спецприёмнике общность оппозиционных лидеров.

Пока «Волга» пробивалась через Комсомольский проспект и пыхла по проспекту Вернадского, Дед придумал для новой оппозиционной организации условное название: «Комитет Национального Спасения». Не Бог весть какое оригинальное, но пусть предложат лучше. КНС — хотя бы решительное название.

2

Немцов и Яшин явились к Деду. Так он им предложил в ответ на их буржуйское предложение встретиться в том или ином центральном ресторане. «Там нас обязательно кто-нибудь сфотографирует, да и запишет, зачем нам лишние глаза и уши. Подходите ко мне, мои ребята вас доставят». Был конец января.

Сутулый Яшин и жирный Немцов, любопытно оглядываясь, вошли в квартиру. Большая и поразительно пустая, из трёх комнат, квартира выходила окнами и на

оживлённую магистраль, там в двух направлениях вечно неслись автомобили, и во двор с сугробами. Деду, в общем, было всё равно, где жить, у него были только два пожелания: чтоб не очень далеко и чтоб не было мебели. Мебель Дед не терпел, а далеко не нужно, потому что долго добираться будет в суды и учреждения.

Дед принял визитёров весь в чёрном, свитер, чёрный костюм. Провёл их в помещение для приёма гостей и собраний, кроме чёрных стульев и пары чёрных кресел там был только небольшой письменный стол. Пустой. Штор на окнах нет, голая лампочка под потолком, провода торчат. На стенах шесть-семь фотографий.

Русские привыкли к обилию предметов и мебели. В какую семью ни приди, даже самую современную, пустого пространства скудно мало. Всё заставлено, и обитатели вынуждены осторожно пробираться между предметами. Дед жил иначе.

Дед не угощал обычно посетителей. Иногда, уже по окончании встречи, если посетитель пришёлся ему по нраву, Дед мог предложить напоить его кофе или чаем, и для этого передвигался с посетителем на кухню. Но такое происходило нечасто.

Немцов поместился в одном чёрном кресле, Яшин — в другом, Дед сел на офисный стул с колёсиками напротив посетителей.

Сказал им, что хорошо бы не очень формально, но как-то зафиксировать сами собой сложившиеся политические отношения.

Немцов согласился, что надо бы.

И Яшин сказал. Ну да, надо бы.

Без особого энтузиазма они звучали, впрочем.

— Мы и так с вами бок о бок выступаем,— заметил Немцов,— приходим на Триумфальную, участвуем.

— Уточните только, что вы приходите к Алексеевой, Борис Ефимович.

— Я последний раз призвал со сцены у Алексеевой не расходиться, не идти в метро, но выйти из загона, как вы его называете, и присоединиться к вашему митингу... Мы и присоединились. Мы выходим. Помогаем вам.

«Ну да,— подумал Дед,— мы пахали. Ты приходишь с Яшиным или с дочерью и используешь наши митинги для воскресения своей потухшей было политической известности, Борис. Но с тобой же никто не приходит, да и некому. За тобой нет людей».

— 31 января я буду в Питере. Мы едем с Яшиным. Присоединимся к вашим ребятам у Гостиного двора.

Они ещё поговорили минут тридцать и ушли. В коридоре Немцов похвалил квартиру.

— А что, очень нормальная квартира у тебя. Сколько платишь?

Дед назвал цену.

Немцов удивился, что так мало.

Деду бы в голову не пришло спрашивать про чью-нибудь квартиру «сколько?».

3

В век Интернета Деду стало известно о поездке Немцова в Питер уже утром 1 февраля. Подробности. Оказалось, что это была подлая поездочка.

Немцов и Яшин явились в Санкт-Петербург в сопровождении целого отряда командос. Из известных либералов в Питер с Немцовым высадился редактор «Ежедневного Журнала» Александр Рыклин. (Стоит напомнить, что Дед называл его «Пингвин», потому что Рыклин по очертаниям своим походил на это млекопитающее.) В состав командос входили ещё множество журналистов и, что очень важно, несколько видеооператоров. Эти видеооператоры прямо от Гостиного двора, как оказалось, вели трансляцию, куда бы вы думали? А прямо в Вашингтон, где в этот момент Гарри Каспаров с указкой в руке витийствовал на заседании Комитета по Иностранным делам Сената Соединённых Штатов. Операция была хорошо подготовлена.

Руководители нацболов в Питере, вся верхушка, целых двенадцать человек, не могли присутствовать 31 января у Гостиного Двора на традиционной акции «Стратегии-31». Дело в том, что в ноябре 2010 года им были предъявлены обвинения по уголовной статье 282-й, якобы они продолжают деятельность экстремистской запрещённой национал-большевистской партии. Зная о том, что все узнаваемые лица партии не смогут присутствовать у Гостиного двора, Немцов решил явиться в Питер и выдать акцию за свою.

Кому выдать? Вашингтону.

С какой целью?

Как минимум — для того, чтобы выдать себя и своего партнёра по лидерству в «Солидарности» Каспарова за вождей оппозиции всей России. Как максимум — для того, чтобы добиться финансирования «Солидарности» с Запада. По мнению Деда.

Позднее явившиеся в Москву по какому-то поводу питерские нацболы рассказали Деду гнусные подробности аферы Немцова. Немцов со своими командос явился к Гостиному двору. Они протиснулись в первый ряд и стали позировать своим операторам.

Нацбольской верхушки на месте не было, некому было навести порядок, связанные по рукам и ногам предъявленным обвинением, находящиеся под подпиской о невыезде, руководители питерского отделения могли, будучи задержанными у Гостинки, получить содержание в СИЗО вместо подписки о невыезде. Некому было сказать: «Ну-ка, ведите себя скромнее!», некому было отрезвить гастролёров. На месте из известных нацболов был только Игорь Чепкасов. Он находился рядом с Немцовым. Из-под расстёгнутой куртки у Чепкасова ярко выделялась нацбольская красная футболка с гранатой Ф-1 в белом круге. Немцов, вспоминая Чепкасова, всё время старался отдалиться от Чепкасова в его футболке.

После митинга, как правило, митинги обычно жёстко пресекала питерская полиция, заявлено было шествие. Начало шествия заявлялось в 18:30, правда, до шествия, ввиду вмешательства полиции, дело доходило крайне редко.

В этот раз Немцов и московские командос, невзирая на недовольство рядовых питерских нацболов, начали шествие прямо в начале седьмого. Как позднее выяснилось, им нужно было успеть показаться американским сенаторам в прямой трансляции, ибо заседание комитета вскоре должно было закончиться.

Нестройная колонна сдвинулась. Борис Немцов и приезжие москвичи-либералы пошли в первой цепи со своими флагами. Крайним в первую цепь успел прицепиться Игорь Чепкасов, продев руку под руку Немцова. Пятясь, видеооператоры стали снимать шествие. Немцов внезапно вытолкнул Чепкасова из кадра. И пошёл под прямую трансляцию на вашингтонских сенаторов.

Ситуация была скалькирована со сказки братьев Гримм. Эпизод, когда кот показывает Королю владения маркиза Карабаса. Оказалось, что всё принадлежит маркизу Карабасу. Пашни, луга, реки... леса. Роль Кота в Вашингтоне исполнял Гарри Каспаров, стоя с указкой, поясняющий по-английски:

— Это сопредседатель нашей организации «Солидарность» Борис Немцов возглавляет колонну протестующих против Путина демонстрантов в Санкт-Петербурге.

Когда Дед осмыслил всю подлость совершённого Немцовым, до него дошло, почему либералы много раз клали его на лопатки. Мужик он был талантливый, и даже хитрый, Дед, но они побивали его подлостью.

— Почему вы не погнали его поганой метлой в задние ряды?— спросил Дед питерских нацболов.— Ведь вы столько сил положили, чтобы сделать проведение «Стратегии-31» у Гостиного Двора популярной акцией. Вас нещадно избивали, арестовывали на десять, на пятнадцать суток... Эх вы, растяпы! Нужно было сказать сурово: «Ты чего сюда, пиариться приехал, Борис? Марш в задние ряды!»

— Да, есть маленько от растяп,— сказал могучий Сид Гребнев, по кличке «Шрек», младший брат покойного руководителя питерского отделения НБП Сергея Гребнева.

Раздражённый подлостью Немцова, Дед врезал по нему вскользь в статье не о Немцове, но о российской буржуазии вообще, обвинил его в вечной загорелости под солнцем южных морей, и назвал «плейбоем», кажется, стареющим.

Немцов позвонил Деду. «Здравствуй, это Борис Немцов говорит». Далее голосом оскорблённой добродетели Немцов сообщил, что он собрался было уже войти в Комитет Национального Спасения, задуманный Дедом, но теперь этого делать не станет: «Мне прислали все оскорбительные вещи, которые ты обо мне написал, я понял, что не могу иметь с тобой дела».

А вот Дед понял, что Немцов ничуть не оскорблён, и не обижен своим загаром южных морей, но просто умело использовал ситуацию, чтобы отказаться от союза, в который ему вступить всё равно не позволили ли бы. Кто? Работодатели, те, по чьему требованию была создана «Солидарность».

4

11 марта весь мир встревожился по поводу радиационной аварии на атомной электростанции «Фукусима-1» в Японии. Землетрясение и вызванная землетрясением волна цунами повредила станцию и привела к расплавлению реакторов на энергоблоках 1, 2 и 3. А 12 марта на первом энергоблоке произошёл взрыв. 14 марта произошёл взрыв на третьем энергоблоке, а 15 марта — на втором. В тот же день произошёл пожар в хранилище отработанного ядерного топлива на блоке номер 4.

И, что называется, понеслась душа в рай. Атомная электростанция стала мощно отравлять и воздух, и воду. Течения свободно выносили отравленную воду в океан. Ветра — отравленный воздух. Степень отравления окружающей среды тщательно скрывалась японским правительством. Беззаботные российские либералы особенно не встревожились, они детски доверились официальным сообщениям из Японии. И только Дед, может быть единственный на всю Россию, мрачно смотрел на ситуацию и написал в своём Живом Журнале, что прогресс придётся срочно остановить. Что многовековую эксплуатацию природы, проповедуемую человечеством со времен философов-рационалистов, нужно срочно останавливать, переходить к иным отношениям с природой.

«Срочно!» — писал Дед. «Не «нас ждёт катастрофа», а к нам уже пришла катастрофа», — писал Дед. Он выражал полное недоверие и японским властям, и российским, заверяющим население, что заражение радиоактивными отходами не грозит российскому Дальнему Востоку. Власти врут, японские власти лгут о масштабах катастрофы.

На Деда обрушились все либералы, какие только есть, все виды либералов. Он посмел потребовать остановить прогресс, покуситься на либеральное «всё» — на сам принцип современной либеральной цивилизации, на цепь «производство — потребление». На сайте «Эха Москвы» Дедов пост «Прогресс нужно остановить» посмотрели свыше 40 тысяч человек, 418 комментариев. Большинство — отрицательные.

Как только его ни называли: «Сумасшедший старик» — было самым лёгким оскорблением.

Между тем сводки со всех сторон были ой какими тревожными:

- разрушены 3.800 домов, около 500 погибших и более 800 пропавших без вести, данные предварительные;
- зона радиации — 20 километров;
- радиоактивное облако движется к Сахалину;
- в журнале «Шпигель» очень развёрнутая история японских реакторов. Они, оказывается, старые, постройки 1971 года. «Шпигель» констатирует, что радиацией могут быть затронуты Приморье, Сахалин и Камчатка;
- американский военный корабль отметил прохождение радиоактивного облака;
- корабли ВМС США прервали спасательные работы в Японии из-за радиации;

- в Токио обнаружена радиация;
- эвакуированных из 20-километровой зоны просят не возвращаться;
- российские военные готовы эвакуировать Курилы;
- USA обвинили японские власти в занижении масштабов катастрофы. В пятницу радиоактивное облако может достигнуть Гавайев и берегов Калифорнии. «Чрезмерный оптимизм японцев»;
- посольство РФ не видит причин для эвакуации россиян, поскольку при эвакуации за билеты граждан должно заплатить государство. В пятницу будут отправлены женщины и дети из посольства;
- в 20 км от АЭС «Фукусима-1» уровень радиации превышен в 1.600 раз, сказали в МАГАТЭ;
- в питьевой воде в Токио обнаружен уровень радиации...

Впоследствии уже и японское правительство вынуждено было постепенно признать, что катастрофа на Фукусиме была крупнее и страшнее чернойбыльской. Сколько радиоактивности разнесли с тех пор по миру течения и ветра, какие дозы осели и содержатся в рыбе, моллюсках и млекопитающих дальневосточных вод, никто никогда не подсчитал. Ядерные реакторы продолжают отравлять подземные воды под Фукусимой, и невидимая смерть свободно выносится в океан. Каждый стремительный краб, каждый замшелый моллюск несут в себе смерть.

В той ярости, с какой набросились на него либералы, ярости, казалось бы, неожиданной, потому что речь шла не о российской политике, но о предмете, казалось бы, нейтральном, Дед увидел степень их отвращения к нему. Дед не подходил им по всем параметрам. Он подрывал их веру. Вот в чём дело! Российские либералы только совсем недавно приобщились к мировому либерализму, только государственный переворот Ельцина сделал Россию буржуазной республикой. Впервые в российской истории буржуазия пришла к власти, а тут вылезает Дед и вопит о том, что прогресс следует срочно остановить. Придётся снизить уровень жизни,— ехидно проповедует Дед. «Они ревностны, как все неопиты. В Европе самые ревностные католики — поляки, поскольку они были обращены в католичество позднее других наций».

В марте 2011-го, где-то рядом по времени с катастрофой Фукусимы, собрала свой съезд партия «Яблоко».

Дед не обратил бы на их съезд никакого внимания, если бы не речь Борщова на съезде. Правозащитник Борщов, друг старушки Алексеевой, сопровождавший её несколько раз и на Триумфальную, человек, по внешности похожий на старомодного советского управдома, в дурацкой квадратной кепке, обычно отмалчивавшийся, вдруг заговорил.

Борщов перечислил заслуги партии «Яблоко» в прошедшем 2010 году, и среди заслуг назвал успешно произведённую активистами партии «Яблоко» операцию по разрыву союза либералов с «лимоновцами». «В частности, мы добились того, что поддержка либеральной общественностью акций Лимонова на Триумфальной была отозвана». Такая формулировка фигурировала в сообщениях СМИ о съезде.

Дед сделал для себя открытие, что, оказывается, раскол с Алексеевой ещё и был тщательно спланирован. Ну гниды! Коварные либералы!

Нацболы, узнав о сделанном Борщовым заявлении, вознегодовали. Когда 31 марта, поздно вечером, Борщов в качестве правозащитника явился в Пресненское (или в Мещанское?) ОВД, где содержались задержанные в этот день на акции на Триумфальной площади нацболы, Сергей Аксёнов в ярости послал правозащитника на три буквы.

Либерал вроде даже и не смутился.

Алексеева ещё в феврале заявляла, что она, уступая давлению своих сторонников, переносит свою акцию «Стратегии-31» на Пушкинскую площадь уже 31 марта. Перенесла. Провела кое-как акцию. Её партнёр Лев Пономарёв объявил в тексте на сайте «Грани.ru»: «А теперь подробнее о митинге. Мы предполагаем

провести последний митинг с названием «Движение-31», или «Стратегия-31». В дальнейшем по 31-м числам мы не будем проводить митинги. Мы разошлись в концепции с «группой Деда» и предполагаем дальше не использовать 31-е число. Тем более что сама концепция митинга у нас меняется. С одной стороны, мы считаем, что довольно нелепо на согласованном митинге говорить о согласовании публичных акций, с другой — проблем по согласованию акций существует очень много».

И всё. На этом они остановились. 31 мая либералы уже никуда не выходили. Они похоронили свою половину «Стратегии». С либералами всегда так. Они мастера по уничтожению политических инициатив. К чему бы ни прикоснулись, всё погибает. Организации, акции...

Дед неустанно продолжал выходить по 31-м числам. «Мы не добились свободы мирных собраний или добились? Не добились. Нужно продолжать выходить. Алексеева нанесла нам огромный ущерб. Но продолжим нашу борьбу».

Летние митинги, июльский и августовский, Дед придумал сделать сидячими. Активисты уселись на серый московский асфальт в нескольких местах: рядом со входом в жерло метро «Маяковская» — там сидел Косякин, у парапета подземного перехода, где сел вместе с активистами Дед. Власти, должно быть, не знали, что с ними делать. Если подымать и нести протестующего, требуется как минимум четверо милиционеров. И картинка (фотография, видео в У-тюбе) получается тревожная и некрасивая: насилие. Может быть, поэтому полицейские на летних митингах задержали немногих. Деда не задержали. Между тем протестующие аккуратно отсидели заявленные два часа, выкрикивая лозунги.

Сидели такими большими колониями, вдоль воздвигнутого забора. Забор соорудили ещё летом 2010 года вокруг стройплощадки, сама стройка так и не началась. Власть беззастенчиво врала гражданам, утверждая, что собирается строить здесь подземный паркинг, а до этого проводит археологические раскопки.

Какие раскопки, на фиг, какой паркинг! Под площадью бежали по Садовому кольцу в двух направлениях автомобили, а ниже залегала неглубокая станция метро «Маяковская». Никакой паркинг между подземной частью Садового и станцией метро невозможно поместить, таковой паркинг тотчас бы осел вниз на станцию метро. И раздавил бы станцию собой.

И какие, в задницу, археологические находки там могли бы быть найдены, если строительство и станции метро, и потом подземного участка Садового кольца велось открытым методом! Вскрыли грунт с поверхности. Есть фотографии, всё перерыто, никакие археологические артефакты там не могут быть найдены! Они не могли сохраниться, ну никак!

Мерзавцы из мэрии организовали выставку артефактов, будто бы найденных в неглубоком шурфе на обнесённой забором площади. Обрывки кожи, хомута, якобы здесь находилось ямщицкое подворье. Дед был уверен, что мерзавцы привезли эти глупые «древности» из ближайшего захолустного краеведческого музея. Для пущего куражу привели пленённого на время какого-то задрипанного архитектора. Что там на самом деле обнажилось, скромненько с краю площади, это кафельные плитки общественного туалета сталинских времён. Если это археологический артефакт...

Летние «митинги», сидения на асфальте, оживили «Стратегию», люди сидели сотнями, многие из них были Деду совсем не знакомы. Появились яростные, немолодые, но яростные «гражданские активисты». Кудлатые, патлатые, бородатые, они потрясали кулаками и скандировали отчаянные отморозенные лозунги. На августовский митинг сели человек семь или больше в один такой сшитый ими мешок с вырезами для голов. Дед, поморщившись, подумал, что как-то несерьёзно, излишняя креативность, но ничего не сказал. Ещё гражданские активисты «шизили»,

отказывались предоставлять свои паспортные данные, неустанно бранились с милицией...

Дед не очень одобрял истерику на ровном месте, но никогда ничего не сказал. Каждый протестует в меру своего разума. На летних митингах стал появляться дирижёр Михаил Аркадьев, человек, похожий на какого-нибудь исследователя Миклухо-Маклая или же на дореволюционного заводчика, тучный, в песочном костюме... «Вот,— думал Дед,— какие люди к нам приبلудились, надо же!»

Дед, в общем, был доволен. Рана, нанесённая Алексеевой «Стратегии», затягивалась. И затянулась бы, если бы не неожиданные, исторического масштаба, события декабря 2011 года.

Вражда с либералами продолжалась. Стороны действовали методом тычков.

Немцов: «Тут некоторые закомплексованные собственным величием оппозиционеры возмущаются, что мы встретились с вице-президентом США».

Дед о Немцове: «Немцов не политик. Он — коклюш буржуазии». (Coqueluche (fr.) — болезнь «коклюш».)

Каспаров о посте «Прогресс нужно остановить»: «У нас в стране эти страхи очень ярко описал в своём блоге ...ард ...инович (Дед), закончив призывом «остановить прогресс»».

Блогер mr.quietest защитил Деда от Каспарова: «Ну что... Просто Деду раньше всех стало что-то ясно :))))».

Тем временем приближались выборы в Государственную Думу Российской Федерации. Партия «Другая Россия» и Дед в частности яростно агитировали за бойкот выборов. Поскольку в выборах не будут участвовать такие оппозиционные организации, как «Рот-фронт», «Другая Россия», «Родина-2» (Делягина), «Партия Дела», «Левый фронт», только что организованный ПАРНАС (Немцов — Касьянов), Республиканская партия, т.е. оппозиция не будет представлена вовсе. Дед придумал яркую формулу:

«Чтобы добиться свободных выборов, не следует участвовать в несвободных!»

Либералы, Дед всё больше называл их буржуазией и буржуазными партиями, как всегда, выступали кто в лес, кто по дрова. Однако в общем у них выработалась следующая вопиюще проститутская позиция по поводу выборов. Во-первых, они собрались мониторить несвободные выборы всей своей либеральной толпой, всем буржуазным классом. Дед, фигура цельная, вышедший из народа, бывший рабочий харьковских заводов, не мог уразуметь, почему следует мониторить несвободные выборы в полицейском государстве, ну почему нужно это делать, какого члена?

В апреле Деда пригласили на собрание в центре имени Сахарова, где либералы собирались обсуждать, как именно они станут мониторить грядущие выборы 4 декабря. Дед пошёл, может быть, простой человек, он недопонимает чего-то, вот пойдёт, выяснит.

Ещё лежал снег, и в воздухе стояла такая туберкулёзная гниль. Большая толпа либералов терпеливо и не спеша всасывалась в двери центра. Многие покосились на Деда, подъехавшего с охранниками, но реплик не было. Отношения не были ещё на самом дне, куда они упали после выборов. Отношениям было ещё куда падать.

Председательствовали на сходке Лиса Алиса старушка Алексеева и Кот Базилио — гнусный Лёва Пономарёв, самые, что называется, злейшие враги Деда. Они с Дедом взаимно не поздоровались. Пара врагов Деда председательствовала за столом у стены. По обе стороны от них на стене находились плоские плазменные экраны. В зале уже присутствовал Михаил Михалыч Касьянов, только он и Дед были с охранниками. Всё остальное разномастное сообщество либералов хромало, протирало очки, дёргало себя за бороды, ворошило бумаги или ковыряло в носках, рассевшись в зале, как придётся.

Долго не начинали, ждали иностранцев.

Опоздав, может быть, на полчаса, две депутатши Европейского парламента, две пергидролевые блондинки средних лет, финка и эстонка, вошли в зал в сопровождении жирного, как шоколадное сливочное масло, Немцова.

Их усадили в первый ряд в самом центре между Касьяновым и Немцовым. Дед уже сидел к этому времени в первом ряду. Деду пришлось пересест. Депутатшу

финку Дед знал. Ну как знал, за несколько лет до этого с депутатшей финкой его познакомил депутат Европарламента Даниэль Кон-Бендит. А с Даниэлем Кон-Бендитом его познакомил Каспаров. От финки в тот вечер с Кон-Бендитом несло кислым алкоголем изо рта. Финка сказала Деду пару комплиментов. Дед уже собственно был на выходе, он должен был заехать за своей тогда ещё женой Екатериной в клуб «Рай». Дед знать не знал, что такое клуб «Рай», отношения с женой у него были хуже некуда, но некий долг тащил его к клубу «Рай».

И таки притащил. Именно в ту ночь после клуба «Рай» с враждебной женой они зачали младенца женского пола, родившегося в следующем году и носящего теперь имя Александра.

В центре имени Сахарова, в «сахарнице», как называли заведение либералы, они все аккуратненько выступали, и было ясно, что они серьёзно будут мониторить. И призывают и будут призывать через подконтрольные им СМИ граждан мониторить. Идите и записывайтесь в наблюдатели. «Лучше всего записывайтесь в наблюдатели от партии «Справедливая Россия», либо от КПРФ», — такой наказ дали своей пастве и Лиса Алиса Алексеева, и Кот Базилио Пономарёв. Ну, ясно, что организации, которые они возглавляют: «Хельсинкская группа» и «За права человека», получают от иностранных фондов солидные деньги на мониторинг. Получат «гранты».

Выступил высокий, носатый, волосатый политолог Дмитрий Орешкин и с указкой в руках, тыкая в разнообразные графики, сменяющие друг друга на плазменных экранах, определил, какие именно избирательные участки Москвы следует «закрыть» в первую очередь. Дед терпеть не мог несерьёзные фамилии вроде Орешкин или Макашкин, он считал, что эти фамилии наследственное клеймо шутов гороховых. Орешкин своей указочкой, дотошной педантичностью взвинтил Деда.

Дед поднял руку и этим обратил на себя внимание своих врагов.

— Вот ...ард ...инович желает высказаться, — Пономарёв старался звучать как можно бесстрастнее.

— Господин Орешкин звучит так настойчиво, убедительно агитирует, чтобы гражданин бросил всё и побежал бы мониторить. Однако хочу напомнить присутствующим, что речь идёт о мониторинге выборов в полицейском государстве, выборов, к которым не были допущены по меньшей мере восемь политических партий оппозиции, среди которых и моя партия «Другая Россия», но также и партия ПАРНАС находящиеся в зале господ Немцова и Касьянова, и Республиканская Партия господина Рыжкова, и левые партии «Рот-фронт» и «Левый фронт», не говоря уже о националистах. Зачем нужен мониторинг выборов, которые всего лишь распределяют количество депутатов между партией власти и партиями-сателлитами власти: КПРФ, ЛДПР и «Справедливой Россией». Вы что, сумасшедшие здесь собрались?

Они поступили архиумно. Они сделали вид, что они его совсем не услышали. Оглохли, пока он говорил. Ни один выступающий после Деда никак не возразил ему. Они продолжали гнать своё о том, что мониторинг мобилизует общественность, будет способствовать возникновению гражданского общества в России.

6

Ближе к осени молодой дюжий адвокат крупного телосложения, напоминающий махрового американца, Алексей Анатольевич Навальный, выступил со своей инициативой по поводу выборов.

«Голосуй за любую партию, только не за партию «Единая Россия»!»

Дед был не из тех, кто всплещивает руками в отчаянье, и не из тех, кто завопит: «Он льёт воду на мельницу власти!» Дед просто подумал правильно: «Он глуп, этот Алексей Навальный, он глуп как пробка».

Идея голосования по рецепту адвоката Навального, однако, овладела умами либеральной общественности, Дед отсюда сделал вывод, что и общественность эта как-то по-обидному, легкомысленно не умна.

Деду уже пришлось увидеть этого Навального один раз. На пике популярности коалиции «Другая Россия» (не путать с партией «Другая Россия», созданной Дедом позднее) этот Навальный пришёл как-то на Покровку, 19, в офис Каспарова, где заседал Исполком коалиции. Дед был Председателем Исполкома. Вероятнее всего, это был год 2007-й. Причина, по которой явился Навальный, он пришёл защитить своего старого товарища Петра Милосердова. Коалиция решила тогда очистить свои ряды от Милосердова — человека с причудливой и небезупречной биографией. Милосердов, настоящая его фамилия другая, восточная, караим по происхождению, он сменил фамилию, сменил за свою вполне ещё недолгую жизнь десяток политических партий, от демократов до коммунистов. Всё бы ничего, однако в коалиции «Другая Россия» он без устали сеял раздоры, распространял сплетни, натравливал одних на других.

Навальный попросил слова и произнёс речь в защиту своего кореша Пети. Петя, худенький, с чёрными глазами наглеца, с удовольствием слушал панегирик товарища. Дед тогда подумал: «Этот Навальный дискредитировал себя, представившись другом такого говнюка, как Милосердов».

«Петю» единогласно исключили тогда из рядов движения. Дед мысленно вспомнил, кто где сидел. Даже Лёва Пономарёв голосовал тогда за исключение, и Олег Козловский, движение «Оборона», голосовал «за», и нынешний начальник штаба Навального, тогда лидер движения «СМЕНА», как же его фамилия? И Коля Ляскин голосовал «за». И Рыклин (каспаровец) — «за», и Осовцов-каспаровец — «за», и... все, и сам Каспаров — «за».

Обескураженный и тихий, Навальный ушёл вместе со своим изгнанным протеже. Тот зло поблёскивал караимскими очами.

И вот крупного телосложения, уже известный, уже адвокат Навальный предложил либералам «Голосуйте за любую партию, только не за партию «Единая Россия»». По сути дела, именно такой призыв больше всего устраивает власть. Такой призыв заманивает граждан на несвободные, на уже сфальсифицированные тем, что в меню их отсутствуют партии оппозиции, выборы.

Навальный дурак? Скотина? Предатель?

А что, если всё вместе?

Уже в декабре, уже 5 декабря Навальный выйдет на митинг против результатов выборов, на которые он зазывал! Умным политиком такого фрукта не назовешь. Но это Россия. Страна без опыта, граждане её ещё не научились ясной политической мысли.

Вопреки здравому смыслу формула Навального становится всё более популярной, чем ближе к выборам.

На то, что Дед призывает к бойкоту, средневзвешенный либерал реагирует своеобразно, пожимает плечами: «Бойкот — это смирение. Нужно же хоть что-то делать».

Глупцы. Почему они такие тупые глупцы?

Буржуазия.

Буржуазия — это обыватель в квадрате. Все недостатки обывателя гротескно увеличены в буржуазии. Его трусость, его жадность, наглость обывателя у буржуазии превратились в агрессивную идеологию трусости, жадности и наглости. Потому буржуазия никогда более не будет революционной, после того как она повсюду добилась своего господства. Природа её — контрреволюция.

Личная жизнь

1

С Фифи Дед не «является» Дедом. «Мой любовник», — так называет его Фифи. Он называет её «моя девка». Фифи ничего отрицательного в «девке» не находит. Её бабка, та, которая русская и с Севера, называет девушек и молодых женщин

«девками». «А ну-ка, девки!» — будила она всех и раздавала «девам» корзинки для сбора ягод. «Пора по ягоды!»

Он придумал ей прозвище «Фифи», и на французский манер, и одновременно ориентируясь на её «ник» в электронной почте в Интернете. Её реальное двусложное имя также отдавало иностранной державой Францией, вот исходя из этого букета соображений он и назвал её. Получилось легкомысленное имя, годящееся для кобылки, задирающей ноги в канкане.

Ноги у неё длинные и задирать она их любит, однако профессия его тридцатилетней подружки шокирующая, она — эффективная дама-госслужащая. Пробесившись в ранней юности в качестве группы, пробежав несколько лет с подружками в охоте за прославленными модными музыкантами (удачная охота заканчивалась постелью с вокалистом или с бас-гитаристом, неудачная — с барабанщиком или с менеджером), Фифи остепенилась и закончила экономический факультет известного специализированного вуза. Та её половина, которая еврейская, взяла вверх над русской и подчинила её. Еврейская кровь сделала её эффективным и энергичным работником. Только чёрные взоры больших выпуклых глаз и эксцентричные одежды выдают бешеный темперамент этой дочери древнего народа. «Я — древнее тебя!» — провозгласила она ему как-то с вызовом.

От музыкального периода у неё осталось широкое и углублённое знание современной музыки, она может продолжить с одной ноты любую иностранную, так же как и российскую, музыкальную пьесу. Деду, называемому «мой любовник», её знания недоступны, такого багажа у него нет, хотя ему привелось быть знакомым и даже быть другом многих известных музыкантов конца XX века и начала XXI, да и женат он был на талантливой и пропащей девке-певице целых 13 лет. Та девка покончила с собой, намеренно приняв over-dose героина (что, впрочем, тщательно скрывается её близкими). Вот эта погибшая пропащая жена послужила, по всей вероятности, ещё одним аргументом для Фифи в её решении пойти с Дедом в постель, превратить его в «моего любовника».

Она намеревалась всего лишь присоединить его к своей коллекции. Однако Дед оказался в постели далеко не Дедом, она в первый же раз с удивлением сказала ему: «А ты энергичнее многих моих молодых любовников». С этого они начали.

Точнее, началось всё с Интернета. Дед заметил короткую и восторженную запись неизвестной. «Вот с кем я мечтаю познакомиться,— писала неизвестная,— с Дедом!» Он был в это время свободен. В том смысле, что спал со случайными несколькими самочками, но, что называется, «сердце его было свободно», как писали некогда в старых романах. Что-то в её коротком вздохе, всхлипе, вскрике в Интернете, видимо, намекнуло ему на её темперамент. Он поручил своим «штабным» отыскать e-mail девки, издавшей всхлип. Написал ей. Она ответила.

Он пригласил её зайти, выпить вина. Сослался на то, что его политическая деятельность вынуждает его жить под постоянной опекой охранников (на самом деле это — члены партии, охраняющие его). Что именно поэтому он предлагает встретиться на его территории. Так будет проще.

Был август. Он тогда снимал квартиру на 3-й Фрунзенской улице, в двух шагах от первого «бункера» партии.

На встречу с Дедом её привёз, как потом выяснилось, её тогдашний любовник. На модном автомобиле. Дед отправил встретить её и привести Димку-белоруса. Носатый, спортивный, футбольный фанат Димка первым прошёл в дверь, чуть кривее обычного улыбнулся, и кивком головы в сторону лестничной площадки обозначил её: «Вот, ...ард ...инович, привёл».

И храбро занеся ножку над порогом квартиры, вошла она, в памяти навсегда остались две третьих тела — голые тёплые ноги. Она надела в тот день шорты и встала на высокие каблуки. Изысканно тонка, с головы стекали на плечи чёрные локоны.

Она потом пеняла ему, и продолжает пенять, что Дед трахнул её во вторую, а не в первую встречу. «Никогда не прощу тебе», — смеётся она.

Дед самокритично думает, что-таки нужно было наброситься на неё с порога. Но историю не прожить заново.

— Я вообще-то ни с кем долго не встречаюсь, — предупредила она его после первого совокупления.

— Да я тоже, — сказал Дед. Он успел заметить её повышенную страстность. — Ты, как я понял, кончила?

— Два раза, — сказала она с вызовом.

Дед подумал, что ему повезло. Досталась страстная молодая женщина. Не все молодые женщины страстные, по опыту знал Дед. Больше нестранных или плохо страстных.

В первые же несколько свиданий она поспешила уведомить его, что расставалась с предыдущими любовниками всякий раз, когда они, влюбившись в неё, требовали увеличения своих полномочий, хотели жениться на ней и жить под одной крышей. Она не хочет. Она поспешила сообщить Деду об этом. Как бы между прочим. И со смехом добавила почти виновато: «В меня все влюбляются».

— В меня тоже, — сказал Дед, стараясь звучать как она, виновато. И добавил доверительно: — Я не стремлюсь к совместной жизни. С меня хватит. К тому же не хочу никого отягощать собой. Мужчина в моём возрасте должен жить один.

— Ты очень ОК, — сказала она. И, подумав, добавила ту запомнившуюся Деду фразу: — Ты энергичнее многих моих молодых любовников.

— Повышенная сексуальность — вторичный признак гениальности, — сообщил Дед несколько насмешливым тоном, потому что нельзя же такое произнести серьёзно. — Обещаю тебе, что никогда на тебе не женюсь.

— Очень хорошо, — сказала она весело.

Впоследствии постепенно выяснилось, что ни один из них не соврал. Как говорили, так и стали жить. С единственной поправкой, что недолгого романа не получилось. Получился долгий.

Дело в том, что оба оказались большими любителями «этого». В старой русской литературе их назвали бы «очень похотливые мужчина и женщина». Ну очень.

Обычно Дед встречается со своей Фифи на weekend(ы) по субботам и воскресеньям. И по праздникам, а когда обоим мало «этого», то и среди недели. Вечером. Это уже называется «приехать на ужин».

Фифи приезжает в такси и обычно не опаздывает. Если задерживается, аккуратно сообщает по электронной. Если опаздывает, употребляет телефон. Крайне неохотно. Дед заранее кладёт в холодильник шампанское и бокалы. Шампанское, впрочем, совсем скромное, не спешите обнаружить в нескгибаемом ...арде ...иновиче буржуазную слабость: «Советское шампанское» или «Российское шампанское» брут затягивает менее чем на двести рублей.

С женщиной нужно пить шампанское — убеждён старомодный Дед. Женщина должна быть праздник, так почему же не шампанское. Шампанское!

Фифи всегда привозит что-нибудь. Бутылку хорошего модного итальянского prosecco, его пьёт вся прогрессивная московская молодёжь, либо итальянское вино, его она покупает всякий раз в одном и том же магазине, специализирующемся по винам, рядом с учреждением, где работает. Владелец и продавец магазина — капризный гомик, — утончённый знаток вин, он как-то поразил Фифи тем, что долго отказывался продать ей бокалы, не соответствующие, по его мнению, купленному ею вину. Бокалы она всё-таки купила, огромные, с загнутыми во внешний мир краями, Фифи упряма как коза, животное, на которое она похожа. Опытный Дед согласился с мнением гомика-винопродавца.

— Эти бокалы, они не для вина, Фифи, но для крюшонов, сангрии там. Загнутые края и большой объём неопровержимо свидетельствуют: гомик прав.

Дальше Дед пустился в рассуждения о том, что гомосексуалисты бывают чрезвычайно утончёнными натурами. Некоторые — в музыке, другие — в одежде, третьи — в вине.

— Но ведь они такие красивые, согласишься?— только и ответила Фифи, нежно взглянув на купленные бокалы, и упрямо налила в них вино. Вино оказалось превосходным.

По домофону Фифи всегда говорит нечто новое и неожиданное. Такое вот, вдруг: «Пустите меня, меня преследуют!», «Добрый вечер, вы заказывали женщину?». Она никогда не скажет «Это я!» Подобное слишком простое обращение ей бы и не пошло. Дед считает, что обращение по домофону — сложный жанр, не менее сложный и красивый, чем японские хокку. Фифи владеет жанром.

Трудно предугадать, в чём будет одета Фифи, когда Дед откроет дверь. Неистовый «шопохолик», как она сама себя называет, обладает десятками единиц верхней зимней одежды, всякими короткими шубками в талию. Дед даже всех этих шубок и запомнить не в силах. Осенне-весенние у неё есть ещё в большем ассортименте, от белого итальянского пальто до крошечных кожаных курточек, как у рок-н-рольных певиц.

Фифи всегда ярко накрашена, губы, глаза, а брови у неё даже вытатуированы, ногти разрисованы, в последнее время она носит гротескные приклеенные ресницы. На шее и в ушах у неё всегда висят ярчайшие серьги, бусы, на запястьях — браслеты. Фифи похожа на испанскую цыганку, она похожа на цыганскую ёлку даже. Фифи — это карнавал, и она нагло облизывает губы и улыбается. При всём при этом у неё узенькие плечи подростка, плоский живот, переходящий через подростковую талию в круглую подвижную попу, и длинные ножки. Дед обхватывает пальцами лодыжки Фифи, что ему очень нравится. Обычно у девок более тяжёлые лодыжки. «Тонкие лодыжки — признак породы»,— говорит себе Дед. Фифи он сказал об этом один раз. Дед считает, что девок не следует перехваливать.

Фифи чуть выше Деда, следовательно, росту в ней за 172 сантиметра. Вес её вокруг 50 килограммов. Правда, когда она возвращается после каникул у русской бабушки на севере европейской России, Фифи выглядит более плотной.

Дед иногда называет Фифи «цыганочка Аза». И правда, в этой русско-еврейской бестии куда больше цыганского, чем еврейского.

3

«У меня получается целая поэма о Фифи»,— Дед ухмыляется.

Как меня угораздило наскочить на такую девку?

У неё много граней, у этой девки.

Например, она приезжает к Деду всегда с ассортиментом трусов. Как правило, не менее трёх трусов сменяет за время пребывания у Деда. Но если остаётся на несколько дней, то число трусов может вырастать до шести, а то и до девяти. Почему нечётное и почему в сериях по три? Скорее всего, в этих её торговых центрах — в «Европейском» или ещё где — трусы продаются в наборах по три штуки.

Часть своих трусов Фифи забывает, и они остаются у Деда. Не так давно Дед подсчитал вместе с Фифи, она корчилась от хохота на постели, количество трусов. Было уже отсчитано около сотни, но Дед был уверен, что их больше, и продолжал искать в шкафу, вытаскивая трусы и отделяя их от чулков и лифчиков Фифи, которых также скопилось множество. Наконец, трусы иссякли, их поток иссяк. Пересчитав, обнаружили, что трусов 103. Прописью: сто три единицы трусов.

— Забери!— сказал Дед.— Не дай бог обыск случится, менты же меня не поймут. Посчитают, что я фетишист, и что у меня перебивала сотня женщин.

— К тому же,— сказала, ехидно улыбаясь, Фифи,— они решат что ты — педофил: трусы-то все чуть ли не детского размера.

— Ужас!— воскликнул Дед.— Забери сегодня же!

— Мне их некуда девать,— пожалла плечами Фифи.— У меня вещи слоями лежат и висят по квартире. Даже на дверях висят.

Вопрос о трусах остался открытым.

Фифи входит. Прижимается к Деду. Он помогает ей снять пальто, если это зима/осень/весна. Берёт из её рук пакет. Иной раз вместе с вином Фифи приносит едкий вонючий сыр, она знает, что Дед такой любит, либо приносит конфеты.

Когда она возвращается из командировок или из отдыха за границей, Фифи приволакивает Деду подарки. Это бутылки с вином и крепким алкоголем того края, в котором она побывала. Однажды она приволокла семь бутылок и бутылочек. Дед похвалился своим охранникам: «Вот, огромный пакет притащила. Из Италии везла! Только одной граппы три сорта. Если женщина тащит издалека мужчине столько алкоголя,— значит, она любит своего мужчину»,— назидательно сообщил Дед.

И быстро застеснялся.

Отдав Деду пакет, Фифи идёт в ванную. Там она прихорашивается, видимо, и переодевается. Если тепло, она выходит в какой-нибудь сногшибательно яркой футболке с дикими надписями, во всех своих бусах, серьгах и подвесках, но без нижней верхней одежды. Только в трусах. О них речь уже шла только что выше, но есть что добавить ещё.

Трусы у Фифи бывают либо загадочные, на лентах там всяких, в кружевах, скрывающие содержимое, либо развратные (развратные есть развратные, объяснять особо не нужно), либо нарочито скромные, пуританско-сиротские, но соперничающие по развратности с развратными.

Трусы у Фифи либо в милый горошек, либо сексуально розовые, либо ангельски-белоснежные. Трусы плотно прилегающие соперничают со свободно топорщащимися, рюши делают попу крупнее...

«У тебя, старый, получается целая поэма о трусах,— сказал себе Дед насмешливо.— Никак ты и впрямь фетишист, сознайся?»

«Да нет, я нормальный,— сказал себе Дед.— Я просто мастер наблюдения и понимания».

В момент когда Фифи выходит из ванной, Дед уже держит в руках бутылку шампанского. Открывает и разливает в замороженные бокалы. Место действия — кухня. В кухне Деда ничего лишнего, мама хорошо воспитала его, Дед содержит помещения в чистоте, предметами не загромождает.

Ударив бокалом о бокал, мужчина и женщина впиваются губами в едкую, чуть желтоватую жидкость с пузырями, поднимающимися снизу, со дна. Совсем недавно Фифи сделала открытие. Она обнаружила, что пузырьки со дна бокала, который держит в руке Дед, поднимаются со дна одной мощной струёй, в то время как пузырьки со дна бокала Фифи поднимаются вверх не одной струёй, а в беспорядке.

Они обсудили наблюдение и провели несколько экспериментов. Так, например, они догадались обменяться бокалами. После тридцатисекундного замешательства пузырьки сориентировались, и у Деда опять образовалась струя, а у Фифи наладился беспорядок. После эксперимента они поняли, что мужская энергия Деда собирает пузырьки в струю, а женская энергия Фифи ласково рассеивает свои пузырьки.

Распив бутылку шампанского, обменявшись новостями из их жизней, любовники отправляются в большое помещение (living room называл Дед такую комнату когда-то, по-русски — «гостиная»). Там Дед уже сделал из красного дивана постель. А какой ещё должен быть диван у такого типажа, как Дед? Ну конечно же — ярко-красный, купленный в «Икее». Если это зима, то Дед уже заботливо давно включил в комнате обогреватель. Если лето — открыл окно, и в комнате присутствует шуршание шин и звук моторов автомобилей. Тут мужчина наклоняется над женщиной и делает то, что Дед в одной из своих недавних работ назвал «преодоление космического одиночества».

Дед более чем вдвое старше Фифи. «Это хорошо»,— как-то сказал Дед, когда они только начали вместе преодолевать космическое одиночество.

— Это хорошо для тебя, что я намного старше тебя. Значит, для меня ты всегда будешь девочкой. Со мной ты будешь жить только в настоящем, так как у человека моего возраста фактически нет будущего. И это — тоже хорошо, жить только в настоящем.

— Да,— сказала Фифи,— я понимаю. Ты умрёшь раньше меня и мне придётся завести себе молодого любовника. Но где я ещё найду такого, как ты?

— Конечно, не найдешь,— сказал Дед высокомерно.— Будешь перебиваться случайными связями.

— Мне даже придётся платить за любовь,— сказала Фифи грустно.

— Да,— сказал Дед весело.— Тебе придётся платить за любовь. Тебе нужно делать сбережения.

— Я не умею сберегать,— сказала Фифи грустно.— Я шопохолик.

4

Шутки шутками, а образовалась своего рода любовь. Трагическая, на самом деле, думает Дед, потому что совершенно нет будущего, совершенно нет. Только продлевающееся настоящее. А впереди — никакой дистанции.

— Если ты куда-нибудь исчезнешь, Фифи, я даже не смогу тебя искать. Ведь я не знаю твоего адреса, всё, что я о тебе знаю, я знаю с твоих слов. Но я допускаю, что у тебя другая фамилия, и нет никаких папы и мамы в Германии и бабушки в Риге и другой бабушки в Перми,— шутит Дед, лёжа на спине и никуда особо не глядя. У них с Фифи короткий перерыв.— Я никогда не видел твоего паспорта, не держал в руках ни единого документа на твоё имя. Зато ты знаешь обо мне всё.

— На самом деле только то, что ты захотел рассказать сам, о возлюбленный мой! Обо мне ты знаешь всё, ты побывал во всех моих таинственных уголках, я принадлежу тебе вся и готова исполнить все твои желания.

— Тебя послушать, Фифи, ты сама благодать, послушная и кроткая.

— Да, я послушная и кроткая, о мой любовник. Ну-ка накажи меня за это...

Фифи потягивается кошкой и встаёт на колени, показывая все места, на которые мальчик смотреть не должен, но мужчина глядит во все глаза. Тем более Дед.

Дед вспомнил, как, расставшись с ним, та его покойная подруга, которая певица, передала ему однажды письмо, где с грустью сообщила, что от утех плоти, от занятий «любовью», самых экстраординарных и самых-самых... на проверку временем сохраняются не сами они, но почему-то сопутствующие детали. Запах можжевельного дерева, долго тлевого в камине (они гостили у писателя Мишеля Бидо в деревушке в Пиренеях). Вот и от наших с Фифи утех, ей они нравятся до такой степени, что взгляд у неё становится заискивающим, ничего не останется?— спрашивает себя Дед. От всех этих нескромных, алчных, горячих наших движений? А, Фифи? Дед, впрочем, не произносит этого вслух. Он рычит нечленораздельно, и это самая страстная речь, которую он способен произнести.

«Пока жив, солдат воюет» — такую поговорку придумал себе Дед. Не хуже Суворова, на самом деле. Генералиссимуса. Поговорка годится и для любви с девкой, и для политики. Она универсальна. Но годится она только тем, кто уродился солдатом, то есть человеком воющим. Дед с юного детства в Левобережной Украине ощущал себя человеком воющим.

Девка очень сильный противник. Побеждать её нужно при каждой встрече. Не победишь — будет презирать. Потом отобьётся от рук. Уйдёт в другие руки, к тому, кто сильнее. Всё безжалостно устроено в мире, и это хорошо. Добро не свойственно ничему живому. Всему живому свойственна победа. Христос с его проповедями смирения по крайней мере подозрительно противоестественен.

Ведь только победа над девкой может быть названа любовью. А не победа — жалкая возня.

— Девка очень сильный противник,— говорит Дед.

— Ты справляешься отлично.

— Пока — да,— говорит Дед.— Надеюсь погибнуть непобеждённым.

5

У Фифи есть дочь, девочка шести лет. Маленькая блондиночка, умненькая и странная, и похожая на Фифи. Также любит всё блестящее, бусы, кольца, серьги, как ворона или цыганка. Фифи, так представляет себе Дед по тем крохам информации, что поступают ему, постоянно подбрасывает дочку то к бабушке на Севере, то к родителям в Германии, то к няне, то к родственникам мужа.

Потому что у Фифи есть и муж. Более того, по какой-то причине Фифи с мужем даже не разведена. Дед как-то видел фотографию, где маленькая дочка Фифи стоит на парапете Москвы-реки между Фифи и её мужем. Муж — здоровый молодой парень. Дед кое-что знает о муже Фифи, но больше знать не хочет. Муж его ну совсем не интересует, ну никак. Дед давно утолил своё любопытство людьми. К людям он относится равнодушно. Как-то позвонив Фифи (обычно он позволяет себе звонить крайне редко), Дед услышал спокойный молодой мужской голос. Дед спросил о ней, узнал, что она вышла, и никогда не сообщил девке об этом звонке. А зачем? Никакого смысла в этом не было.

Дед вполне допускает, что Фифи, может быть, но это, правда, ещё большой вопрос, так это или нет, что, может быть, Фифи порой оказывается в постели с этим мужем. Без особого желания. Ну так, оказалась, и ничего страшного. Она не тот человек, чтобы терзаться потом. А Дед уверен в своём эмоциональном превосходстве над любым мужчиной, высокомерно уверен.

Как-то Дед предложил собрать их детей вместе.

— Ты привезёшь свою, я — своих, я думаю, они подружатся.

Фифи предложение отвергла, сославшись на то, что её дочь очень одинокая, неуживчивая и может обидеть его детей.

— Ну вот ещё,— сказал Дед. И сознался, что он не всерьёз выдвинул своё предложение.

Иметь такую маму, как Фифи, раздумывал потом Дед, вряд ли это так уж хорошо. Маму, которая не ночует дома либо появляется домой в полночь. Дед вспомнил, как мальчиком он был однажды обеспокоен отсутствием матери. Тогда у них телефона даже не было в квартире. Потому они оделись с отцом, отец сунул в карман брюк пистолет «ТТ», и пошли на трамвайную остановку встречать мать. В рабочий поселок, где они жили, вел только один путь — трамвайный. Мать была тронута, что мужчины пришли её встречать.

Интересно, что, когда жена Деда была беременна девочкой, Дед предложил как-то назвать её именем, тем самым именем, что носит сейчас дочка Фифи. В то время он с Фифи не был знаком, просто у них были общие вибрации, так это называется? Жена Екатерина не захотела, назвали Александрой. А если бы назвали, как хотел Дед,— у Фифи и у Деда были бы девочки с одинаковым именем.

Ну и что дальше? Что, что... Не может же Дед, как восторженный мужлан, пуститься в описания своих постельных приключений с Фифи. Это было бы непристойно. Дед, довольно жилистая, крепкая и живучая сволочь, надрывается, хрипит и истязает тоже далеко не слабенькую, но хрупкую Фифи, так, что ли?

«Нет, поостерегусь»,— сказал себе Дед. Хотя общая линия того, что бы он рассказал, если бы хотел рассказать, была бы именно такая.

Дед надеется, что после его смерти Фифи даст свидетельские показания, из которых возникнет увлекательный и мощный любовник — Дед.

«Чёрт знает что,— согласился с собой Дед.— Ну не может же она соврать?»

6

Фифи появилась у Деда в такой нужный момент его жизни, что первое время Дед подозревал её в том, что Фифи ему подослали.

Кто подослал?

Ну, какое-нибудь, например, ФСБ.

Поэтому в первое время Дед остерегался особенно распускать язык в её присутствии.

Не распускать язык в постели оказалось легче всего, потому что в постели они занимались обыкновенно взаимными ласками, разговаривали они всегда во время обедов и ужинов. Тут уже Дед следил за собой, однако иной раз, в азарте, бывал близок к раскрытию своих секретов.

Шло время, а вреда от Фифи не было заметно.

Тогда Дед стал верить в то, что Фифи ему подбросили в помощь высшие силы. Чтобы ему не холодно было на этой планете, чтобы он не грустил и не скучал.

Вертлявое тельце, весёлый, неунывающий нрав, горячий темперамент, размышлял Дед,— не свойственны обыкновенным женщинам. Подавляющее большинство женщин в конце концов проявляют своё уныние, склонность, зависимость от жизненных обстоятельств. Проявляют ревность, глупость, крайнюю обидчивость, слезливость или противное упрямство. На них, таких, постоянно влияют мамы, бывшие любовники, погоды, прочитанные плохо книги или увиденное плохо кино, товарищи по работе.

Фифи остаётся невозмутима как древний Хаос и похотлива как древняя Ева, а то и Лилит, её огромные глаза, покрытые обширными веками, возбуждают своей выпуклостью Деда, когда он лижет их языком.

Однажды Фифи сказала ему, отвечая на комплимент Деда, что вот, мол, какая она удобная, услужливая, лёгкая.

— Ха,— воскликнула Фифи,— так я ведь большой чёрный пудель, мой господин, помните, пудель, которого Вы нашли с профессор герр Вагнер, гуляя за городом.

И Фифи стала читать стихи по-немецки.

В другой раз Дед написал Фифи, в ответ на присланную ему его же фотографию:

«Спасибо, Фифи, за фотографию этого надувшегося человека.

От себя могу сказать, что, вернувшись домой только что, почувствовал вдруг огромное удовольствие от жизни, и понял, что это от тебя, мой странный друг, всё это исходит. Целую тебя».

Фифи быстренько на следующее утро в 07:26 утра, скоренько так и остренько ответила:

«Я не странный друг, я обыкновенный чёртик :)»

И тут до Деда дошло, это же старинный Мефистофель приходит к нему в облике Фифи и укрепляет его в жизни, и доставляет ему страстные удовольствия.

Всемирная слава

1

В конце августа во Франции неожиданно вышла биография Деда, работы известного французского писателя, сына Секретаря Французской Академии, выходца из семьи высшей буржуазии. Книга была названа фамилией Деда. Так простенько, с окончанием на «OV», как большинство русских фамилий.

Во Франции книга немедленно стала ужающей силы бестселлером. Всего, заглядывая вперед, 400 тысяч экземпляров были проданы в нормальном формате и свыше 200 тысяч в карманном, в коллекции Folio. Книга получила три французских премии, в том числе Renodot, и несколько европейских.

За французским изданием последовало итальянское, немецкое, и через некоторое время биография Деда оказалась переведённой на шестнадцать языков.

Дед не верил своим глазам/ушам, но через Google вдруг увидел, что стал велик. Самоуверенностью он обладал, что называется, «с молодых ногтей», и самоуверенностью необыкновенной, но тут при жизни его фактически признали героем мировой литературы.

Вот что написал француз-автор книги-биографии на последней странице обложки:

«Дед (фамилия) — не выдуманный персонаж. Он существует. Я с ним знаком. Он был хулиганом на Украине, идиолом советского андерграунда при Брежнев, клошаром, потом слугой-мажордомом мультимиллионера на Манхэттене, модным писателем в Париже, пропащим солдатом на балканских войнах; и сейчас в огромном посткоммунистическом борделе в России он — старый харизматический лидер партии юных отморожков. Сам себя он видит героем. Кто-то, возможно, считает его мерзавцем; что до меня — я воздержусь от суждений о нём.

Его жизнь — это опасная, двусмысленная жизнь: настоящий роман приключений. Это также, я в это верю, жизнь, которая сообщает кое-что. Не только о нём (о Дede), не только в России, но и о нашей общей истории после окончания Второй мировой войны».

Дед, как крестьянин, стал радоваться книге. «Почти пятьсот страниц, столько бумаги извели, вкусной, пышной, как французский хлеб-багет, французской бумаги. Хм,— Дед любовно взвешивал книгу на ладони.— Тяжёлая какая!»

«Нобелевскую премию шведско-норвежский комитет дать мне не может, есть документальные съёмки, где я стреляю по их любимому Сараево из пулемёта, не может. Но вот какая мне везуха попёрла... Обыкновенно такое происходит с мёртвыми гениями, их открывает пытливый историк после смерти и выволакивает на свет Божий: «Смотрите, какой был гигант!», а мне посчастливилось стать объектом поклонения при жизни».

Хитрый Дед понимал, почему он так пришёлся по душе в первую очередь французам. С тех пор как умер «запрещённый» неполиткорректный Жан Жене в 1986 году в арабском отеле в Париже, Франция больше не производит ни проклятых поэтов, ни великих авантюристов, да и вообще Великих людей. Дело в том, что пресловутая политкорректность создала все условия для того, чтобы такие люди исчезли. Никаких Франсуа Вийонов, маркизов де Садов и Жанов Жене или генералов де Голлей французская реальность не потерпит. Демократия не только убивает гениев, но и следит, чтобы они не образовывались. Уничтожив своих, французская нация не потеряла вкус к таким запрещённым ребятам. И вот они вынуждены смотреть на такого, но русского, в замочную скважину книги, написанной обо мне их соотечественником.

«Нобелевская премия,— продолжал рассуждать Дед,— обесценилась за последние десятилетия. Её великие времена прошли. С тех пор как премию стали давать в поощрение людям из слаборазвитых стран или забытых стран, в поощрение, это уже не высшая награда. А моя биография кометой несётся над Европой и всех шокирует».

Каждый божий день Дед находил в Google несколько статей о себе самом. Журнал TELERAMA — оплот французских буржуа — дал портрет Деда, ещё молодого, в кепке на обложке. Журнал EXPRESS прислал журналиста, который сделал с Дедом книгу-интервью. Ежедневно Деду звонили и к нему приходили журналисты радио, телевидения и просто СМИ.

Слава обрушилась на него, но Дед помалкивал у себя дома. Русские — особый народ, они его обязательно осадят и обругают, если он заикнётся, что его признали великим. Прожив на Западе тьму времени, Дед, в отличие от русских, научился гордиться своим талантом, своим умом, своим опытом и наблюдательностью. А эти «скифы», «печенег» проклятые, у них похвалы не дождёшься, зимой, что называется, снега не выпросишь, сердился Дед. Несмотря на строптивость «скифов» и «печенегов», как Дед их называл в сердцах, Дед всё же хотел им нравиться. Он считал себя плотью от их плоти, рождённым этим капризным и своенравным, жестоким и сильным народом, сыном его, и терпел эту сволочь, своих соотечественников.

«Мыслить они не умеют,— бурчал Дед по всякому поводу,— потому мыслят неряшливо». Комментируя посты Деда в ЖЖ, скифы-печенег первым делом обращали внимание на вещи самые незначительные, на детали самые неважные, на отсутствие запятых или «пробелов» в его постах. Не замечая или не желая замечать основную тему, ради которой Дед и написал пост. Не замечали ту самую «красную нить», которая, мы знаем, проходит через всякое произведение, да будь это и пост в ЖЖ.

«Этим дебилам не хватает картезианской школы». У французов Дед научился мыслить чётко, сухо и раскладывать всё по полочкам и ящичкам отдельно. Те самые «мухи» и «котлеты», их русские вспоминают чуть ли не ежедневно, но между тем не могут различить. Дед немало потаскался в своё время по коллоквиумам и круглым столам в Париже, научился там и мышлению, и изложению. С тех пор, если Дед участвует в таких мероприятиях, он выходит, вынимает небольшую бумажку и твёрдо говорит: «Предлагаю уважаемому собранию несколько тезисов для обсуждения». А скифы-печенег, выходя, начинают рассказывать, начинают с жалоб и опасений. «Я боюсь... Я опасюсь... Революция всё равно пожирает своих детей».

У Деда подобные речи вызывают отвращение. «Вы хотите сказать, что «динозавры вымерли, вымерем и мы», и потому нет смысла рыпаться,— кричит Дед с места.— Незачем с постели вставать, так?»

До чего же они «скифы» и «печенег»!

2

7 сентября 2011-го начался тогда в Тверском суде «процесс по Манежной площади»: массовые беспорядки.

Процесс вызвал огромное внимание СМИ, десятки телекамер, многие десятки журналистов. В 14-й зал набилась добрая сотня желающих присутствовать на этом суде.

Иначе и быть не могло. События 11 декабря 2010 года на Манежной площади взволновали и общество, и власть. Ведь в тот день на площади собрались пять тысяч или больше молодых людей, протестуя против поведения милицейских следователей, не арестовавших убийц футбольного болельщика Егора Свиридова. Это была вторая смерть футбольного фаната подряд, до этого на Чистопрудном бульваре был зарезан бедняга Волков. В обоих случаях убийцами оказались выходцы с Кавказа, у которых нож — традиционное оружие, широко (почти всегда) применяемое в драках.

Итак, пять тысяч в декабрьский день на уже украшенной ёлкой холодной площади. Численность для столицы полицейского государства небывалая. Сама численность протестующих напугала милицейское начальство и рядовых омовцев.

Что же там происходило? Молодёжь явилась на Манежную без определённого плана действий, никем не руководимая. Кто-то поместил в Интернете предложение собраться на Манежной. Это предложение размножили, перепостили. То, что пришло так много людей, свидетельствует о степени негодования и возмущения фактом убийства и бездействием милиции. Можно говорить даже о попустительстве милиции. Предложение собраться на Манежной в обычный, какой-нибудь другой день, никто бы и не услышал, и не пришли бы, но по горячим следам убийства, разгневанные, пришли многие.

Милиция окружила собравшихся. А те не знали, что делать, стояли и глухо ворчали. Стали переругиваться с милицейским оцеплением. Затем стали выкрикивать кричалки. Толпа редко блещет интеллектуализмом, кричалки были незамысловатые: по свидетельству милиционеров, чаще всего звучал мат в адрес милиции. Второе место по количеству занимали уже оформленные лозунги против той же милиции — виновников несправедливости, за то, что отпустили убийц. И только часть лозунгов была направлена против кавказцев.

Милиционеры попробовали наступать на молодёжь, сгрудившуюся на площади на возвышении вокруг купола подземного торгового центра. Молодёжь слабо побросалась немного в милиционеров игрушками с новогодней ёлки и пластиковыми бутылками, как правило, пустыми. Пытались оградить себя от милиции милицейскими ограждениями.

Милиция и ОМОН действовали всё наглее, потому что, как волки, поняли, что овцы не оказывают сопротивления. Младшие командиры ОМОНа, как это принято в Российской армии, не пылали желанием проявлять инициативу, правильно опасаясь, что за инициативу могут наказать. Высшее командование тоже не торопилось на

площадь. Наконец свежий, ещё новоназначенный главным московским милиционером, генерал Колокольцев (Дед познакомился с ним в новогоднюю ночь с 2009 года на 2010-й, кто ещё помнит, когда задержали Мохнаткина) всё же явился на Манежную. Появился и официальный представитель ГУВД Москвы полковник Бирюков. Вот тут и началось избиение молодёжи милицией и ОМОНОм. А вовсе не наоборот, как потом представила власть. Ментам был отдан приказ избивать безжалостно, чтобы неповадно было.

Процесс открылся, таким образом, 7 сентября, и Дед стал ходить на процесс. Потому что главными обвиняемыми на процессе оказались его парни, активисты «Другой России». Игорь Березюк, Руслан Хубаев и Кирилл Унчук. Вначале Дед выступил свидетелем защиты, а потом зачастил на каждое заседание.

Следователи тщательно отобрали нацболов, заметив их на видео- и фотоматериалах с Манежной, чтобы сделать их виновными за массовые беспорядки и «погромы». В СМИ появились интервью крупных милиционеров, депутатов и министров, в которых эти государственные мужи называли виновными за погромы на Манежной леворадикалов, нацболов. Версия эта была прямо противоположна и первой версии власти, и версии либеральных СМИ, и версии националистов.

Власть утверждала, что на площади произошли массовые беспорядки. Дед же, посмотрев в суде видеоматериалы, на их просмотре настояли адвокаты, увидел растерянную толпу молодёжи, окружённую отрядами милиции. Отряды время от времени делали быстрые вылазки в гущу молодёжи, выхватывали жертву и убегали, уволасывая её. Вылазка сопровождалась обильными охаживаниями дубинками всех, кто попадался по дороге. На фоне красной декабрьской зари опускались, подымались, обрушивались эти орудия, нанося удары по несчастливому объекту. Избитых, схватив за воротник, за часть одежды, за руку или за ногу, волокли по ледяной поверхности площади. Волокли в плен. Как трупы.

Либеральные СМИ (либералы немедленно окрестились от «погромщиков» Манежной) соревновались в количестве гнусностей, сказанных о парнях, пришедших на площадь. Приписывали собравшимся нападения на неназванных кавказцев, по неизвестной причине оказавшихся на площади. Дед не увидел никаких нападений и не увидел никаких кавказцев. И никакого погрома. Разве ошипанная до высоты человеческого роста ель — это погром?

Националисты, ну что с них возьмёшь, велик был соблазн присвоить себе этот первый такой массовый протест, они и присвоили. Националисты раскудахтались, расхвастались в блогах в Интернете и везде, где только можно, что вот они «вывели» на площадь крутых ребят, футбольных фанатов, это вам не митинги на Триумфальной, тихие на Триумфальной. И это была ложь нациков. Толпа на Манежной не нападала на полицию. Большая масса собралась наверху вокруг купола и пыталась лишь защититься полицейскими ограждениями от нападений милиции. Никаких мускулистых и крепких ребят, закалённых в фанатских стычках, Дед не увидел. Не было таких.

Разумнее всех повели себя его нацболы. Хубаев, есть кадры, пытался говорить с Бирюковым и Колокольцевым, призывая их прекратить избиение и дать возможность людям покинуть площадь. Березюк защитил группу молодёжи от избиения, поставив между атакующей милицией и избиваемыми, бегущими прочь, полицейское заграждение. Несмотря на то, что изначально государственная пропаганда заявила, что Манежная — дело рук националистов, расистов-ксенофобов, футбольных фанатов.

Круто перестроились, потому что отдали приказ перестроиться. Сама манна небесная упала в руки следователей в виде троих нацболов на Манежной. К тому же двое из троих в разное время были охранниками Деда. Третий — Хубаев, бывший руководитель Мурманского отделения партии, только что вышедший из тюрьмы, где отсидел 4,5 года, был старый нацбол, ещё эпохи НБП, в партию его, восемнадцатилетнего подростка, принимал когда-то Дед.

«Руслан Тамерланович...» Дед вспомнил, что его внимание остановило отчество. Затем он посмотрел тогда на фотографию, тоненький темноглазый мальчик. Деду всегда нравились экзотические отчества, у него самого было такое. С партбилетом Дед послал парню в далёкий холодный Мурманск тёплое

приветственное письмо. Дед всегда писал свои письма от руки, лично, крупным почерком, Тамерланович ответил ему. На каком-то из съездов партии они познакомились. Тамерланович попортил немало крови мурманским ментам и эфэсбэшникам. Верный солдат партии, Хубаев никогда не был замешан ни в одной внутрипартийной распре. Наконец, подложив ему патроны, а потом наркотики, мурманские правоохранители упрятали его за решётку на долгие четыре с половиной года.

Вышел он осенью 2010-го, вышел с обритой головой, твёрдым, широкоплечим, сильным мужиком. Явился, отрапортовал, мол, готов выполнить любые задания партии.

Выходить на Манежную партия не призывала, более того, кого успела, тех предостерегла, чтоб не лезли. Не всех успела, потому что все события после убийства Свиридова пронесли в какие-нибудь сутки, и наиболее пылкие и любопытные нацболы не сумели удержаться от Манежной.

Березюк, быстрый, всегда бегущий Игорь, худенький жилистый паренёк из Белоруссии, был запечатлён на Манежной, скорее, в выигрышном для рассмотрения дела виде: его тащили всякий раз менты в шлемах. Менты устрашающего вида, с дубинками и без. Но суд-то в России особый — это костлявая жилистая рука государства, от государства он у нас не отделён, так же как и церковь, так же как и политические партии не отделены.

Кирилл Унчук, татарский юноша, незадолго до ареста дал Деду почитать последнюю на то время книгу рассказов писателя Владимира Сорокина, рекомендовал рассказ «Тридцать первое». Кирилл везде читал, и улыбался улыбочкой татарского Делона Алена, красавчика.

3

Теперь все трое сидели в клетке с железными прутьями в зале №14. Клетку они делили ещё с двумя ничем особо не примечательными личностями. Обычными молодыми мужиками. На их беду, видеокамеры запечатлели их чаще, чем других, и подробнее. Нет, никаких преступлений (так же как и нацболы) двое случайных на видео не совершали. Это их гоняла и избивала на площади милиция. Но они бросались в глаза, оказались запечатлены чаще других. Дед потом, под конец процесса, ознакомился с видео. Все присутствовавшие в зале изнемогали от усталости, но председательствующая женщина-судья решила удовлетворить ходатайство адвокатов о просмотре видеоматериалов. Но в такое жуткое время — начали после семи где-то вечера — и пришлось сидеть до половины одиннадцатого вечера.

Адвокаты было запротестовали. Аграновский, Орлов: «Давайте, ваша честь, перенесём просмотр видео на следующее заседание, завтра». Но судья, как пыточных дел мастер, недобро усмехаясь, настояла на просмотре здесь и сейчас. Такая пытка судебной корректностью. Сродни пытки клубом, когда Дед сидел в колонии №13 в заволжских степях, заключённых там пытали тем, что раз по пять в воскресенье, в день, когда можно было чуть отдохнуть, по пять раз гоняли в клуб. А судья Тверского, ещё не старая дама, сидя между двумя судьями-мужчинами, видимо наслаждалась. Все устали, после целого дня процесса, у всех языки наружу, а просмотр идёт.

То, что Дед увидел, та картина, которую он увидел, Унчук склонился над избитым парнем, лежащим под ногами у милиционеров (лучше бы назвать их жандармами раз и навсегда, милиция-то — она трудится на улицах, а эти избивают). Хваленые фанаты, если они там и были, вели себя как испугавшиеся дети. Дед всё понял, посмотрев 3,5 часа видеозаписей.

Общество устраивала дикая, расистски настроенная «Манежка»-безобразие, и общество адаптировало такой лживый вариант, создало миф «погромщиков» с Манежной. Власть устроил такой вариант, либералов устроил, и хитрожопых нациков устроил.

Между тем Дед злобно ощерился, подумав о вождях нациков, ни один из них не присутствовал на Манежной на «своей» акции протеста, ни один не был задержан и судим за Манежную. Как так может быть, если это была ваша акция?

Да ничего она ваша не была! Стихийная акция возмущения. Кто закипел, тот и пришёл. А чего делать, не знали. В этом беда спонтанных, не подготовленных событий.

4

Нацболы вели себя в суде непринуждённо. Дед в зале. Тамерланых Хубаев входит в зал бодрый, крепкий, с широко расставленными плечами, улыбается уверенно и спокойно знакомым, приветствует Деда поднятием руки, начинает обсуждать с адвокатом детали дела. Кирилл Унчук и Игорь Березюк уселись вместе, улыбаются, машут руками, увидев его, Деда, встали и приветствовали. Бледные, правда, без солнечного света, но никакой покорности и следов уныния. Нацбол должен быть дерзок, весел. «Весёлые и злые» — как сформулировал им Дед, так и живут.

«Повезло мне. Я дал этим парням смысл жизни», — думает Дед. Вон как они отличаются от двух других подсудимых, разительно. Александр Козевин — обычный по виду парень из спального района, сел на скамью в клетке рядом с Унчуком и Березюком, сел сжавшись, нога на ногу, и подпёр подбородок рукой. Сидит, не поднимая глаз. На лбу сошлись вместе морщины. Переживает. «Гонит», как говорят в тюрьме. Леонид Панин застыл в углу, смотрит в пол, лишь иногда осмеливается поглядеть в зал.

Судьи слева направо. Игорь Алисов — вообще-то председатель Тверского районного суда он, но он не председательствует на этом процессе. Полуседые волосы уложены в аккуратную причёску. За ним председательствующая — Александра Ковалевская. Волевая самостийная женщина лет сорока, черноволоса и по поведению ей сам чёрт не брат. Третий судья — Алексей Криворучко. Очки в тонкой оправе, пухлое лицо. Все трое в мантиях.

В этом зале не раз судили нацболов. Дед сидел в этом зале в 2004 году. Тогда за решёткой было семь нацболов. Макс Громов, Гришка Тишин среди них. Судьёй была Сташина, ещё одна чёрная звезда Тверского суда. Тогда ребятам дали по пять лет. За то, что «захватили» несколько кабинетов в Министерстве здравоохранения, протестуя против монетизации льгот. В том числе и кабинет ненавистного всей стране министра Зурабова. Максим Громов тогда выбросил из окна портрет Путина. Его, летящий портрет, сумел запечатлеть фотограф Агентства Франс Пресс, и портрет обошёл страницы всех СМИ мира. За это Громова во всех тюрьмах и лагерях, где он сидел, менты держали в штрафном изоляторе. Если не ошибаюсь, 265 дней он провёл тогда в изоляторах, вспомнил Дед.

Дед наблюдал за своими ребятами в клетке. Хубаев ведет себя чётко, бодро и умно, он назубок выучил уголовное дело, он выучил законы, которые касаются его дела, он задаёт сильные вопросы, обдумывает и записывает всё, что говорится. Унчук и Березюк ведут себя иначе, они всем своим видом, улыбающиеся и как бы развязные, всем своим видом показывают, что считают суд над ними зловещим фарсом. Показывают, что презирают судей и прокурора.

Прокурор между тем собирает видимые только ему соринки и волоски с рукавов мундира. Криворучко и Алисов смотрят в стол.

Дед поднимает руку и машет кистью руки своим хлопцам. Те улыбаются и машут в ответ. Несгибаемые нацболы.

Даёт показания мать Козевина. «Мой Сашенька очень добрый. Я растила его одна, учился он средне, но закончил профессиональное училище и выучился на строителя. В загульные компании не ходил, — стенает мать. — Пил редко, подрабатывал на стройке, пока учился. Когда его друг детства потерял ногу, от него отвернулись все его прежние друзья, и только мой Саша продолжал с ним дружить. Они вместе и на площадь пришли», — сокрушается мать.

«Прошу вас,— закончила свои показания мать, обращаясь к судьям,— не наказывайте тюрьмой, назначьте общественно-полезные работы, вот».

«Какие работы, mother»,— сказал себе Дед скептически, он уже сидит за решёткой, плюс у него, прокурор обнаружил, уже была какая-то незначительная судимость... Строгого дадут режима.

Козевин, заметил Дед, сидит в камере всё в той же позе, в которую погрузился в самом начале дня. Погрузился? Да нет, которую принял, когда его привели конвоиры. Как кататоник, застыл в позе.

28 октября в том же зале №14 судья Ковалевская стала читать приговор. Дед встал, как и все встали. Когда Ковалевская устала читать, чтение приговора продолжил судья Алисов, затем судья Криворучко.

Нацбол Игорь Березюк получил 5 лет и 6 месяцев общего режима.

Нацбол Кирилл Унчук получил 3 года общего режима.

Случайный Леонид Панин — 2 года общего режима.

Нацбол Руслан Хубаев получил 4 года строгого режима, поскольку вторая судимость.

Кроткий Саша Козевин — 2 года 6 месяцев строгого. Дед оказался прав.

Нацболы дерзко улыбались фотовспышкам. На оглашение приговора ведь в зал запустили телекамеры и фотографов. Поближе к клетке с заключёнными сидела новейшая подруга Руслана Хубаева, он успел обзавестись этой подругой во время недолгого перерыва между судимостями, большая рослая девушка с чёрными, остриженными в скобку, волосами. Теперь, привстав, она нежно посылала Хубаеву воздушные поцелуи. Тамерланыч отвечал ей пылкими взглядами.

5

Ещё в августе нацболы стали готовить митинг протеста против результатов выборов в Государственную Думу, назначенных на 4 декабря. Ежедневно, по вторникам, они стали проводить на Триумфальной площади помимо митингов по 31-м числам ещё и протестные митинги под лозунгом: «Выборы без оппозиции — преступление!». Их безжалостно скручивала полиция.

31 августа после сидячего митинга «Стратегии-31» часть протестующих прорвала оцепление на Тверской и прошла несколько сотен метров. Озлившиеся милиционеры задержали 60 человек.

20 сентября под лозунгом «Выборы без оппозиции — преступление!» — 50 задержанных.

27 сентября менты очень старались задерживать как можно меньше протестующих. Всё равно три автозака задержанных, около 30 человек.

4 октября — 25 задержанных.

«Ежедневно,— писали СМИ,— сторонники «Другой России» и гражданские активисты выходят на Триумфальную, протестуя против нелегитимных парламентских выборов, на которые не будут допущены оппозиционные партии, поскольку они не зарегистрированы. Ближе к выборам темп акций будет значительно учащаться, а количество участников возрастать, и кульминацией станет массовый выход граждан на площадь 4 декабря».

Дед на акции по вторникам не ходил. Партия сказала ему, чтоб не ходил, не надрывался. Дед готовился к президентским выборам, назначенным уже на 4 марта 2012 года.

На самом деле Дед уже с 2009 года объявил, что имеет намерение стать кандидатом в президенты на выборах 2012 года. Он издал брошюру под названием «2012» с изложением его президентской программы, его парни сделали ему одноимённый сайт.

Брошюра «2012» открывалась разделом «Новый Курс». Что там он писал? А он говорил уверенно и с достоинством. «Идея моего президентства сегодня шокирует некоторых, но не всех. По мере приближения к выборам она будет казаться всё менее шокирующей. В том, что оппозиция нуждается в персонификации, сомнений

быть не может. Власть строго персонифицирована тандемом Путин/Медведев. Если мы взглянем на недавнюю Историю: Лех Валенса в Польше, Нельсон Мандела в ЮАР, Вацлав Гавел в Чехии, мы везде увидим во главе народных движений фигуру, символизирующую и объединяющую протест. После 17 лет в оппозиции я стал такой фигурой в России,— писал Дед.— Я популярен (больше, чем многие хотели бы признать это), у меня есть решительность, я готов брать на себя ответственность. Я предлагал Каспарову и Касьянову триумvirат оппозиции. Моё предложение не было принято. Потому я сам выступаю в Крестовый поход. Если захотят помочь, буду рад.

Наша страна требует изменений. Есть огромный запрос на новый курс. Люди хотят разного: политической конкуренции, свобод, хотят доступного жилья, хотят общей демократизации жизни, хотят честности, есть огромный запрос на справедливость судебной системы. Думаю, даже депутаты Государственной Думы хотели бы самостоятельности. Люди устали бояться государства.

Кто возглавит «партию» Нового Курса? Я решился её возглавить.

Я думаю, что очень хорошо, что я не либерал. Я за демократические ценности, но я не либерал. Запрос есть на народного лидера. Мой адресат — весь народ. Через головы политических тусовок: либеральной, патриотической, коммунистической, левой, националистической, я намерен обращаться к народу. Будет создана команда не по принципам идеологическим, но как бы партия Нового Курса, чтобы страна могла взять Новый Курс.

Народ устал жить в смиренной рубашке жестокого ко всем нам режима. Люди устали бояться государства».

Дальше Дед на двадцать страниц резонно объяснял себя и свою программу.

Вот что он говорил о том, кто его поддержит.

«Я собираюсь быть кандидатом всех граждан России. Всякого вероисповедания и всякого происхождения. Всех политических верований. Народным кандидатом от Всея Руси. (...) Меня поддержит молодая интеллигенция страны, большая часть творческой интеллигенции. Рабочие поддержат, потому что я до возраста 37 лет был рабочим. Пострадавшие от судебной системы поддержат потому, что я сам был в тюрьме, хотя, если судить по обвинениям, мне полагался орден. Военные поддержат меня за моё участие в войнах на стороне сербов, абхазов, приднестровцев. Патриоты знают меня как твёрдого патриота, защитника Верховного Совета в 1993 году. Демократы, уверен, большая часть их, поддержит меня за то, что я выступаю за свободные честные выборы всех властей, за отделение судебной системы от государства, за полную свободу СМИ. Меня несомненно поддержат и те массы граждан, которые просто не хотят и больше не могут жить в старой России под гнётом чекистско-олигархического насилия. Те, кто хочет жить в Другой России — России и справедливости, и демократии.

Таким образом, я выступаю в Крестовый поход за освобождение Гроба Господня (в данном случае — символа нашей государственности — Кремля) от неверных.

Я сознаю, что, объявив о своих президентских планах, я превращаюсь в живую мишень. Я это понимаю. И я этого хочу. Я хочу победить, потому я буду рисковать. (...) Вы поможете мне в борьбе, потому что я тот, кто вам нужен.

Я призываю все здоровые силы общества помочь мне и сплотиться вокруг меня. Важен не я. Важны вы, важна ваша победа. Поддержите меня, и у нас будет Другая Россия. Клянусь вам в этом! Готов положить и самую жизнь свою за Другую Россию. Готов взять на себя ответственность за судьбу России».

Дед назвал своими национальными проектами национализацию сырьевых отраслей, строительство дешёвого жилья, поднятие сельского хозяйства, перенос столицы в Южную Сибирь. Заявил, что вернёт страну в демократический режим. Повысит налоги на крупную собственность, откажется от проведения Зимней Олимпиады.

Были в программе «2012» и совсем душещипательные моменты, Дед не считал зазорным вдруг удариться в мелодраму.

«Я хотел бы, чтобы меня запомнили как доброго, никогда не повышающего голос, руководителя страны. У нашего народа никогда не было добрых правителей. Были успешные, были неуспешные, но добрых не было. Хочу, чтобы эпоху моего

правления (если вы решите меня избрать) вспоминали как эпоху счастливую и спокойную.

У меня будет, как и сейчас, два или три скромных костюма, автомобиль «Волга», и всё это будет всегда куплено на литературные доходы. На следующий день после избрания я подпишу указ, делающий Кремль историческим музеем, а сам останусь жить в квартире, где живу сейчас.

В качестве офиса буду использовать один из кабинетов Администрации Президента на Старой площади. Все четырнадцать президентских резиденций будут отданы под размещение санаториев для больных детей и детей-инвалидов. Я живу и буду продолжать жить не богаче, чем мой народ».

Брошюра появилась в 2009 году. К концу 2011 года трудно было понять, насколько Дед преуспел за прошедшие три года. Тогда, в 2009 году, он писал: «Я хочу поднять свой флаг сегодня, чтобы успеть построить вокруг своей кандидатуры необходимую для выборов структуру: найти финансовое обеспечение, успокоить опасения одних, поднять дух других».

К концу 2011-го трудно было понять — успокоил ли опасения и поднял ли дух. Вот финансового обеспечения не нашёл, это точно.

Днём Деду казалось, что всё отлично. Когда просыпался ночами, ему казалось, что всё плохо, и никуда он не подвинулся. Но он взялся за гуж.

6

Дед просыпается несколько раз за ночь. Он не то что спит плохо, он спит оригинально. Проснётся. Посмотрит на окна длинного дома напротив. Ага, на последнем этаже горит жёлтым топлёным маслом одно по центру окно, и одно с краю, слева. Все остальные окна черны. Дед знает, что эти две квартиры ложатся позднее всех. Очень поздно ложатся, ближе к трём ночи. Значит, трёх ещё нет. На часы Дед старается не смотреть. Часы на оранжевом ремешке (мобильник Дед отключил, чтоб опера и пьяные не докучали) лежат рядом с постелью. Но на циферблат Деду смотреть нельзя. Иначе не заснёт. Вот на окна Дед смотрит спокойно, и засыпает. Загадка — почему так? На окнах нет цифр, легко щёлкает эту загадку Дед. Никакого пифагорейства с цифрами.

Дед идёт в туалет. Проснулся он не от позыва в туалет, хотя и такое бывает, но по большей части не от позыва, но в туалет идёт. Даже два раза. В первый раз полусонный, стараясь закрывать глаза, чтобы свет не разбудил его совсем. Увидел раковину, член в руки, и давай. Однако после, прочистив нос водой у раковины в кухне, Дед, как запрограммированный, опять идёт в туалет. Познавший себя до деталей Дед знает, что мочеиспускание в два приёма это наследие проклятой тюрьмы. Это там для верности перед самым выходом из камеры экз делает контрольный «пис», ехать ему в суд или на допрос долго, чтоб у ментов не унижать себя просьбами, лучше выжать в последний момент эти последние капли.

А просыпается он от работы мозга. Что-то вдруг стимулирует Дедов мозг, и он начинает рождать фразы. Дед встаёт и идёт записать. Бывает, это строки стихов, бывает — прозрение. То, что самопроизвольно рождается в его черепной коробке в ночи, обязательно оригинально. Не всегда оно осмысленно, но всегда оригинально, верит Дед.

«Время — это изношенность,— записывает вслепую Дед.— Планета Земля с ядерным реактором внутри — lonely being — она тоже постаревшая.

Изношенность это не знак времени, это само время.

Изношенность — состояние не молодости.

Прибытие в домен старости, в ее состояние — это прибытие на death row, так в американских тюрьмах называют камеры приговорённых к смерти».

«Первая глава и вторая глава «Книги Бытия» (до создания человека) это вылупливание нашей планеты из Хаоса, как цыплёнка из яйца. Отделение от хаоса».

«А что, если наука всего-навсего изучает нрав Божий? Извержение вулканов, цунами — по-прежнему непредсказуемы. Гнев Божий не предсказать».

«Древние были не глупее нас. И если они обожествляли солнце, то чем эта вера ничтожнее, чем вера в невидимого Бога евреев?»

«А что, если планеты — сверхсущества, и носятся по орбитам так целеустремлённо и точно, потому что между ними заключён некий договор о ненападении?»

И совсем недавно в ночи Дед нацарапал (свет не включил, чтобы не спугнуть озарение), строчки наплыли одна на другую:

«Мы все ищем Создателя. Мы — человечество. В космосе его не обнаружили космонавты. Он невидим? Где он? А что, если человека создала планета — Земля? Сверхсущество, которое нас терпит, чтобы «поедать» наши души?»

«Итак. Планета Земля нас создала для своих целей и всячески препятствовала, чтобы мы развились, но мы её одолели, и вот она живёт в униженном состоянии, бунтуя вулканами и цунами, и насылая на нас болезни, приносимые её, Земли, бактериями, полчищами их. Разве болезни, извержения, цунами не veritable Гнев Божий?

— Это прямой Гнев Божий.

— Или планета вполне довольна нашим поведением и на такое рассчитывала?

— Она вообразила нас, и её творческая сила была столь Велика, что мы материализовались.

— Создала ли она нас для цели удержания себя в материальном облике, для подпитки своей силы воображения?

— Не удержавшие себя, обессилевшие планеты затягиваются в воронки чёрных дыр?

— Обессилев, планеты теряют дар воображения?

— Воображение же — это основная сила бездны Хаоса, это — воля к жизни.

— Создание планет и планеты Земля, животных, атмосферы (небо) было осуществлено воображением, перво-духом, уже существовавшим. И он создал для себя материальные воплощения. Возможно, всё это знал Великий пророк Мани».

«Законы физики — это заблуждение. Математика — только видимое примитивное понимание существующего материального мира.

На самом деле мир держится на беззаконном буйном воображении.

Математика и физика — это грубое, крестьянское понимание мира».

Такие вот нестандартные искры своего ума в ночи Дед записывал, думая: «Это всё равно что записывать короткий всполох зажигалки», — а потом одевался жить.

Пил кофе. Включал Интернет и обнаруживал там события. События неслись вскачь.

Чёрное дело в ночи

1

16 октября они подали уведомление в мэрию на проведение митинга 31 октября на Триумфальной. Чёрт знает в какой уже раз. Что там думали в мэрии лысые головы об упорстве Деда, он мог только догадываться. Наверное — «псих». Впрочем, судьбу митингов на Триумфальной объявили уже не лысые головы (нет-нет, решали не они, решали выше — в Администрации Президента, а эти объявляли), а седые — господин Майоров, глава департамента региональной безопасности мэрии Москвы, и господин мэр Собянин. Новый мэр со старыми дырками, сказали бы предки Деда, сказал бы его прадед Никита Алексеевич.

В уведомлении на имя господина мэра заявители (Дед среди них, а как же! Бессменный!) обратились непосредственно прямиком, а не формально, к нему:

«Граждане имеют право выразить своё отношение к свободе собраний и к выборам, а Вы имеете шанс войти в Историю как человек, отказавшийся проводить репрессии. Подумайте...»

Собянин думал или нет, но митинг 31 октября 2011-го им не был санкционирован, так же как и все предыдущие митинги были не санкционированы не им.

31 октября, по разным оценкам, на площади собралось до тысячи человек, а может, и больше, подсчитать было трудно, поскольку забор рассёк пришедших на несколько сценических площадок, и окинуть одним взглядом всех было невозможно. Дополнительно ещё и полиция без устали рассекала собравшихся на части и оттесняла их на соседние улицы и в переход под Тверской. Такая у них выработалась тактика. Однако протестующие возвращались на площадь вновь. Целых два часа, с 18 до 20 часов, продолжался этот кордебалет. В жёлтом свете октябрьских фонарей собравшиеся скандировали: «Свободу собраний всегда и везде!», «Это наш Город!», «Свободу политзаключённым!». Активист «Другой России» Марат Салахияев поднял над площадью флаг «Стратегии-31», большой белый круг на черном фоне, белые цифры — «31».

Полиция взяла в плен около 130 человек, всех развезли по восьми отделениям милиции. Задержанными оказались горбачёвский Илья Яшин, молодёжь «Солидарности»: Настя Рыбаченко, Сева Чернозуб. Дед видел на площади Александра Рыклина, главреда интернетовского «Ежа», ежедневного журнала, только неизвестно было, оказался ли он задержан.

Вместе с Дедом в ОВД «Тверское» привезли ещё двух заявителей митинга: Татьяну Кадиеву и Лолиту Цария. Татьяна — женщина лет пятидесяти, мать очкастого мальчика, очень шумела и ругала полицейских. Швырнула полицейским свой паспорт, паспорт упал на пол, его пришлось подобрать Деду. Дед морщился, потому что не одобрял такого отношения с полицейскими. Ругаться с ними и хамить им Дед считал занятием бессмысленным. Полицейским дают приказ, они его и выполняют. Конечно, можно аргументировать своё отвращение, утверждая, что хороший человек не пойдёт работать полицейским, но подобная аргументация куда же нас заведёт? Дело в том, что Дед не считал, что люди делятся на хороших и плохих и ведут себя всю жизнь либо как хорошие, либо как плохие. Если бы так, жить было бы просто. В том-то и дело, что люди изменчивы как хамелеоны. Сегодня ребёнка спасёт, а завтра ножом пырнёт соседа, как-то так...

Лолита Цария, грузинка, активистка ОГФ Каспарова, вела себя примерно так же, как Татьяна Кадиева, полицейским спуску не давала, бедный участковый, оформлявший ей протокол, только тоскливо поглядывал на сидящего рядом Деда, ища его сочувствия. «Какое вы имеете право?» — кричали наперегонки эти две женщины. «Господи, у меня от них заболит голова!» — подумал Дед. Ему никогда никого не было жалко, на войне в Сербии он целился в бойцов противника, как в зайцев, но глупых пререканий он не терпел.

А на Триумфальной на жёлтом ветру продолжался балет полиции и завсегдатаев Триумфальной. Либеральные VIP'ы уже к Деду на Триумфальную не ходили, но вот калибра Яшина и Рыклина ещё появлялись.

Партия «Другая Россия» в порыве великодушия призвала всех, кто против нечестных выборов, тех, кто за бойкот их, но также и тех, кто за порчу бюллетеней и даже тех, кто за голосование «по методу Навального» — выйти на улицу в день выборов. «Мы предлагаем конкретное действие, чем заняться в этот день, 4 декабря — все на площади ваших городов! В Москве 4 декабря сбор на Триумфальной площади в 18:00» — призывала партия в своих листовках.

Уезжая из ОВД через три часа (полиция соблюдала в отношении Деда строгую пунктуальность), Дед расспросил у товарищей детали задержаний активистов, и количество задержанных также подсчитал. У Деда получилось, что задержаны 123 человека. Это очень много — заметил себе Дед. И отметил, что количество задержанных увеличилось с 25 или 30 в сентябре-октябре в целых пять раз. Приближаются выборы, люди знают, что выборы несвободные, что восемь политических партий уже не допущены к выборам, поэтому столичная интеллигенция негодуёт уже сейчас.

Дед сказал французскому журналу Express, что москвичи в массе своей будут выходить на улицы после выборов. Препред, что называется. Никакого сверхъестественного дара в данном случае не потребовалось. Просто Деду была

доступна динамика задержаний на отдельно взятом клочке московской территории: на Триумфальной площади.

2

В ноябре Оргкомитет «Стратегии-31» впервые подал в мэрию Москвы уведомление на проведение митинга на Триумфальной площади не 31-го числа. Это было уведомление на 18 часов в день выборов — 4 декабря.

Либералы не одобрили выбор дня митинга. Дед знал, что они не одобряют ни одной инициативы, исходящей от него. Либералы неистово боролись против него лично и против всей разумной радикальной оппозиции в его лице. Но так как, будучи интеллигентствующими забулдыгами, они не могли открыто признать, что стремятся убить, подорвать все инициативы Деда, то они придумали такое объяснение. Множества тысяч людей по всей России работают на избирательных участках, мониторят, наблюдают, чтобы нечестные выборы прошли честно, — эти множества тысяч освободятся совсем поздно вечером. Избирательные участки закрываются после 8 часов вечера, а ещё подсчёт и изготовление протоколов. В этом процессе обязательно должны участвовать либеральные наблюдатели, таким образом, на Триумфальную площадь никто и не придёт, и нет смысла туда идти.

Дед, с его стороны, был тотально уверен в том, что либеральные наблюдатели, участвующие в обмане избирателей вместе с властью, в любом случае не пришли бы к Деду на Триумфальную, не того типа люди. Деду нужны были радикалы с настроением, выраженным лозунгом «Голосуй, не голосуй, все равно получишь уй!», те, чья позиция выражалась нацболовской листовкой, изображающей известный похабный жест. Левая рука пересекает правую, сжатую в кулак, а надпись: «Положил я на ваши выборы!». Ну то есть забил.

Деду не терпелось начать протест. Митинг ему, как водится, не санкционировали.

Погода в 18 часов 4 декабря была теплой. Плюс три градуса тепла, тучи, из которых не торопясь сыпалась сырость, похожая и на снег, и на дождь.

На первом в России митинге протеста против выборов в Москве на Триумфальной площади 4 декабря вечером были задержаны 133 человека, включая Деда. У Деда сложилось впечатление, что полиция имела приказ не усердствовать при задержании. Брели только тех, кто вёл себя агрессивно. Лозунги выкрикивали такие: «Ваши выборы — фарс!», «Вся власть — народу!», «Революция!».

5 декабря митинг, заявленный либералами, но не только, среди протестующих были и нацболы (Дед не пошёл), и «Левый фронт», на Чистых Прудах собрал тысяч пять или семь протестующих, поскольку он был разрешён. Когда митинг окончился, самые радикальные элементы, среди них множество нацболов, всего около тысячи человек, пошли по Мясницкой улице по направлению к Лубянской площади, намереваясь добраться до здания Центральной избирательной комиссии в Большом Черкасском переулке. Полиция с перекошенными от страха лицами бросилась рассекать, отсекал и задерживать. В результате были задержаны нацболы Колесников, Щука и десятки других менее известных нацболов, и видные либералы, Навальный, Яшин среди них. В сообщениях того дня цифра задержанных называется вполне скромная: «более 40 участников акции на Чистопрудном бульваре». В более поздних сводках говорится, что «полиция задержала 300 участников акции в центре Москвы» (РИА «Новости»).

С утра 6 декабря в социальных сетях некие энтузиасты, не Дед и не его люди, честное слово, стали призывать выйти вечером на митинг на Триумфальную площадь.

Парируя весь этот план, власть немедленно дала разрешение на митинг-концерт движения «НАШИ» на Триумфальной площади, задним числом оформив документы. Они же власть, они всё могут.

Когда Дед в седьмом часу вечера прибыл на площадь (машину они оставили в одном из переулков Тверской улицы, между Триумфальной и Пушкинской), ему

пришлось идти пешком, преодолевая полицию и рассекая полицейские толпы. Со всех сторон на несанкционированный стихийный митинг шли люди. Деда узнавали, приветствовали. Полиция его или впрямь не узнавала, или сделала вид, что не узнала. На площади багрово горела сцена и похабно молотили воздух мощные звукоусилители нацистов. Толпа обтекла сцену, обтекла полицию. И горячо дышала, время от времени выкрикивая: «Ваши выборы — фарс!», «Вся власть народу!».

Тверская улица была похожа на известную картинку Эдварда Мунка «Вечер на Карл-Юханс-Гате». Мертвенно-бледные рассерженные лица, толпа призраков, странно негромкая для большой толпы, протискивалась к Триумфальной. Странно вела себя полиция. Она не пыталась остановить движение людей к площади. Создалось впечатление, что обе стороны, протестующих и полицейская, были застигнуты врасплох и не совсем поняли, что им следует делать.

Окружённый плотным кольцом охраны, Дед застрял на углу Тверской и Триумфальной площади, не дойдя до входа в метро, был затиснут у ряда киосков и фактически пленён человеческим морем. Стоящий в тени охранников, все они были как минимум на голову выше Деда, он стал размышлять о том, что Триумфальная неудачно находится на отшибе, вдали от горячих точек города. Она далеко от Центральной избирательной комиссии и далеко от Парламента, и от здания Совета Федерации. Даже если пойти сейчас, если толпа повинуется и пойдёт по Тверской вниз, они не дойдут до здания ЦИК или до здания Государственной Думы, им не дадут. Как только они попытаются пойти и станет понятно их направление движения, полиция бросится их останавливать.

«Сам выбрал такую площадь — вот и пеняй на себя. Это же ты её выбрал, вот и пожинай горькие плоды», — сказал себе Дед. И беспокойно стал озираться.

Его сумели задержать только через час. При задержании с него сбили кепку, пришлось подымать её, скособочившись, поскольку жандармы тащили его в это время. Он неловко нахлобучил кепку на голову, тут его запечатлел фотограф, и результат был плачевный. Дед потом видел этот нелепый снимок, кепка сидит косо, вид у него убудочный. «Караммба!» — ругнулся Дед. В этот момент жандармы за его спиной чуть не сшибли его с ног, и он чудом поймал летающие свои очки. «Мать-перемать!»

Когда его втащили в автобус, а автобус возвышался над Тверской на добрые 70 сантиметров, а то и на метр, он увидел, как много людей пришло. Вся Тверская улица с двух сторон была черна от народа, и народ вылился в беспорядке на тротуары, фактически парализовав движение автомобилей.

6 декабря на Триумфальной были задержаны 569 человек. Это данные полиции. Полиция же сообщила, что на Триумфальную площадь в этот вечер вышли от семи до восьми тысяч человек.

Дед поверил полиции.

3

Вот тут-то они и задёргались. Либералы. Они поняли, что протест уплывает на намоленное, что называется, место, куда Дед приучал всех ходить протестовать с 31 января 2009 года. Протест будет иметь прописку на Триумфальной, если они не организуют какой-либо подлости.

Обыкновенно медленные и нерешительные, уже 7-го декабря утром они собрались «в одном из московских кафе в центре города», как сообщил позднее редактор «Еженедельного журнала» Александр Рыклин. Это было кафе «Шоколадница» недалеко от метро «Третьяковская».

Кто же там собрался?

Там точно не было Сергея Удальцова, координатора «Левого фронта». Он был задержан полицией ещё около полудня 4 декабря, в день выборов, в районе метро «Сокол» неподалёку от места жительства. Если можно так выразиться, «превентивно задержан». И осуждён на 5 суток ареста. Срок ареста, который Удальцов отбывал в спецприёмнике ГУВД, что на Симферопольском бульваре (хорошо знакомом Деду и

теперь уже вам, с пребывания в нём Деда началась эта книга), заканчивался 9 декабря в 13.50.

Между тем ещё 29 ноября Сергей Удальцов в компании своей жены Анастасии (Стаси) Удальцовой (бывшей некогда активисткой партии Деда) подал уведомление на проведение митинга 10 декабря на площади Революции. И место — левое, это традиционное место проведения митингов КПРФ и вообще левых организаций. И двое заявителей из трёх — левые, Удальцов — координатор «Левого фронта», а Стася Удальцова — его пресс-секретарь. И только один заявитель из трёх — Надежда Митюшкина, просто служащая, работавшая на зарплате в офисе «Солидарности» (он же — офис Каспарова). Запомним эту дату: 7 декабря, и что митинг на площади назначен на 10 декабря.

Так кто же пришёл в «Шоколадницу»?

В кафе не было Навального и не было Яшина. Навальный получил 15 суток ареста и сидел в спецприёмнике, там же, где и Удальцов. И там же сидел Яшин.

В кафе «Шоколадница» собрались: Владимир Рыжков, Борис Немцов, Александр Рыклин, Геннадий Гудков и двое из радио «Эхо Москвы»: журналист Сергей Пархоменко и главный редактор Алексей Венедиктов. Они договариваются о совместных действиях.

Между тем в это же самое время утром 7 декабря топовые блогеры, наиболее популярные, обращаются с призывом прийти на митинг на площадь Революции. Группа-событие на «Фейсбуке» выросла к вечеру этого же дня до 15 тысяч человек, то есть сказали, что придут на площадь Революции, около 15 тысяч человек.

А в кафе «Шоколадница», между тем, договорились о совместных действиях.

Вот что говорил Пархоменко в апреле 2012 года «Ленте.ru», хвастливо считая себя организатором Победы, в то время как на самом деле он организовал предательство:

«В какой-то момент родилось понимание, что народу 10-го числа будет много. Тогда и произошло первое осмысленное организационное собрание. И оно решало первый сложный вопрос о переносе митинга с площади Революции на Болотную площадь. Это была некоторая ответственность, которую надо было взять на себя, потому что разные идиоты типа Деда надеялись устроить на площади Революции большую бузу. Часть создаваемого оргкомитета (оргкомитетом назвали себя собравшиеся в «Шоколаднице» самовольно, у митинга, заметим, совсем другие, идеологически левые заявители!) на тот момент ещё сидела в спецприёмнике. И мы — Рыжков, Немцов, я и ещё некоторая группа людей (тут Пархоменко намеренно скрывает в основном своего босса — Венедиктова, бережёт его репутацию) решили: неправильно, чтобы всё происходило на площади Революции, давайте это передвинем. Было понятно, что нам немедленно скажут, что мы наймиты и предатели. (Ну да, именно предатели, сознавал, что совершает предательство протеста!) Ну и пусть скажут — нам что? Как-то вдруг мне показалось, что я совершенно не опасаюсь, что про меня плохо скажет Дед. Ну и хер с ним. Или что про меня плохо напишут в ЖЖ. Тоже хер с ним. Я-то точно знаю, что прав.

И мы вступили в отношения с мэрией, совершенно, надо сказать, неформальные, потому что, хочу напомнить, заявка на 10-е число была подана не нами, она была подана группой, я бы сказал, технических сотрудников «Солидарности». (Это Сергей Удальцов-то — технический сотрудник «Солидарности»?)

Поэтому формально мы не могли вести с мэрией никакие разговоры. Однако мы воспользовались некоторыми неформальными возможностями, некоторыми знакомствами и подали в мэрию сигнал: тут есть группа людей, не тех, которые являются заявителями, а тех, у которых есть мозги. Они считают, что это нужно переносить, и они считают, что это — ваша проблема. Что это вам надо будет справляться с таким количеством людей. Мы прогнозируем, что людей придёт вот столько. И надо что-то такое сделать, чтобы там не произошло ничего плохого. Если хотите, мы вам посодействуем. (...)

Надо сказать, что мэрия довольно быстро и правильно поняла сигнал. Они нас попросили немедленно приехать. Дело было поздно вечером, даже почти ночью. И я совершенно уверен, что мы приняли очень правильное решение о переносе митинга

на Болотную, которое, возможно лишило товарища Деда возжеленной возможности немного побузить. Он страшно обиделся...»

Дед позднее сложил многие имеющиеся в наличии куски информации. И выяснил, что Пархоменко полностью прикрыл своего шефа — Венедиктова — в этой истории предательства. Между тем именно притворяющийся шлангом и растрёпанным гением и даже пьяницей Алексей Алексеевич и был, вместе с Немцовым, архитектором предательства.

8 декабря Венедиктов встречается с главой московской полиции Владимиром Колокольцевым. Венедиктов, по его утверждению, был приглашён Колокольцевым. Я считаю, что всё было не так. Венедиктов пошёл к Колокольцеву как посланник образовавшейся группы лидеров либералов, решивших спасти власть в обмен на присвоение себе протестных масс. После визита к Колокольцеву Венедиктов позвонил вице-мэру Горбенко. «Я ему сказал, что, в моём представлении, на площади Революции может быть свалка, не политическая, а технологическая», — это версия Венедиктова. Тогда как, на самом деле, площадь Революции, вторая в анфиладе из трёх огромных самых крупных площадей Москвы: Манежная — Революции — Лубянская, связанных между собой широкой артерией улиц Охотный Ряд и Театральный проезд. Там можно спокойно разместить и пару миллионов человек, в то время как как раз остров Болотной удобен для свалки и массового падения на лёд Москвы-реки тысяч людей.

Горбенко якобы спросил Венедиктова: «А кто, собственно, заявители и организаторы? И не могу ли я им (Борису Немцову и Владимиру Рыжкову) дать его мобильный телефон, а ему — их?»

Венедиктов, зная, что заявители — Сергей и Анастасия Удальцова плюс Митюшкина, не моргнув глазом даёт телефоны людей, не являющихся заявителями. Утром 8 декабря количество желающих прийти на митинг только в «Фейсбуке» уже 25 тысяч человек.

Немцов, почуяв успех, в тот же день посылает телеграмму мэру Собянину, предлагая свои услуги.

Ближе к ночи они собираются в мэрии на Тверской, 13. Рыжков, Пархоменко, Гудков (отрицает, что там был) и Венедиктов. Немцов в Нижнем Новгороде, но он всё время связывается по телефону.

Они расположились за большим прямоугольным столом в кабинете вице-мэра Горбенко. Во главе стола сам Горбенко. Со стороны власти: Горбенко, Колокольцев, Олейник (зам. руководителя Управления безопасности мэрии), Гульнара Пенькова — пресс-секретарь мэрии.

На свободном стуле — напротив вице-мэра — Алексей Громов, заместитель главы Администрации Президента РФ. Предмет разговора — перенос митинга 10 декабря 2011 года с площади Революции.

А в это время.

Заявители митинга Анастасия Удальцова и Надежда Митюшкина в это время находятся в здании правительства Москвы на Новом Арбате, где их уговаривают перенести митинг на Болотную. На что они не соглашаются. Они ничего не знают о встрече на Тверской, 13.

А в это же время Сергея Удальцова, срочно помещённого в Боткинскую больницу, переводят в реанимационное отделение. (Предлог — якобы ухудшение его состояния здоровья после четырёх дней голодовки).

Дед считает, что решение о переводе Удальцова в реанимацию принято было тоже на Тверской, 13, в кабинете Горбенко. Дабы изолировать его от Стаси Удальцовой и влияния товарищей по «Левому фронту». У Удальцова пытаются изъять телефон.

Все эти детали Дед узнавал не сразу, но постепенно. Однако, пересказывая события, уместнее пересказать их в том порядке, в каком они случились на самом деле, а не в том, в каком они раскрывались позднее.

7 декабря вечером товарищи Деда в буквальном смысле рыскали по столице в поисках стихийных митингов возмущения, в том числе и дежурили на Триумфальной. Однако стихийных митингов они не обнаружили, протестная Москва уже сосредоточилась на заявленном митинге 10 декабря на площади Революции.

С седьмого декабря в квартире Деда на Ленинском сидели охранники и руководство партии — активисты, внизу стоял наготове автомобиль, чтобы мчаться к месту протеста.

Находились активисты и руководство партии, и охранники в квартире Деда и вечером восьмого декабря. Если употребить либеральный жаргончик, то они «мониторили» переговоры в здании Московского правительства на Новом Арбате, переговоры Стаси Удальцовой и Надежды Митюшкиной. Всё ещё сражающихся со второстепенными бюрократами за митинг на площади Революции.

За тот вечер нацболы несколько раз звонили непосредственно Удальцовой и узнавали от неё, как идут переговоры. Ничего экстраординарного в этой телефонной связи не было. Стася ведь была старый товарищ по партии, вышедшая замуж за руководителя, грубо говоря, братской партии, когда он ещё был лидером молодёжной организации у Анпилова в «Трудовой России». Организацию свою молодой лидер назвал тогда Авангард Красной Молодежи, символом претенциозно сделал схематичное изображение автомата Калашникова на красном фоне. У нацболов, как известно, символом газеты и партии была граната Ф-1. Удальцов все эти годы прожил в тени партии Деда.

От Стаси Удальцовой очень поздно вечером 8 декабря (это пятница) нацболы и Дед узнали, что она отказалась переносить митинг на Болотную и ушла из здания Правительства Москвы на Новом Арбате, сказав, что придет 10-го на площадь Революции.

Когда Стася Удальцова уходила из здания на Новом Арбате, вторая заявительница, Надежда Митюшкина, ещё оставалась там. Почему она задержалась, бог весть, однако спустя какие-то полчаса или час она появляется в офисе Каспарова. Там был объявлен экстренный сбор «Солидарности». Вот что докладывал тогда Деду его человек, оказавшийся тогда в офисе Каспарова.

«8-го вечером я был в офисе Каспарова. Там был экстренный сбор «Солидарности», так как пришла как раз Митюшкина с переговоров, которая со Стасей отказалась менять место митинга, потребовав от мэрии убрать на время акции парковки с площади Революции, расширив место для митинга. Кстати, разумное и выполнимое решение. Митюшкина была ужасно перепугана и была на грани срыва, пила успокоительные. Власти сказали, что, мол, разрешения не дадут и всех повинтят. Взяли на понт. В офисе устроили обсуждение, соглашаться на Болотную или нет, а если соглашаться, то что требовать. Немцова не было, и из разговоров я понял, что он в этот момент находится в самолёте. Потому как процессом рулил Давидис. Когда я, Галямина и Цыбульский начали приводить аргументы в пользу площади Революции и называть Болото заведомым поражением, у Митюшкиной случилась истерика — мол, «вы нацболы — радикалы, вам людей не жаль, а у нас семьи, и у них дети. Никто не готов этим всем жертвовать, мы должны думать о людях...» В общем, большинство было за Болото. Там же и родилась идея потребовать проход. Когда мы ещё обсуждали и решение ещё не было принято, стало известно, что Немцов уже согласился с мэрией, летя в самолёте и ни с кем не посоветовавшись. Узнав это, активист «Солидарности» Янкаускас бегал по офису как ошпаренный и кричал: «Давайте изобьём Немцова, наконец!»»

А в это время в кабинет Александра Горбенко на Тверской, 13, вошёл замглавы Администрации Президента Громов. «Вошёл с какими-то словами, что он был у Собянина, шёл мимо и так далее. Это означает, что, видимо, он и был тем самым человеком, с которым по ходу переговоров поддерживал отношения Горбенко (Горбенко выходил в соседние комнаты и с кем-то разговаривал)», — вспоминал впоследствии для журнала New Times упоенный собою журналист Пархоменко.

«Громов сел за стол и вёл какой-то не относящийся к делу разговор. Мне кажется, он хотел убедиться, что всё происходит так, как рассказывал ему Горбенко».

«Алексей Громов просто заехал посмотреть, как идут переговоры с мэрией, сам он активно не участвовал,— подтверждает Владимир Рыжков.— Он сказал, что это дело города — пусть город решает. Видимо, его просто послали, чтобы он сообщил, как идут переговоры».

Когда Дед прочёл этих ребят, откровенничающих в журнале Евгении Альбац, а случилось это в декабре уже 2012 года, через год, она задал себе вопрос: почему Евгения Марковна, отъявленный либерал из махровых и отборных, разоблачила всех этих людей, включая Венедиктова? И тотчас дал себе убедительный ответ. Она сделала это ради своего политического любимчика Алексея Навального. Он ведь не был на ночном сборище в кабинете вице-мэра Горбенко в ночь с 8-го на 9 декабря 2011-го, потому что с 5 декабря находился в спецприёмнике ГУВД на Симферопольском бульваре и вышел оттуда только 20 декабря. Чтобы возвысить Навального, Альбац опустила Пархоменко, Рыжкова и Венедиктова.

«Мне позвонил Горбенко — я сидел на работе — он говорит, слушай, приезжай, мы тут обо всём договорились,— вспоминает Венедиктов в журнале Альбац.— Я привёз с собой вискарь. Выпили. И с Громовым тоже. Поскольку мне было сказано, что «мы договорились»,— я решил, что дело нужно обмыть».

Дед верит в то, что именно Венедиктов был основным действующим лицом сговора с властью. Милейший Алексей Алексеевич лишь умело спрятался за фигуру Пархоменко, которому нечего терять, ведь он лишь журналист и акционер главной либеральной политической организации страны — радио «Эхо Москвы», в то время как Венедиктов — идеолог, даже командир и лидер этой организации. Пархоменко заслонил Венедиктова собой, помог ему остаться эпизодической, случайной, почти комической фигурой. Тут телефончики дал двум сторонам, здесь вискарь привёз, как будто в мэрии Москвы вискарья не найти.

Дед вспомнил один эпизод. Собственно, не вспомнил, а достал со Дна памяти, где у него хранятся всякие особые воспоминания, требующие особого хранения, внимания, а кое-какие и отмщения.

Было 31 октября 2010 года. С полицейско-правозащитного митинга правозащитницы Старухи Алексеевой наяривают в микрофон свои речи всё те же действующие лица и исполнители, что сидели со стаканами с вискарём. Рыжков, Пархоменко, ну, и политические карлики помельче. Там были и Яшин, и Немцов. А Деда вниз головой затаскивают по приказанию генерала в кожаной куртке («Таските Деда на митинг!») насильно на митинг Алексеевой. Зрелище поганое, издевательское, в ходе этих полицейских игр Деда роняли несколько раз на асфальт, сломали мизинец, и так далее. Очки Дед потерял. Омоновцы, протаскив его через рамы металлоискателей, сбрасывают его на асфальт. Без очков Дед всё равно видит вблизи. И вот он видит красную куртку и всклокоченную, как старая герань на окне, шевелюру и физиономию Алексея Алексеевича Венедиктова, который немедленно поворачивается к Деду спиной, чтобы поглядеть невесть зачем на уходящий вдаль поток красных и белых огней автомобилей, мчащихся из-под Триумфальной площади.

Дед никогда не сказал об этом Венедиктову. Не сказал — что ж ты, выхваляющийся тем, что ходишь на митинги для того, чтобы мониторить нарушения прав человека, не вступился за меня, отвернулся, сделал вид, что не заметил, как прут здоровые молодые буйволы Деда, разломав его на части.

Дед бы вступился за Венедиктова, если бы увидел его в таком положении. Дед вступился 7 апреля 2001 года в ледяных горах Алтая, когда в бане боец спецназа ФСБ стал бить Димку Бахура прикладом в голову, а Дед знал, что у него в голове металлическая пластина... Дед вступился, а ведь в той обстановке в диких горах его могли пристрелить.

В середине ночи с 8-го на 9-е декабря в Сети был вывешен документ за номером 07-23-169 мэрии Москвы, из которого стало ясно: митинга на площади Революции не будет. Илья Клишин поменял название страницы в Facebook на «Митинг на Болотной площади». «Пришлось ответить больше чем на тысячу сообщений, о том, что митинг действительно перенесли, что страницу не взломали, что митинг согласован».

9 декабря в 13:50 у Удальцова истёк срок ареста на пять суток. Удальцов находился в это время в Боткинской больнице. Из больницы он позвонил жене Стасе и внезапно заявил, что нужно идти на Болотную площадь. До этого он был резко против переноса митинга на Болотную.

Что заставило его сменить мнение? Дед в точности не знает. Какое-то давление на него.

Подлецы-заговорщики требуют от Стаси Удальцовой, чтоб она подписала своё согласие переноса митинга на Болотную площадь. И снялась в ролике, призывающем идти туда. Нехотя она подчиняется.

Несмотря на сдачу Удальцовыми своих прав заявителей митинга на площади Революции, Сергея Удальцова 9 декабря не выпускают.

А 10 декабря за два часа до начала митинга, то есть в 12 часов дня, его из Боткинской больницы полиция доставляет прямиком в с/у №99 Зюзинского района, где судья Белолипецкая присуждает ему 15 суток ареста по статье 20.25 КОАП РФ (самовольное оставление места наказания), якобы он самовольно отбыл из спецприёмника в больницу.

Удальцову не доверяют, считают, что надёжнее для торжества Болотного дела, чтобы он оставался за решёткой.

Между тем империя «Эха Москвы» забрасывает радиоэфир анонсами о предстоящем митинге на Болотной площади. Подключается и радио «Коммерсант-ФМ», телеканал «Дождь», радио «Финам-ФМ», сотни либеральных блогеров постят и перепощивают до одури, да так, что социальные сети закипают. «Все на Болотную! Все на Болотную! Все на Болотную!»

Триста спартанцев

1

10 декабря 2011 года с утра пошёл редкий мокрый снег. Столица России, всегда ненастная в тёплые зимы, выглядела неуютно. Было минус один по Цельсию.

За рулём в этот день оказалась Ольга. Несколько лет она была в бегах, что называется, скрывалась от правосудия по старому делу об отражении нацболами нападения на Деда у здания Таганского суда. Это был далёкий уже апрель 2006 года. В тот день им запретили партию. Тогда на Деда набросились человек сорок из прокремлёвских организаций. За сопротивление им впоследствии осудили семерых, в том числе ещё одну девушку, Лену Боровскую, а Ольга предпочла скрыться. Водила троллейбусы, временами Дед видел её в какой-нибудь квартире на нацбольском празднике, на дне рождения, скажем, партийного руководителя. Потом она опять исчезала. Не так давно Ольга как-то уладила свои дела с правосудием, получила три года условно, и вот теперь возила Деда иногда.

Ольга была злая. Это видно было по её одинокой косичке на затылке, по её подтяжкам по воротнику белой рубашки, воротник зло топорщился сзади. За что-то она их ругала, и охранников, и Деда. Дело в том, что Ольга пришла в партию чуть ли не шестнадцатилетней девочкой, когда ещё Дед сидел в тюрьме, и встретила его вместе с бородатым Толей Тишиным, когда Дед вышел из тюрьмы в 2003-м. То есть восемь лет партийного стажа, пять лет из них — нелегальной жизни — давали право Ольге злиться. Вот на что она злилась, понять было трудно. Вероятнее всего, на сук-либералов, которые сегодня украдут у нацболов и у всей России революцию.

Весь день 9 декабря изо всех электроприборов, которые Дед включал, за исключением разве что утюга, звучало слово «Болотная». Или алело, чернело, белело зазывающими шрифтами в Интернете.

Нельзя сказать, чтобы все политические фигуры приняли уход на Болотную. Нет, символ движения «Химкинский лес» — Чирикова — заявила, что это предательство. Журналист и блогер Бабченко, он же «старшина запаса», понял происходящее идентично, звучали ещё голоса, но их была горстка, и, положенные на одну чашу весов, эти голоса взмывали резко вверх, перетянутые общим весом другой чаши весов, на которой лежали Немцов, Рыжков, Пархоменко, Гудковы — двое, Лёва Пономарёв, Венедиктов, «Эхо Москвы», телеканал «Дождь», топовые и нетоповые блогеры, все хипстеры, все модные девочки и мальчики Москвы.

Митинг был назначен на площади Революции в 14 часов. Где-то в 13, что ли, они выехали с Ольгой за рулём на «Волге», или раньше 13 часов.

На Ленинском движение было говённым. В мелкой жижке густого снега не спеша катились грязные автомобили. День обещал быть унылым. Они слишком долго ехали по Ленинскому, обычно они ехали быстро. Злилась, судя по косичке, Ольга, злился и был молчалив Дед, затиснутый на заднем сиденье между двумя товарищами-охранниками. Телефоны у охранников постоянно просыпались, нацболы с площади Революции сообщали о ситуации. Что люди уходят колоннами на Болотную. Что по площади расхаживает Немцов, расхаживает Гудков, расхаживает Пономарёв и заявляют, что митинг перенесён, и тем, кто этого не знал, предлагают присоединиться к формируемым колоннам и уходить на Болотную. Уже на Якиманке рядом с автомобилем Деда шла уже плотная стена из blue jeans, они шли на Болотную, эти люди, эти глупые, не разобравшиеся в ситуации московские девушки, юноши, тётки. Целая стена из джинсов. Надо же, ранее такое Деду пришлось наблюдать, когда однажды его «Волга» оказалась захваченной лавиной вытекающих со стадиона болельщиков.

— Тупые,— думал Дед,— куда же вы идёте? Вы покидаете самый центр города, где пульсирует административная жизнь страны, вы уходите фактически от стен Государственной Думы, трагически уходите от Лубянки и Большого Черкасского переулка, где находится Центральная избирательная комиссия. Вам же нужно туда! А вы дезертирами направляетесь на остров, прочь от центра, в ловушку, где полиция будет удобно вас запереть, перегородив какие-нибудь два моста. Идиоты, неопытные! Как же вас провели! Как вас легко провести, обмануть!

Дед, однако, молчал. Командир не имеет права стенать и сожалеть.

Где-то у входа в метро «Театральная» им пришлось покинуть «Волгу», оставив ещё более злую Ольгу, и идти на площадь Революции спешно, сквозь грязь. Ещё десяток охранников Деда прибежали им навстречу с площади, и они вместе угрюмо зашагали, почти побежали туда. То, что они опаздывали, собственно, никакого значения не имело. Что, они станут останавливать, широко разведя руки, как при ловле кур, уходящих с площади? Это будет смешно.

У ментов были сумрачные подавленные глаза, заметил Дед, когда они прошли сквозь оцепление на площадь. Люди с такими глазами никакие вояки, препятствовать окружению народом здания Парламента, вон оно — рядом, либо здания ЦИК — стоит выйти на Лубянскую площадь, оно там, за ракушкой метро «Лубянка», — они не станут, менты с такими глазами.

«Никуда не уходим! — кричит Дед, стараясь звучать спокойно. — Никуда не уходим! Остаёмся на площади!»

И Дед идёт к памятнику Марксу. Львиная гранитная голова над Дедом, ему сунули мелкий мегафон, Дед начинает говорить. У него вырвалось честное и чёткое: «Они украли у вас революцию! Они украли у нас революцию!»

Украли, суки, но ещё не знают, что продолжения не будет, что исторического масштаба кража эта уже повлекла за собой поражение. Что уже всё! Всё! Всё! Поражение состоялось! Дед видел на спинах уходящих с площади Революции невидимую другим надпись (почему-то на английском), как в фильмах: The End.

Обладатели спин не видели.

Ну что! Дед решил проводить митинг с 14:00 до 16:00, как было договорено изначально Удальцову.

И он стал орать в слабенький мегафон, заплёвывая его своей слюной.

Орать о том, что сегодня трагический день для России, что он благодарит тех, вас, нескольких сотен самых верных, самых отчаянных, тех, кто тут остался, защищая эти никому не нужные уже Фермопилы у гранитной головы Карла Маркса. Мы как триста спартанцев!— надрывался Дед.

Время от времени он передавал слабенький мегафон Макс Громову. Совесть партии, как его называли партийцы за то, что был подвергнут в тюрьме пыткам, провёл 265 дней в штрафных изоляторах; и Макс кричал что-то своё, потом Захар Прилепин кричал, потом красавец Андрей из Питера кричал, и адвокат Сергей Беляк кричал.

Безучастные, но странно тихие стояли вдали милицейские фигуры в оцеплении.

У мегафона сели батарейки, в толпе, трудно дышащей (повалил гуще мокрый снег), стали стучать по батарейкам, чтобы их оживить. Деду передали другой мегафон, такой же слабый, и он опять объяснял тем, кому не нужно было ничего объяснять, что тысячи должны были остаться здесь, здесь, здесь! Сделать двести, ну, двести пятьдесят шагов к Лубянке и зданию Центральной избирательной комиссии. И была бы Победа!

Там нужно было бы стоять вокруг, и, отобрав наших представителей, десятка два хватило бы, зайти в здание и обратиться к чиновникам: «Посмотрите в окна! Мы пришли, стали здесь и будем стоять, не уйдём, пока результаты выборов не будут отменены: мы умрём от голода и холода, но не уйдём!»

Как бы отвечая на вопрос, который не задали ему спартанцы, но обязательно задали бы те, кто ушёл, Дед закричал: «Милиция не сдвинулась бы с места! Вы видели, какие у них лица? Я видел. У них лица людей, загипнотизированных Историей. Они не вмешались бы не от страха, не по причине трусости. А потому, что не стали бы мешать Истории. Не решились бы!»

К нему протиснулась французская журналистка: «Мсье, не могли бы вы...»

— Мсье не будет вам давать интервью здесь и в такой момент,— сказал Дед.— Вы тут шляетесь со своими микрофонами и воображаете, что мы задыхаемся от счастья дать вам интервью. Я говорю с моим народом! Вы мешаете мне!

На самом деле всё выглядит неслабо для тех, кто способен понять, подумал Дед, пока вытирал платком мокрые очки под прикрытием спин охранников, трагично до слёз, но неслабо. Выглядит как *baround d'honneur* какой-нибудь, блин, как *baround d'honneur* под Дьен Бьен Фу, когда Иностранный легион пошёл в бессмысленную атаку гордости. *Merde*, сегодня, по-видимому, самый трагический день моей жизни.

2

Фотографии человеческого варева, в центре — Дед в уродующей его чёрной кепке, Деда ещё и старит воротник толстого, крупной вязки, свитера. Дед надел его от промозглости, эти фотографии с тех пор бултыхаются в Интернете. Свидетельства его, Деда, боли и его подлинности, и его трагедии.

На самом деле всё это было ужасно, конечно. Ужасно со стороны — десятки тысяч ушли, а несколько сотен остались. Ужасно изнутри Деда, он понимал, что происходит самый трагический день его жизни. Но исторически, для учебников и книжек, для саг, мифов, легенд, сказаний скальдов и акынов, для музеев и архивов — только Дед и его триста спартанцев и были правы в это время и в этот день.

Десятки тысяч были конкретно, исторически не правы, они участвовали в трагедии масштаба какой-нибудь огромной оперы «Борис Годунов», на промозглом ветру декабря своей коллективной ошибкой превращая день, который мог быть днём Победы, в трагедию. «Эх, вы, *blue jeans*!— с горечью урывками думал под чёрной кепкой Дед: — Эх, вы... Ну что же вы купились!.. Ну, на карту бы взглянули столицы. Ну ясно же, ну б..., ну суки, вы же грамотные. Вы же читать умеете. Вас же от нервных центров государства, на которые вы могли воздействовать на площади

Революции, вас же увели далеко за реку, в ловушку. Там же два моста перекрыть одной роты полиции хватит.

Таковыми оказались коварными либералы, такими коварными... Немцов ведь не умён ведь, ну ни одной политической идеи никогда не выдвинул, но как подл, как подл! Его сила в его подлости! Как подл болтун, как подл Рыжков! Как они все подлы...»

Дед внезапно понял их интерес в спасении власти. Взамен они мгновенно получили командование над протестными толпами. Мгновенно они стали единоличными командирами. Гордыми такими водителями толп. «Мы вывели,— будут говорить они впредь.— Мы выводим десятки тысяч, сто тысяч вывели, а сколько вывели вы?»

Триста спартанцев протискивались к Деду, жали ему руку. Мокрый снег переходил в дождь и опять в снег. Потом ничего не падало с неба. Менты стояли все такие хмурые и невесёлые, не предпринимая ни дружественных, ни враждебных действий.

И по кругу, передавая всё ещё издыхающий пластиковый мегафон, кричали Дед, Макс Громов, адвокат Беляк, Андрей из Питера, и спартанцы, кто?— да они знают, никто не забудет, кто там был.

В конце концов, ближе к 16 часам это превратилось в мучение — защита Фермопил, которые не стали местом сражения, а были оставлены армией. Дед всё чаще смотрел на часы, а хмурый Михаил, старший офицер его охраны, всё чаще интересовался: «Как будем выходить?»

Со спущенными знамёнами, непобеждённые, хмурые, они прошли сквозь ментов с непроницаемыми лицами каменных львов. Менты пропустили непобеждённых, но преданных, от слова «предательство», спартанцев с молчаливым уважением, не препятствовали.

Молча прошли спартанцы вверх к Лубянской площади, и поглотила их спешно спускающаяся на город Моисея, как его называл Дед в последние годы, тьма. Тьма со снегом, всё более мокрым снегом.

3

Они долго сидели в запотевшей «Волге» где-то на Покровке или рядом с Покровкой. Сидели, по-звериному ругались самыми непотребными словами. Охранники два раза сходили в кафе, возле которого они и сидели в «Волге», принесли кофе и сосиски в булочках. Стали чавкать и пить, хлюпая, как солдаты. Дед ничего не ел и не пил. Один раз высказал пожелание глотнуть плоский бутылец коньяка, но посылать за бутылкой никого не стал. Так его желание и загнулось.

Они послали разведчиков на Болотную. И часть своих сил туда же. Чтобы в случае чего, в случае стихийного восстания, по правде говоря, немедленно домчать Деда туда, где восстание. Разведчики постоянно связывались по мобильным и докладывали. В основном о своём отвращении к происходящему. Потому что туда явился весь beau-monde, все светские журналисты и даже богатые дамы. И даже трусливые обыкновенно телеведущие. Разведчики докладывали непрерывно. Телефоны у всех пяти обитателей «Волги» непрерывно пищали и пели, а то и хлопали в ладоши или кричали, смотря у кого какой был установлен сигнал.

Националисты там, на Болотной, пытались прорваться к сцене. Их не пускали. Мордобоя не случилось, однако.

Все докладывающие разведчики были в той или иной степени подавлены количеством собравшихся на Болотной. Сообщали, что на самом деле всех невозможно и сосчитать, так много людей.

Перечисляли ораторов. Ораторы были в большинстве своём хорошо устроенные буржуи, известные люди из области информации. Телеведущие, радиоведущие, просто журналисты, несколько осмелевших заурядных литераторов или совсем неизвестные личности, по-видимому, друзья предводителей Болотной — Немцова, Пархоменко, Рыжкова, Гудкова. «Так обычно и дают слово на митингах,—

откомментировал сообщения Дед.— Своим друзьям — в первую очередь, потом остальным... Кто, например, такая Ольга Романова, в первый раз слышу?»

Разведчики сообщали, что люди всё идут и идут...

— Кто-нибудь сомневается в нашей правоте?— спросил вдруг Дед.

Обитатели «Волги» выдержали короткую паузу, а затем дружно сказали, что нет, конечно нет, что либералы — подлецы, что, может быть, не стоило входить с ними в союз в 2006 году.

— Это была наша ошибка,— сказала Ольга.

— Нужно было. Мы были на грани запрета партии. наших активистов арестовывали сплошь и рядом. Даже уже на конференции коалиции «Другая Россия», уже из кулуаров конференции в июле 2006 года увели в наручниках Макарова и Боровскую. Вы же помните?! Нам грозил полный разгром. Нам нужна была хоть какая, но крыша. Поэтому мы и вошли в союз с Каспаровым и Касьяновым. Да что там Каспаров и Касьянов, там все были, от Политковской до Анпилова. Вы помните, как зал аплодировал Анпилову? Зал, набитый в основном буржуями... Какой был подъём, помните? Как всем казалось, что это — начало новой эры.

Все помнили. Всего лишь пять с небольшим лет назад это было.

— А первые марши несогласных!— продолжал Дед.— Ведь они потрясли власть. Марши были настолько многочисленными, что 3 марта 2007-го несогласные фактически захватили Невский в Санкт-Петербурге. От семи до десяти тысяч, по данным полиции, а на деле куда больше!

— Вас тогда схватили на Советской,— сказал Михаил.— Первую атаку мы отбили, сумели уйти, а во вторую, помните, они подъехали на «тиграх», и как полковник кричал по громкой связи: «Бросьте Курносову, берите Деда, вон Дед. Берите Деда!», и десятки полицейских бросились тогда на вас.

— А 14 апреля 2007-го на марше несогласных в Москве, помните, что творилось? ОМОН из 28 регионов прибыл в Москву. Помните побоище на Рождественском бульваре, как свистели дубинки и как перепуганные провинциальные омоновцы месили в кровь старух и детей.

— Тогда ещё мы увидели вашу жену Катю,— напомнил Михаил.— Мы сидели на Трубной, ждали Касьянова с его охранниками. А от Пушкинской по бульварам к Чистым прудам шли тысячи людей. И Катя, высокая, прямая, в длинном пальто...

— А 15-го как нас схватили уже в Питере, в комнате Олега Юшкова. Там нас брал СОБР и 18-й, что ли, отдел УБОПа. Полковник Чернопятков, собровцы в масках с боевым оружием...— включился Илья «Борода» — отец пятерых детей. Дед уж забыл, кто с ним тогда 15 часов ехал из Москвы в Питер каким-то хитрым образом через Псковскую область, потому что на трассе из Москвы стояли полицейские...

— Вот что следует понять,— Дед нащупал главное ощущение дня и хотел делиться им с товарищами.— Со времени возникновения коалиции «Другая Россия» все мы, члены коалиции: нацболы (одна треть), на ОГФ Каспарова приходилась также, допустим, одна треть, на РНДС — партию Касьянова — тоже одна треть. Пусть, хотя на самом деле меньше, а также более мелкие организации — «Смена» (Козловский) плюс «Оборона» (Ляскин) плюс немного правозащитников... Все мы вели непрерывную совместную агитацию городского, в основном московского, но и питерского населения. Агитацию в пользу объединённой оппозиции. Внушая этому населению навыки сопротивления.

Этими навыками, которые внушались в полной мере в 2006–2007 годах, но и позже, обладали на самом деле тогда только нацболы. Либералы не имели навыков сопротивления, а мы начали ведь ещё в 1990-е годы.

Не следует либералам теперь врать, будто марши несогласных не были самыми значительными событиями в жизни российской оппозиции. Были.

И нацболы, и либералы не вели свою агитацию в 2006–2008 годах раздельно. Агитацию действием они вели совместно. Они оказывали общее суммарное влияние на общество.

Совместных выборов в 2008 году не получилось, потому что перессорились Каспаров и Касьянов. Но вслед за сорванными либералами проектом коалиции

«Другая Россия» и маршами несогласных и похороненным либералами проектом «Президентские выборы» я придумал им проект «Национальная Ассамблея».

— Ну, и эти суки его торпедировали,— комментировала Ольга с водительского сиденья.

— Когда и проект «Национальная Ассамблея» оказался полностью сорванным, я придумал проект «Стратегия 31»,— продолжал Дед.— «Стратегия 31» был уже проект особый, потому что в осуществлении его я, отчаявшись, разуверившись в либералах-политиках, решил опереться на правозащитников. Правозащитники, в свою очередь, раскололи мне «Стратегию-31» к чёртовой матери!

«Эх, коньяка хочется,— подумал Дед.— Говорить о таких горьких и нервных вещах,— поневоле коньяка захочешь...»

— Однако что я хочу сейчас высказать? Что массовость протеста, обнаружившаяся сейчас, якобы «вдруг», сразу после выборов 4 декабря, была подготовлена и готовилась совместными действиями объединённой оппозиции с 2006 года, а не вдруг, якобы случившимся выбросом энергии либералов. Мы неустанно учили сопротивлению с 2009 года на Триумфальной.

Наша часть, парни, работа нацболов, наш вклад в подготовке прозрения общества и сегодняшнего массового протеста очень велик. Наш вклад огромен. Он больше других вкладов. То, что либералы, ощеривши зубы как гиены, угнали массы от, как им кажется сейчас, более ненужных им нацболов, является предательским актом войны без объявления войны.

Дед помолчал. Продолжил.

— И мы не можем более, таким образом, считать их союзниками. Они стали отныне нашими врагами. Отныне у нас два врага. Буржуазная власть и оспаривающая эту власть неолиберальная, откровенно прозападная «болотная» группировка Немцова.

Пока Дед говорил, снег замёл «Волгу» так, что залепил все окна и ничего не было видно.

— Мы не разрывали союз с ними. Союз существовал до сегодняшнего дня. Они разорвали его сами. Отныне мы ничем им не обязаны.

— А теперь — на Ленинский,— сказал Дед. Завтра рано вставать.

4

Было темным-темно, когда они ранним утром следующего дня ехали по набережным к гостиничному комплексу «Измайлово». Было так темно, как в глухом чёрном лесу, и дороги были без автомобилей. Как XVI век какой-нибудь. Было восемь утра.

Но радио «Эхо Москвы» уже болтало вовсю, упоённо разглагольствуя об одержанной победе.

Все были вчера на Болотной. Все. И националисты, и левые, «Левый фронт» Удальцова, в частности. И полиция не задержала ни одного человека. Полиция вела себя так образцово-показательно, по-джентльменски, что собравшиеся улыбались им и кричали «Полиция с народом!».

За рулём был Колян. Сзади Деду было видно, с заднего сиденья, как натягивались его уши, он морщился от неприязни. И Дед морщился, слушая враждебное радио.

Говорил Рыклин: «Сидели мы в «Жан-Жак», а не в «Джон Донне» ...»

— Переключи, Колян, пингвина позорного.

Колян протянул длинную руку и нажал несколько раз кнопку радио, раздалось «пип-пип-пип», вдруг выловил голос Немцова: «Он, Дед, открыто призывал занять Думу и ЦИК, то есть гнал людей на кровь и тюрьму. Конченный подонок и провокатор. Я горжусь, что не дал ему утопить протест в крови».

— Вот сука жирная! Что это за волна?

— Вроде «Коммерсант-ФМ».

— Школа Ельцина этот Немцов. Лжёт бессовестно. Я говорил только, что собравшимся на площади Революции следует подойти к зданию ЦИК и к зданию Думы, и встать там, и сказать, что мы не уйдём, пока не отменят результаты выборов. И только.

— Им, ...ард ...инович, нужно объяснить своё предательство. Они объясняют, что спасли Россию от кровопролития, которое задумали вы...— сказал Михаил, он сидел впереди рядом с водителем.

— Непонятно тогда, почему я до сих пор не в тюрьме,— пробормотал Дед.

— Короче, они гонят дезу,— сказал Михаил.

В 8:30 Михаилу сообщили сведения из района комплекса «Измайлово». Говённые сведения.

— Информация такая,— сказал Михаил,— у ближайших станций метро менты вывесили растяжки.

Михаил включил под потолком «Волги» лампочку и прочёл по измятой бумажке: «К сведению граждан, явившихся на собрание инициативной группы избирателей для поддержки выдвижения кандидата на должность президента РФ ...арда ...иновича... Собрание отменяется, поскольку в залах, отведённых для собрания, производится срочный ремонт».

— Подпись там есть?

— Есть. Управление МВД по Измайловскому району.

— Понятно.

Что-то подобное Дед ожидал. Какую-то государственную подлость. Но не именно эту. Их подлости всегда застают его врасплох. Ожидаешь одну, а они против тебя выбрасывают неожиданно другую.

— Ребята сказали, что баннеры все идентичные и выполнены не ручным способом, но отпечатаны машинным на серой ткани,— уточнил Михаил.— Приготовились заранее.

Другой бы лидер на месте Деда впал в отчаянье. Вчера состоялся самый мрачный день в его политической биографии. И вот ещё один удар, через какой-то десяток часов.

— Люди-то подходят?— спросил Дед.

— Да уже пара сотен на месте.

— Посмотрим, что мы можем сделать.

«Волга» пошуршала колёсами дальше.

— «Герои» Болотной спят ещё, упоённые собой,— подумал Дед.— Вчера они допоздна смаковали победу, отмечая её в барах и ресторанах. Кто в «Жан-Жаке», кто в «Джон Донне», самые жирные в какой-нибудь «Ванили» наискосок от Храма Христа Спасителя. Какой-нибудь Немцов именно там... Говорят, там жутко дорого,— Дед в рестораны не ходил, не по карману.

Вход в бизнес-центр «Вега» был ярко освещён и огорожен полицейскими ограждениями. За ними внутри похаживали полицейские и, группами, тепло одетые жирные опера в гражданском.

Дед подошёл, подозвал ближайшего полицейского, представился и потребовал главного. Ему привели приземистого полковника с брюшком. Дед вдруг вообразил полковника в его полковничьей квартире, толстая жена, дети, внуки, тапочки. Грамоты за безупречную службу на стене в рамках. Зажигалка в виде пистолета, что-то такое. На окнах тесные ряды занавесок и штор, чтобы убить совсем свет.

Полковник, глаза пустые, повторил Деду содержание баннеров. За полковником стоял подполковник с неправильными злыми глазами. Подполковник время от времени касался висящей у него под брюхом кобуры пистолета.

Дед:

— Вы нарушаете закон. По закону я имею право. 30 ноября я подал в ЦИК письменное оповещение о проведении собрания по выдвижению именно по этому адресу, поскольку ещё раньше мы подписали с владельцем договор аренды и оплатили аренду.

Полковник с пустыми глазами:

— Вы поймите, уважаемый, мы, полиция, тут ни при чём, случилось чрезвычайное происшествие, авария. Владелец производит ремонт. Нас вызвали для обеспечения порядка.

Дед:

— Вы совершаете политическое преступление... Владелец лжёт. Ещё вчера вечером в арендованных нами этих же залах «Суриков» и «Васнецов» проводил собрание кандидат ...ионов...

Полковник:

— Послушайте, уважаемый...

Дед думает. Прорваться внутрь им не дадут. В утренней темноте прильнули к корпусу «Вега» здесь и там шесть автобусов ОМОНа. Если даже часть его людей прорвётся, то им не дадут провести там собрание. Выкурят газом или ещё как. Между тем, предвидя подобную ситуацию, нацболы заранее арендовали автобус, старый «икарус», он стоит в десятках метров от корпуса «Вега» на паркинге.

5

Постепенно подходят люди. И светает. Подковой такой расположилась инициативная группа по его, Деда, выдвижению. Подковой у входа в корпус «Вега». Полиция настороженно поправляет свои автоматы. Взяли для устрашения. Маловероятно, что им отдали приказ применить их. Разве только в том случае, если сторонники Деда набросятся непосредственно на полицию.

Между собравшейся толпой и автобусом на паркинге постоянно курсируют «штабные», как их называет Дед, те, кто занимается в партии бумагами. Налаживают всё для регистрации.

Полицейское начальство и несколько хмурых людей в штатском наблюдают за происходящим, не вмешиваясь.

Дед между тем расхаживает среди толпы, здоровается с активистами, которых знает, знакомится с незнакомыми.

— Холодно, ...ард ...инович. Возьмите, у вас даже шарфа нет, горло укутайте!— девочка, о которой Дед только и знает, что её зовут Маша, отдаёт ему свой палестинский, белый с красным, платок.

— А вы-то как будете?

— У меня ещё шарф есть.

Маша достаёт из сумки красный шарф. А Дед укутывает шею и грудь в палестинский платок. Нужно сказать, с наслаждением. Потому что температура в сравнении со вчерашним днём значительно понизилась (так что если увидите фото Деда в бело-красном палестинском платке, то знайте: это фото сделано в день 11 декабря 2010 года).

Вроде всё в автобусе готово к регистрации, но по-прежнему стоят люди у входа в корпус «Вега».

— Чего ждём?— Дед поймал Сашу Аверина.

— Ждём нотариуса.

Нотариуса дождались. Но со вкусом одетая и хорошо говорящая женщина отказалась заверить регистрацию паспортов, проведённую в автобусе на паркинге. Она, как она объяснила, имеет право заверить паспорта, зарегистрированные в здании по адресу корпуса «Вега», а именно г. Москва, Измайловское шоссе, д. 71, корпус 3В. Так как именно этот адрес был обозначен в уведомлении, поданном Дедом и Сашей Авериным 30 ноября в Центральную избирательную комиссию.

— Ну как же так?— Дед как можно человечнее смотрит прямо в глаза женщине-нотариусу. Глаза умело подведены синим, только самую малость, не вульгарно. Кожа нотариуса чуть-чуть орошена мягким кремом. Нотариусы в Российской Федерации своего рода элита. Их немного и стать нотариусом нелегко. Нужно сдать тысячи экзаменов и пройти тыщи проверок. Нотариусы не бедные люди.

— Если я, ...ард ...инович..., заверю ваши бумаги, паспорта, которые вы зарегистрируете в автобусе, то ЦИК всё равно признает ваши бумаги недействительными, а я лишусь лицензии.

— И что, никак, ну прямо никак нельзя иначе?

— Нельзя, ... ард ...инович...

Нотариус повернулась и не торопясь ушла через толпу пришедших помочь Деду стать кандидатом в президенты Российской Федерации. «Кепка, палестинский платок, потасканный, служащий тебе уже восьмой год флотский бушлатик, ну какой ты, в самом деле, кандидат в президенты»,— сказал себе Дед. Разве такие кандидаты бывают? У тебя даже живота нет.

— Чёрт! Я на неё очень надеялся. Мне её думские коммунисты посоветовали.

Саша Аверин, длинные до плеч волосы, как у Антонова-Овсеенко, сумка на дряхлом ремешке.

— Мы с вами, Саша, всё равно не похожи на кандидата в президенты и его штаб. Что будем делать?

— Регистрировать паспорта будем в автобусе, как договаривались в случае ЧП. Бумаги у нас все готовы. Три девочки с notebook(ами) уже заняли места в автобусе.

Саша Аверин, Сергей Аксёнов, Алексей Волынец все эти дни подготавливали документы к сегодняшнему собранию. Они даже по приказу Деда и общему согласию не присутствовали на площади Революции. Поскольку был риск, что их могут задержать и тогда собрание инициативной группы по выдвижению Деда сорвётся.

Стоявшим подковой, охватывая корпус «Вега», объявили, что они группами сейчас должны спуститься на территорию паркинга. И там входить в автобус в порядке живой очереди, предъявлять регистрирующим девочкам развёрнутые паспорта.

Дед тоже прошёл через церемонию регистрации, стараясь не лезть без очереди. Хотя он и претендовал на самый важный пост в государстве, Дед не хотел выглядеть нахалом даже в глазах своих людей. Да, собственно, он и не умел быть нахрапистым нахалом. По жизни он был смелым человеком, но смелость и нахальство — разные качества.

Дед давно заметил, что партийцы такой странный и неунывающий народ, как цыгане, что ли. Холодно, зуб на зуб не попадает, затея с регистрацией без нотариуса скорее всего закончится тем, что документы у них не примут. Но партийцы разговаривают весело, перекликаются как птички божии, девочки строят глазки мальчикам, мальчики шутят, стараясь шутить грубо. Неунывающий народ, который если и вздыхает о чём-то в трудные дни, то это об отсутствии в руках у них оружия.

«В нашей стране,— думает Дед,— в такой нашей стране я бы хотел сейчас иметь в руках пулемёт, тот, из которого я стрелял в Сараево, калибра 20 миллиметров. Ну, я бы, конечно, им не воспользовался,— засмеялся Дед сам себе.— Но я бы хотел, чтобы противники видели, что он у меня есть...»

Когда сотни четыре инициативных граждан, выдвигающих его на самый важный пост в государстве, зарегистрировали свои паспорта в «икарусе», штабные сказали Деду, чтобы он ехал бы «домой».

— Мы дальше справимся без вас, езжайте. Полиция вон, стоят наверху, наблюдают. Понятно, что никакого больше приказа, кроме того, что нельзя допускать нас в здание, у них нет. Если б был, они бы уже вмешались,— стал уговаривать Деда Аверин.

— А что люди подумают? Уехал, а их оставил.

— Они у нас умные. Да и сами они, видите, расходятся. Останутся те, кто должен подписать протокол собрания.

Дед уехал. Через несколько километров охранники купили ему бутылку коньяка, о котором он мечтал ещё со вчера. 250 грамм, коньяк «Московский», вполне сносный. Дед его и выпил. Охранникам, по их внутреннему кодексу дисциплины, алкоголь при исполнении не полагался. Ну, они и пили колючую воду «Буратино».

— Там, вы видели, ...ард ...инович, были представители ЦИК, женщина и двое мужчин, в машине сидели, обогревались, отъезжали на час обедать, затем вернулись.

Дед подумал, что же они, представители члены, не вмешались, не приказали полиции уйти, не приказали владельцу предоставить другое помещение. У них же широчайшие полномочия..?

Устройство гранаты

1

14 декабря Дед, в сопровождении своего уполномоченного Саши Аверина, приехал в Центральную избирательную комиссию на Большой Черкасский, 7, они привезли туда требуемый пакет документов.

Пройдя все возможные контроли (омоновцы на улице, полиция на входе, Федеральная служба охраны внутри здания), они добрались до места назначения. Местом назначения был огромный, ярко освещённый с потолка светильниками, зал. В зале не было ни одного окна, он был хорошо проветрен, тёпл и сух. Дед подумал, вот живут же люди государева, как у бога за пазухой. В зале уже находились члены Избирательной комиссии и работники Избиркома, в количестве человек эдак двадцати, во главе с заместителем председателя ЦИК Дубровиной — эмалированной блондинкой в розовом жакете, все они сидели по краю необъятного овального стола, на поверхности которого, Дед прикинул, можно было бы уложить спать полусотню партийцев. Почему Дед приглядел для этой цели стол? Партийцы вечно спали в самых неожиданных местах, жизнь у них была неуютная. Помимо членов комиссии, которых Деду представила Дубровина, но как запомнишь целую ораву чиновников, в зале находилась съёмочная группа какого-то канала телевидения.

— Меня снимать не надо,— сказал Дед и прикрыл лицо локтем.— Вообще, кто они такие?

— Это 1-й канал, ...ард ...инович,— сообщила Дубровина.

— Мне всё равно, хоть десятый. Снимать не нужно.

— Понимаем, понимаем,— согласился главный прыщ съёмочной группы.

Работники Центральной избирательной стали рассматривать привезённые Дедом документы, считать их, копировать и записывать. Саша Аверин — главный партийный бюрократ, и в данном случае уполномоченный Деда, отвечал на вопросы, которых у работников аппарата комиссии возникло множество. Однако, странным образом, ни один чиновник не поинтересовался, почему паспортные данные участников инициативной группы по выдвижению, а также протоколы собрания инициативной группы не заверены нотариусом. Никто.

В самом конце, со злорадной улыбкой, вдруг спросили:

— А где у вас копия паспорта уполномоченного представителя по финансовым вопросам?

Возможно, это был фирменный подлый вопрос, чтобы завалить кандидата и не принять документы?

Аверин оказался на высоте, он сообщил, что копии, действительно, нет, зато сам представитель, женщина по имени Нина (старый партиец, проходила с Дедом по одному делу, отсидела несколько лет) находится здесь, внизу у входа в Центризбирком. Аверин говорил с комиссией с лёгкой улыбкой превосходства.

Члены комиссии не поленились вызвать Нину, скопировать её паспорт, и были удовлетворены.

Затем они досчитали именно не заверенные нотариусом документы собрания инициативной группы. Количество страниц и общее количество присутствовавших.

Затем долго печатали бумагу о том, что у Деда приняты документы. Ещё минут двадцать искали сложную, с большим количеством слов и букв, красную печать. Дед взял бумагу, сложил её бесцеремонно вчетверо.

Все члены избирательной комиссии с плохо скрываемым неодобрением смотрели на публичное издевательство Деда над бумагой. По их понятиям, такую ценную бумагу следовало вложить в файл, а затем в портфель.

За дверью зала заседаний команда 1-го канала вновь наехала на изрядно подболевшего Деда, и он дал интервью этим людям. Сказал, что, победив на выборах, национализирует прежде всего добычу и продажу нефти и газа, распустит Верховный и Конституционный суды, из Кремля немедленно выселит всех чиновников, построит новую столицу страны в Южной Сибири. Наглецы с 1-го канала, пока Дед это говорил, притихли.

Пришёл офицер Федеральной службы охраны и неожиданно быстро, коротким путём, открыв пару дверей, вдруг выпустил их в какой-то двор. Во дворе лежал снег, а через арку они вышли на Большой Черкасский.

Автомобиль с охранниками ждал их уже на Ильинке.

— Не приняли?— спросили охранники.

— В том-то и дело, что приняли,— сказал Дед.

Потом, повернувшись в тесноте автомобиля к Аверину, спросил его:

— Что это было, Саша? Недоглядели?

— А чёрт его знает,— сказал Аверин.— Увидим. Не станем торопить судьбу.

2

18 декабря в 11 часов утра Центральная избирательная комиссия отказалась зарегистрировать инициативную группу граждан, выдвинувших Деда кандидатом в президенты Российской Федерации. Основанием для отказа послужил тот факт, что собрание было проведено не в здании бизнес-центра в корпусе «Вега» в гостинице «Измайлово», но в автобусе, стоящем рядом с этим корпусом «Вега», и потому не было заверено нотариусом.

Дед не пошёл на заседание Комиссии. Туда отправился Аверин. Он и сообщил Деду по телефону о решении комиссии. Дед выпустил в тот же день официальное заявление.

В заявлении Дед сообщил, что собрание инициативной группы по его выдвижению кандидатом в президенты было намеренно сорвано вооружёнными полицейскими, которые не допустили в здание корпуса «Вега», в залы «Васнецов» и «Суриков», явившихся на собрание граждан. В результате Дед и его сторонники вынуждены были провести собрание рядом с корпусом «Вега». Регистрацию и собрание провели в автобусе. Нотариус отказалась заверить документы, удостоверяющие проведение собрания.

Дед особо выделил роль представителей Центральной избирательной комиссии в этой истории. «При всем происходящем присутствовали представители ЦИК, трое, во главе с членом Центральной избирательной комиссии Дубровиной,— написал Дед.— Они не сделали ни единой попытки восстановить законность и снять полицейскую осаду».

Вместе с Дедом 18 декабря и в последующие дни не были зарегистрированы инициативные группы ещё нескольких кандидатов в президенты. В частности — известного в стране генерала, бывшего начальника Генерального штаба Леонида Ивашова, некогда мэра города Владивостока и депутата Государственной Думы Виктора Черепкова и ещё троих кандидатов — достаточно уважаемых и авторитетных в стране людей, за каждого из них проголосовали бы миллионы избирателей. Всего на этом этапе власть не допустила до выборов шестерых.

Зато внезапно, чуть ли не в последний день и час (злые языки утверждали, что на самом деле он привёз свои документы уже после истечения срока), была зарегистрирована ЦИКом инициативная группа по выдвижению кандидатом в президенты миллиардера Прохорова.

«Что хотят, то и творят,— сказал Дед своим.— Прохорова уговорили пойти на выборы, чтобы хоть как-то сделать их интереснее. И чтобы «болотным» было за кого голосовать».

Только старый зубр оппозиции Григорий Явлинский осудил наглое, бандитско-полицейское отстранение Деда от выборов. Он сказал, что это несправедливо. Старый, good old boy Явлинский, сохранивший приличные манеры после стольких лет в политическом дерьме России, ещё не знал, что его отстранят от выборов на следующем этапе — признают недействительными нужное для отстранения количество его подписей, собранных за выдвижение его кандидатуры.

Только Явлинский осудил. Либеральные буржуазные СМИ промолчали. По правде говоря, они были заняты своей эйфорией, они праздновали свои многочисленные митинги. Следующий был назначен на 24 декабря и должен был опять пройти на Болотной площади. Они рассчитывали победить со дня на день. И поэтому зачем им было хвататься за возможность признать президентские выборы нелегитимными на том основании, что уже шесть кандидатов были к ним не допущены? Под фальшивыми предложениями или же безо всякого предложения — прямым насилием, как не допущен был Дед?

К тому же они ненавидели Деда чёрной ненавистью. «Понимают, гниды, мою политическую одарённость», — бубнил себе под нос Дед. Причина их ненависти была только в этом, в его превосходстве над ними. В его стыдном для них превосходстве. «Ну что я могу сделать, уважаемые подлецы, — бубнил Дед, — стать меньше, чем я есть, я не умею». Дед старался, чтобы охранники его не слышали, подумают, что он нескромный, мания величия... хм...

Оппозиция могла бы использовать нерегистрацию, но либералы ликовали, дурни, ликовали всего лишь многочисленности своих митингов.

3

23 декабря Дед совместно с адвокатом Архиповым, похожим на мопса (плюс его грудастая жена-секретарша), приехал на Поварскую улицу и долго подписывал, сидя в «Волге», бумаги. Два заявления. Каждую страницу. Экземпляров было не по одному.

В первом заявлении Дед обжаловал решение ЦИК об отказе в регистрации инициативной группы. Дед не стал его читать, а зря, потому что это было крайне неудачное творение адвоката Архипова, в нём он оспаривал нотариуса, тогда как следовало с возмущением оспаривать вмешательство вооружённой полиции. Ну, всех не проверишь, все бумаги не прочтёшь, а нужно читать. Результат решения ВС, впрочем, всё равно был бы «жалобу отклонить». Такая страна, говорят в народе. У нас такая страна, вы понимаете, какая у нас страна...

Второе заявление «О принятии обеспечительных мер» на двух листах. Вот краткие выдержки из него.

«Отмечаю, что недопуск к выборам хотя бы одного из кандидатов в президенты является грубым нарушением основных принципов демократического общества, такие выборы являются нелегитимными, а избранный таким способом президент является узурпатором власти, данное лицо и должностные лица, оказывающие ему содействие, признаются государственными преступниками и привлекаются к одним из самых строгих уголовных наказаний.

Так, согласно решению Европейского Суда по делу Республиканской партии против России, выборы не могут являться демократическими, если хотя бы один из кандидатов не был допущен к участию в выборах.

Я прошу суд:

— На время до вступления решения суда по моему делу в законную силу приостановить избирательную кампанию по выборам президента РФ, назначенным на 04 марта 2012 года.

— Обязать Совет Федерации Федерального Собрания РФ отложить дату выборов президента РФ, назначенных на 04 марта 2012 года».

Уже на следующий день, 24 декабря рано утром, адвоката Архипова, похожего на мопса в фуражке Жириновского (впоследствии он оказался совсем легкомысленным типом, но кто же мог знать), уведомили по телефону (!), что

Верховный суд уже отклонил (!) второе заявление о принятии обеспечительных мер. Принято решение было в отсутствие Деда (заявителя) и адвоката, что, конечно же, является грубейшим нарушением. А рассмотрение заявления об обжаловании постановления Центральной избирательной комиссии об отказе в регистрации инициативной группы по выдвижению Деда, сообщили Архипову, состоится в Верховном суде на Поварской 27 декабря в 10 часов утра.

24 декабря упоённые собой либералы провели митинг на проспекте Сахарова.

Оперативные работники милиции за каким-то членом явились уже в 13 часов во двор к Деду и стали чудить. Бормотать в домофон всяческий нонсенс, спрашивать то «Михаила», то «Сергея». А когда Дед перестал обращать на писк домофона внимание, опера не нашли ничего лучшего, как задержать направлявшихся к Деду двоих его охранников. Опера сообщили парням, что на них имеется ориентировка, проверили документы и пробили по базе данных. Всё же отпустили.

Посоветовавшись с прибывшими охранниками, Дед пришёл к выводу, что опера явились к нему во двор, чтобы не допустить его появления на митинге либералов на проспекте Сахарова, куда Дед и не намеревался идти, зачем ему присутствовать на митинге, где намеренно спускают пар.

Но власти, по-видимому, мерещится, что Дед собирается возглавить прорыв рассерженных людей с проспекта Сахарова на Кремль. Поэтому опера пришли во двор охранять от Деда митинг на проспекте Сахарова. Идиоты!

Ана Сахарова опять пришла тьма людей. На сцену взобрались в этот раз такие совсем не подходящие для протестной акции ораторы, как только что уволенный министр экономики и вице-премьер Алексей Кудрин, телеведущий Парфёнов, телеведущая Ксения Собчак, писатель Дмитрий Быков. В костюме презерватива (!) пришёл и выступил со сцены придурок Артемий Троицкий, музыкальный критик.

В толпе у сцены тусовались Тина Канделаки, жена миллиардера Дерипаски Полина, обе в норковых манти, что побудило журналистов обозвать происходящее «революцией норковых манти». Рядом с ними на две головы возвышался над толпой миллиардер Прохоров.

Огромные плазменные экраны, фейерверк огней, музыка до митинга и после митинга — всё это создавало атмосферу гигантского праздника, студенческого дуракаваляния, такого всемоховского капутника. Выступили все враги Деда: Немцов, Пархоменко, старший и младший Гудковы, мерзкий приспособленец депутат Илюша Пономарёв. А также освободившиеся «герои Чистых Прудов» — сутулый юный старичок Яшин и становящийся всё более популярным среди московской буржуазии, истерически ищущей себе героя, — Алексей Навальный.

Удальцова, из боязни, как бы он их всех не выдал, продолжали держать за решёткой. Толпа замерла от сладкого ужаса предчувствия прыжка в пустоту без парашюта, когда Навальный воскликнул, бравирюя: «Ну что, вы ждёте, что я поведу вас на Кремль? Да?!»

«Да!» — закричала в сладком ужасе толпа.

Навальный глубоко вдохнул декабрьский воздух, подержал его в лёгких, выпустил. Закричал: «Мы сделаем это, но не сегодня!»

И тем оттолкнул от себя самые яростные и самые простые элементы в толпе. Впредь эти самые яростные, самые простые, не либералы, не придут. А вот либералам, их девочкам и мальчикам он ещё пару лет будет морочить голову.

Дед следил за происходящим уже спокойно и без гнева. Ну что, они второй раз приняли резолюцию, опять грозили словесно Путину, если он не отменит результаты выборов, не отпустит политзаключённых (в том списке тогда большинство политзаключённых составляли товарищи Деда по партии, у либералов на конец декабря 2011 года своих политзэков не было...), не уволит председателя ЦИК Чурова, то...

А никаких санкций они ВВП не обещали. Предполагали, как дети хороших семейств, что надуются на него, обидятся, повернутся спиной?

Дед, разговаривая со своими, злобно хохотал над либералами и распространял своё нынешнее кредо:

— Теперь можно и нужно их «мочить»,— хрипел Дед,— принята концепция «двух врагов», потому обижайте либералов, дискредитируйте их, нападайте на них, разоблачайте их.

— Отборная сволочь,— кричал Дед.— Знаете, откуда они ведут свою родословную, либералы? От самого отвратительного героя русской литературы, от Женечки Онегина, поэра и хипстера своего времени. Помните строки: «Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар»? Помните?

Дело происходило в «Волге», он ехали из Верховного суда, где Кассационная комиссия Верховного суда отклонила сразу две конституционные жалобы Деда. Дед был зол и остроумен.

— Что такое «боливар», вам, надеюсь, известно?

— Обижаете, босс,— заметил Михаил.

— «Боливар» — это шляпа с широкими полями. Её носил не только освободитель стран Латинской Америки от испанского владычества Симон Боливар, но это он сделал шляпу модной в Европе, а оттуда шляпу завезли в небольших количествах в Санкт-Петербург, Россия, в столицу льда и снега. Так вот, этот Юджин Онегин едет на бульвар в этой неудобной дурной шляпе. Золотая молодёжь того времени ездила в экипажах и сидела в кафе, как сегодняшние либералы. Какой, по сути, мерзкий бездельник этот Онегин!

Охранники знали о нелюбви Деда к Пушкину, которого Дед называл кривоногим, с кожей сигарного цвета. Оказалось, Дед ещё и героев его не любит...

— Босс, вы как к Лермонтову относитесь?— спросил Михаил.— Я тут недавно в старой нашей газете откопал, что Лермонтов командовал сотней волонтёров на Кавказе, из казаков и сосланных офицеров, и рейды по тылам врага совершал.

— Малоизвестный, но реальный факт. Когда командир этой сотни головорезов Дорохов, тот самый, что выведен потом у Толстого в «Войне и мире» на первых страницах под фамилией Долохов, был отозван в Петербург на некоторое время, командовал отрядом поручик Лермонтов. Отличился ледяной жестокостью, аулы вырезал, утверждают историки. «Демон» же не зря такой сверхчеловеческий... Вообще, Лермонтов первый поэт прото-фашист, империалист в русской поэзии. Прочтите разговор Казбека с Шат-горою. Озвереть можно. «Бородино» недаром в школах учат. Военный поэт. Пушкин — легкомысленный помещик, Лермонтов — солдат...— И Дед забубнил про Пушкина, что это помещик Пушкин написал: «Не дай нам Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Боялся, что Наташу его крестьяне изнасилуют...

31 декабря 2011 года на Триумфальной был задержан, согласно сведениям ГУВД Москвы, 61 человек. «Мы свой долг выполняем, поддерживаем, вот уже скоро будет три года, вечный огонь протеста»,— написал Дед у себя в ЖЖ.

На ехидные вопросы журналистов: «Не собираетесь ли, ...ард ...инович, прекратить акции на Триумфальной, разве «Стратегия-31» не изжила себя после Болотной?», Дед злобно огрызнулся.

— Ну ведь на Триумфальную выходит всё меньше людей, в то время как либералы выводят на Болотную — Сахарова десятки тысяч?

— Митинги на Триумфальной отличаются от сборищ на Болотной — Сахарова тем, что на Триумфальной мы проводим несанкционированные акции, а Болотная — Сахарова разрешены властью. Я буду выходить на Триумфальную даже в единственном числе,— рычал Дед.— Надо показывать обществу пример храбрости.

18 января СМИ сообщили о создании «Лиги избирателей». Обрадовавшись и ополоумев от той лёгкости, с какой вдруг «кто был ничем, может стать всем», в обстановке эйфории от кажущейся победы над властью так называемое «гражданское общество» опрокинуло оппозиционных политиков, героев предательства протеста. «Лигу» образовали «артисты». Зубастые божьи коровки г-жа Улицкая (писатель), «доктор Лиза» (шеф волонтёрского бизнеса Елизавета Глинка), Ольга Романова (внезапно всплывшая чёрт знает кто, с пухлыми частями тела пивной королевы, жена мошенника-бизнесмена, создавшая организацию «Русь сидящая»), г-да Парфёнов, Орешкин, блогер г-н Адагамов, писатели-ремесленники

Акунин и Быков создали «Лигу избирателей». С целью устраивать митинги и контролировать выборы. Но «политической деятельностью», заявили, заниматься не будут.

Дед записал в своём Живом Журнале в этот день: «Устройство митингов и есть политическая деятельность, господа артисты! Они кривят душой, хотят до поры до времени казаться божьими коровками, достойными доверия доверчивых масс, поскольку это выгодно. Но мы увидим, на каком этапе у ангелов покажутся клыки».

Политические вожди либеральной оппозиции, те, кто первыми присвоили себе протест, протрезвев от эйфории, бросились защищать свою (они уже так решили) собственность, создали «Гражданское движение».

«Лига избирателей» и «Гражданское движение» вступили в борьбу за то, кто будет подавать уведомление в мэрию о проведении следующего либерального мероприятия — шествия 4 февраля. В конце концов право подать уведомление отвоевала себе третья группа: ветеранов-предателей из 14 человек во главе с Немцовым и Рыжковым.

В феврале они придумали надеть белые ленты на одежду. «Цвет капитуляции», — написал Дед в ЖЖ. Он помещал теперь ежедневно в Живом Журнале гневные вольтеровские обличительные тексты в адрес либералов, стал называть их буржуазией. Они — Дед был уверен, что новое их самоназвание образовалось в процессе борьбы с ним, они примерно в это же время стали горделиво называть себя «креативный класс». Дед не одобрил их самоназвания, неудачное, оно звучало высокомерно и отделяло их от простых смертных. Креативный класс — эвфемизм, придуман ими, чтобы затушевать их истинную суть. Тот факт, что они буржуазия, буржуазия особого российского розлива, — обслуга российского либерального капитализма. Дед плевался, шипел, ядовито высмеивал. Его злобно комментировали, называли выжившим из ума стариком, больным манией величия. Он шёл, упрямый как верблюд, пиная на своём пути врагов.

Дед доказывал, что белоленточники, они же креативный класс, на самом деле не покушаются на буржуазный политический строй, да и не могут при всем желании. Их бунт — бунт молодого поколения буржуазии против зубров-отцов, которые пришли к власти в результате буржуазного государственного переворота августа 1991 года. Какая может быть буржуазная революция в буржуазном уже государстве? Таковой случиться не может. Дед отметил ещё их близость к бунту студентов в Париже в 1968 году, там тоже дети буржуазии восстали против отцов. Недаром белоленточникам так нравится парижская «революция 1968»! Она им классово близка.

В дополнение к площадке своего Живого Журнала Дед согласился писать раз в две недели статьи для нового интернет-портала «Свободная пресса». Шефы «Свободной прессы» Захар Прилепин и Серёжа Шаргунов оказались вдруг для Деда работодателями. Дед смеялся этому обстоятельству и хвастливо не раз говорил журналистам, что вот теперь работу ему дают его молодые партийные товарищи. В случае Прилепина это было правдой, Шаргунов же несколько лет находился в орбите партии, Дед помнит его ещё в подростковом узком пальтишке, стоящим в проходе в зале бункера на 2-й Фрунзенской, внимательно слушающим лекции Деда, но этот Шаргунов членом партии не был. Членом партии был другой Шаргунов, его двоюродный брат из Екатеринбурга, Олег. Они даже не были похожи.

Так вот, в «Свободной прессе» Дед сделал штук пятнадцать портретов либеральных вождей. Рубрика называлась «Лимонка в ...». Портреты Немцова и Рыжкова, конечно же, и Навального, и всех, кого Дед находил особенно гнусными. Общим числом пятнадцать, что ли, негодаев. Портреты назывались издевательски: «Ваш Леша», «Ваш Илюша», «Ваш Боря».

4 февраля белоленточники и власть мерились митингами. Болотная с Поклонной. Дед оценил идею власти проводить контрмитинги, чтобы сбить спесь с либералов, заносчиво утверждающих, что они «выводят» на улицы народ.

«Давно должны были бы заняться этим,— пробормотал Дед.— Занялись только сейчас, следовательно, только сейчас власть окончательно пришла в себя. Двадцать один день в декабре, тридцать один день в январе и четыре — в феврале, итого 56 дней понадобилось власти, чтобы прийти в себя. Многовато. Там у них сидят неповоротливые люди».

Однако им повезло сразу после выборов с предательством пришедших в мэрию этих падлюк — Немцов, Рыжков, Пархоменко. Идея предательства, уверен был Дед, принадлежала всклокоченному, похожему на безумного изобретателя, Лёше Венедиктову. Дед практично не стал его трогать в своих портретах для «Свободной прессы». «Ваш Лёша» — это был портрет Навального, тоже Алексея. Не стал трогать потому, что в самом начале у Деда не было достаточно доказательств, да и впоследствии их появилось не так много, выяснилось лишь, что Венедиктов якобы только свёл чиновников мэрии и вождей либералов, да ещё приехал по зову заместителя мэра Горбенко обмыть предательство с бутылкой «вискаря». С таким небольшим количеством улики заявлять, что вот всклокоченный гений — организатор исторического предательства, Деду показалось неразумным. К тому же не часто, но Деда приглашали на либеральное радио «Эхо Москвы», и Дед мог достичь таким образом либеральной аудитории, внушить им свои идеи, переубеждать их. Что он и делал старательно в передаче «Особое мнение», когда его приглашали. Но цепкий и бесстрашный ум Деда безоговорочно верил, что главный преступник этой аферы — Лёша, Алексей Алексеевич, школьный учитель по профессии, лидер самой могущественной группировки либералов в РФ.

Цифры обе стороны 4 февраля стали гнать дикие. Нисколько не заботясь о правдоподобию, в течение всего дня повышали количество якобы пришедших к ним граждан. В результате, начав с 7-8 тысяч у метро «Октябрьская» (сбор был на Калужской), либералы подняли количество до 100 тысяч. Поклонные начали сразу заявлять от 20 тысяч, а к концу говорили о 150 тысячах. Взахлёб они нагнетали свои тысячи.

Дед понимал, что обе стороны врут. Такой динамики в реальности не бывает, да ещё в холодный день февраля. Люди приходят массами в течение первого получаса, а затем количество людей начинает таять. Вначале немного таять, через пару часов люди уходят лавинообразно в морозный день, а день был морозный. Дед участвовал в сотнях митингов, он знает.

Обе толпы постояли, приняли резолюции и разошлись. Болотная резолюция в третий раз требовала от власти признания парламентских выборов нелегитимными и освобождения политзаключённых.

Дед хмуро написал в своём ЖЖ к вечеру:

«Надеяться на то, что после субботних шариков в московском небе (выпустили белые шарики), выступлений плейбоев Троицкого и Парфёнова, после щебечущей на сцене парочки Собчак — Навальный, в модных ушанках оба, надеяться, что власть, трясясь от страха, побежит отпирать камеры узников, не приходится.

Чтобы добиться от власти её ухода или даже только уступок, нужно выходить с другими лицами и с другим настроением. Со сжатыми челюстями и нахмуренными бровями. Без надушенного Парфёнова, без Троицкого, обычно разгуливавшего в розовых штанах, без сиропно счастливой (ну божий одуванчик, таких называют) старушки Улицкой...»

Дед отметил, что большая часть националистов не пришла в этот раз на либеральное сборище. Как донесли Деду разведчики, побывавшие на шествии от метро «Октябрьская» до Болотной и на митинге на Болотной, в толпе было значительно меньше простых лиц и просто одетых людей. Либералы всё больше обособлялись, всё заносчивее задирали свои носы и теперь уже безо всякой иронии именовали себя «креативным классом».

«Они имеют в виду, что все другие — некреативные,— объяснял своим Дед.— На самом деле среди них большое количество известных персон, это правда.

Множество журналистов, блогеров, радиожурналистов, несколько писателей, но заметьте: выдающихся творцов на самом деле нет.

Журналисты — вообще второстепенная профессия. Их писатели — хорошие ремесленники, да и только: Быков, Акунин. Даже их «красотка» Ксения Собчак на самом деле не красотка по ее природным параметрам, но дочь известного человека — и только. Они второстепенны и второразрядны, вот что».

4 февраля на обоих противоборствующих митингах: на Болотной и на Поклонной, активисты-партийцы Деда распространили листовку. Дед не участвовал в её сочинении, партийцы сами не маленькие, написали:

«ЕЩЕ 12 ЛЕТ? СПАСИБО, НЕТ!»

Мы видим, что требования митинговавших 10 и 24 декабря об отмене итогов выборов и освобождении политзаключённых были проигнорированы властью. Пока заседают бесконечные оргкомитеты и проводятся «переговоры» с властью, продолжают сидеть политзаключённые...

Впереди президентские выборы. Уже понятно, что они пройдут так же незаконно, как и выборы в Думу: ведь ряду кандидатов в президенты было отказано в регистрации под надуманными предлогами.

Мы призываем Вас выйти 5 марта в 19:00 на Лубянскую площадь к зданию ЦИК на Большом Черкасском переулке в Москве на следующий день после голосования, чтобы сказать своё «НЕТ» Путину.

Почему Лубянская площадь?

Лубянская площадь расположена в центре Москвы. Оттуда рукой подать до символов государственной власти России, среди которых Центризбирком, находящийся в шаговой доступности. Ведь мы собираемся на митинг, чтобы призвать власть к ответу.

Это наш последний шанс изменить ситуацию в стране. Отступать нам некуда!»

6

Каждый вторник товарищи Деда стали проводить подготовительные пикеты у здания ЦИК на Большом Черкасском. Их хватали, судили, отправляли на сутки и давали штрафы. Они без устали выходили, пытаясь разогреть общество.

Между тем либералы стали поговаривать, что следует выйти на Лубянскую площадь 5 марта в 19 часов. Высказались Рыклин, Билунов, Давидис и даже Гарри Каспаров. То обстоятельство, что партия Деда заявила митинг на том же месте, либералы не упоминали.

20 февраля несколько видных либеральных лидеров, среди них Немцов, Рыжков и присоединившийся к ним Удальцов, сходили к президенту Медведеву. Там они выяснили, что президент Медведев считает выборы в Госдуму самыми честными, потому никаких перевыборов не будет. Они вручили Медведеву список политзаключённых (в четвёртый раз таскают список, в котором добрая половина политэков — сопартийцы Деда, жульё!). Медведев сказал, что посмотрит список.

В этот же день активист Авдюшенков подал уведомление о проведении митинга у здания ЦИК на Лубянке 5 марта в 19 часов. Дед подписал уведомление среди прочих.

По сведениям Деда, туда же подали уведомление и либералы.

25 февраля Деду позвонили из Департамента безопасности мэрии. Некая Елена Игоревна:

— Я по поводу вашего уведомления. Все площадки заняты. Мы предлагаем вам набережную Тараса Шевченко.

— Ага,— сказал Дед.— Перед зданием ЦИК в этот вечер будут выступать клоуны и рыжие акробаты на ходулях, да?

Елена Игоревна издала звук, смахивающий на смех, но тотчас остановилась.

— Когда можно будет забрать письменный отказ?

— Начальства пока нет, вот начальство подпишет.

— Пьянствуют что ли ещё, праздник продолжается у вашего начальства?..

К вечеру Дед услышал в передаче «Суть событий» — гнусный Пархоменко сообщил, что отказали и им. То, что либералы вынуждены были под давлением протестных масс подать уведомление на митинг на Лубянской площади, Деду было понятно. Ведь своими капустниками на Болотной они не добились ровным счётом ничего. Не заставили власть ни отменить итогов выборов, ни освободить политзаключённых, ну ничего, никаких результатов, так что массы, которых либеральные вожди себе присвоили, волнуются. Понятен и отказ власти в проведении митинга на Лубянке. Собрание граждан в непосредственной близости от ЦИК они допустить не могут. Не для того они сговаривались с либерал-предателями перед 10 декабря и успешно удалили массы с площади Революции, от которой до Лубянки и ЦИК две сотни метров, чтобы через три месяца разрешить приход масс туда же...

Вожди либералов занервничали. Пошёл третий месяц с начала их «революции» норковых манто, рассерженных горожан, нового среднего класса, креативного класса, как ни назови, пора настала *to deliver goods*, как говорят насквозь практичные американцы, — то есть «доставить результаты».

26 февраля либералы провели акцию «Белый круг», вышли с белыми лентами и встали на Садовом кольце. Полиция насчитала 11 тысяч протестующих, сами либералы утверждают, что их было 30 тысяч и что белое кольцо замкнулось. «Отличная акция, очень бодрая, весёлая! Всем спасибо, все молодцы!» — написал популярный блогер.

1 марта стало известно, что либералы ещё раз предали протестное движение. Вместо того чтобы решиться на несанкционированный митинг на Лубянской площади, они согласились собраться 5 марта с 19 до 20 часов у кинотеатра «Пушкинский», на разрешённый властями митинг.

Дед записал в ЖЖ: «Нам придётся отстаивать на Лубянской площади честь российской оппозиции и за себя, и за того парня, который пойдёт, обманутый, за ними».

4 марта Путин получил почти 64% голосов на президентских выборах.

5 марта Дед подъехал к Лубянской площади (ехал, по иронии судьбы, от площади Революции) около 19:20. Там собрались человек семьсот протестующих. Ужасающе мало для огромной, злой страны после выборов тирана.

Дед добрался, облепленный народом, до входа в Малый Черкасский переулок, который через полсотни метров врезается в Большой Черкасский. Там, если повернуть налево, находится здание ЦИК. Вход в Малый Черкасский преграждали несколько шеренг «космонавтов» — полицейских в чёрных шлемах и доспехах. Дед прошёл прямо на них. Назвал себя. Сказал: «Пропустите-ка меня, я иду в Центральную избирательную комиссию, у меня есть вопросы к председателю Чурову. Я кандидат, который не был допущен до выборов».

Если бы с Дедом были хотя бы тысяч пять людей, он бы проломил бы все три шеренги «космонавтов». Но с ним были лишь сотни. «Суки, трусливые жопы, либералы!» — только и успел подумать Дед. К нему уже пробился отряд отборных необычайно крупных омоновцев.

Дед успел снять очки и зажать в руке кепку, перед тем как десятки дюжих рук схватили его, перевели в горизонтальное положение и понесли, как саркофаг с фараоном, к автобусу.

У автобуса его поставили на ноги, пригнули ему голову (чтоб не видели журналисты и сторонники?). Орут, перепуганные, друг другу.

Здоровый («вполне себе симпатичный» — оценил Дед злодея) парень надавил Деду большим пальцем под ухо. Дед получил согнутым в три погибели и с этим твёрдым пальцем, давящим под ухо. «Эх, сынок,— размышлял Дед, вспомнив вдруг сербские войны и всё то оружие, которое он на себе таскал (автомат, пистолет, штук пять гранат)...— Эх, обидчик ты мой, живым бы ты от меня не ушёл, в другой исторической ситуации».

В конце концов появился старый полковник ОМОНа, и Деда втокнули не в автобус, а в полицейский автомобиль и доставили в ОВД «Тверское».

В ОВД Дед узнал от незнакомого задержанного, что на Пушкинской порывистые храбрецы Удальцов, Яшин, Навальный и примкнувший к ним депутат «Справедливой России» Илья Пономарёв в последний момент взялись спасать погибающую честь буржуазии. Удальцов зашёл в заснеженный зимний фонтан и истерично закричал, что предлагает никуда не расходиться, оставаться тут, пока их требования не будут удовлетворены, четвёртой резолюции.

А креативный класс уже пошёл домой. Воспитали за три месяца из разгневанных граждан послушных кроликов с белыми ленточками. Серёжа Удальцов решил палатку ставить. Но всё это уже оперетта, конечно же. С Удальцовым остались считанные люди. А когда его увела полиция, разошлись и они. Короче, буржуазная революция опять не состоялась, закончилась пшиком.

Дед стал размышлять. Удальцов, Навальный, Яшин, конечно же, в последний момент попытались спасти в этом снежном фонтане проект Болотной. Заметь, старый, сказал себе Дед, все эти упрямо бросающиеся в глаза ассоциации: болото, Болотная площадь, «увязнуть в болоте». Фонтан, он ведь и лужа одновременно, потому они там находились в положении «оказаться в луже», «сесть в лужу»...

— Ну не злорадствуй, не злорадствуй, Дед, вспомни неприятные часы, проведённые тобою на площади Революции 10 декабря, когда г-н Немцов, чтоб у него ноги отсохли, выманил протестные массы на Болотную...

Так вот стоят они там в фонтане, представил Дед, а войска последние расходятся от них. Жалко звучит удальцовское: «Я никуда отсюда не уйду!»

— Не уйдёшь, унесут, парень! Меня с Лубянки унесли,— ухмыльнулся Дед,— как саркофаг фараона.

Стоят трое, плюс Илья Пономарёв, отсидел четыре года в Госдуме и ни слова от него не слышали, как мышь был, но властью над массами запахло, и стал активистом. Стоят... Проповедовали три месяца компромисс, проповедовали переговоры с властью, проповедовали уступки, осуждали слишком, по их мнению, радикального Деда и его сторонников, по-деревенски подло замалчивали нас и продолжают замалчивать... И вдруг, под занавес, сообразив, что Путин избран, протестные массы тают, и вдруг эта истерическая сцена в фонтане, противоречащая всему, что они до этого проповедовали и делали. Но никто с ними не остался. А уже поздно, потому что сами приучили за три месяца к покорности и без того нехрабрый свой контингент. Тщательно отталкивали всех пассионариев, делая ставку на светских дам и второсортных деятелей культуры. Пассионариев там, на Пушкинской, 5 марта не было. И толпа ушла. Всё, занавес. Удальцов со товарищи покочевряжились и были увезены по отделениям.

Тут Деду пришла в голову метафора. Граната. Всякая граната, Ф-1, например, грубо говоря, состоит из двух частей. Из детонатора и корпуса, собственно массы, которую взрывает детонатор. Обе части нужны. Одна часть без другой фактически бесполезна, но детонатор, конечно же, важнее и благороднее. Если вывинтить детонатор из корпуса, корпус превращается просто в тяжёлую болванку, ей разве что по голове ударить, и только. Что сделали буржуазные вожди 10 декабря? Уйдя на Болото, приняв тактику сговора с властью, они тем самым отделили детонатор (а в России, что поделаешь, господа либералы, детонатор — это сторонники Деда) от появившейся вдруг массы, от корпуса. Детонатор — «триста спартанцев» — остался на площади Революции. Потому взрыва не последовало.

Эпилог

1

Дед продолжал язвить и калечить противников. Проповеди его в Живом Журнале привлекали все большее внимание и стали неизбежным блюдом в интеллектуальном меню «продвинутой» части российских граждан. Жанр был избран толково. Враги злобствовали, друзья ликовали. И друзей становилось всё больше. Количество посетителей ЖЖ Деда увеличилось в разы, потом — в десятки раз.

«Если бы Ленин действовал сегодня, он бы пользовался ЖЖ», — оправдывал себя Дед.

«Такой великолепный мгновенный способ немедленно донести до публики своё мнение», — так оправдывал себя Дед, доселе презиравший блогеров.

«Никогда не поздно присоединиться к разумному прогрессу», — добавлял он. — ЖЖ увеличивает моё влияние. Делает меня могущественнее».

В стране всё происходило так, как Дед и предсказывал, что будет происходить. После позорного сбора на Пушкинской прошли последующие митинги, которые истерично провели либералы под моральным нажимом Сергея Удальцова. Прошла целая серия всё ещё многочисленных, но всё более бессмысленных митингов. Один из самых глупых состоялся на Новом Арбате, и в резолюции его первым номером значилось освобождение некоего Козлова, осуждённого за мошенничество. Козлова в резолюцию продвинули, что называется «по блату». Ещё с 24 декабря со второго митинга на проспекте Сахарова «кошельком» — финансовым директором и *fond-raiser(om)* либералов сделалась вульгарная Ольга Романова, возникшая чёрт знает откуда. Кто-то её привёл, и вот ради её мужа был организован многотысячный митинг. Точнее, митинг был заявлен либералами как ещё один в серии, начавшейся на Болотной в декабре, а Козлова туда вставили ради Романовой, которая к тому же ещё была в девичестве не Романова. Догадавшись, что это уж слишком, тот митинг на Арбате покинули самые активные тысячи националистов во главе с тем самым Дёмушкиным, который оказался с Дедом на прошлый Новый год ненадолго в камере спецприёмника.

Удальцов, чувствуя, что массы, всё более и более разочарованные, вот-вот перестанут ходить на либеральные сборища, теперь каждый раз пытался продолжить митинг методом «фонтана»: предлагал не расходиться. Но либералы расходились всё равно, а Удальцова задерживали, и он отправлялся в спецприёмник. После митинга на Арбате он с небольшой группой сторонников отправился через Москву, чтобы вручить резолюцию митинга в Администрацию Президента. В какой-то момент Удальцов залез на телефонную будку и пытался произнести речь. Оттуда его и сняли полицейские.

Дед не смеялся над Удальцовым. Инстинкты, благоприобретённые Удальцовым за время пребывания в радикальных некоммунистических организациях, подсказывали тому, что массовый энтузиазм быстро заканчивается, если отсутствуют хотя бы незначительные, но победы. Спасти протестное движение, которое экспроприировали для себя либералы и к которому присоединился Удальцов, исходя из соображений личной политической выгоды, могла только эскалация конфликта с властью. Вот он и лез на рожон. Однако высечь искру не удавалось. Собственная организация Удальцова «Левый фронт» была всё ещё малочисленна для такой задачи. А либералы в массе своей не желали лезть на рожон. Они желали постоять, покричать «Россия без Путина» и разойтись довольными собой. Они упивались самим фактом своего политического пробуждения.

Что удалось Удальцову за весну 2012 года, так это построить себе политическую репутацию. Прежде всего потому, что с либералами распрощался Дед. Всю свою политическую жизнь Удальцов прожил в тени Деда и его партии. Что бы ни сделал Удальцов, вначале как лидер молодежной организации «Трудовой России», названной им АКМ, потом как «координатор» «Левого фронта», всё было повторением, перепевом акций партии Деда. Потомок мощной коммунистической династии, сам Удальцов не обладал ни талантом теоретика, ни искусством оратора (к примеру, он целый год рассказывал на митингах, как выбросил в окно телевизор, чтобы подчеркнуть свою ненависть к «путинскому» телевидению). Из его приёмчиков излюбленным был совершенно бестолковый «прорыв» через полицейскую цепь в конце митингов. «Прорываться» Удальцов начал ещё в конце 90-х, но и войдя в союз с либералами, прыгнув в нишу, оставленную Дедом, он ничего лучшего не надумал, только «прорываться».

Административные задержания и голодовки протеста против административных задержаний сделали Удальцова популярным среди либералов. И левым льстило возвышение одного из них. Ведь после захиревшего в конце концов

лидера «Другой России» Виктора Анпилова у левых не появлялось героев за пределами их родных маленьких партий.

Ощущая новое внимание, Удальцов преобразился. Стал брить голову, носить чёрные куртки типа маоистских, надел чёрные круглые очки. «Революционер, мать его за ногу! — явил Дед среди других. — Персонаж «Матрицы» ...» В «Левом фронте» стали называть своего вождя «Цезарь», иногда — «Нео» — персонаж «Матрицы».

2

6 мая, когда в Москву обыкновенно прилетают первые весенние ветры, либералы создали довольно значительное количество своих сторонников. Собравшись на Калужской площади у метро «Октябрьская», повели их коротким маршрутом по Якиманке к Болотной площади, где заявлен был митинг. И шествие, и митинг были мэрией разрешены.

Дед расхаживал 6 мая из комнаты в комнату и кухню. На кухне сидели охранники: вдруг куда надо будет отправиться срочно. Во дворе стояла машина. Дед внимательно слушал либеральные радио и заглядывал в online трансляцию в Интернете. Маршрут был Деду хорошо известен. В 90-е годы Дед ходил по этому маршруту много раз. Все коммунистические митинги, в которых участвовала партия Деда, традиционно начинались от Калужской площади. Так что топографию местности Дед отлично знал и понимал, что там можно сделать в случае чего.

Конечно же, Большой Каменный мост полиция перекрыла грузовиками и отрядами ОМОН. Последними бы они были идиотами, если бы не перекрыли.

Народ, видимо вдохновлённый весенними ветрами, явился в неожиданно большом количестве. На такое количество полицейские, по-видимому, не рассчитывали, потому огородили на Болотной площади для митинга лишь половину сквера. Впоследствии устроители будут обвинять полицейских в намеренном создании ситуации для беспорядков. Как там было на самом деле, трудно установить. Вероятнее всего, полицейские, отслеживая динамику многочисленности митингов и видя, что численность «болотных» падает, рассчитывали, что 6 мая им хватит для размещения половины сквера. Подозревать, что полиции или власти понадобился вдруг 6 мая конфликт, в то время как с декабря именно конфликта власть избегала, можно, конечно, но вот оснований для этого нет, или есть, но немного. Скорее всего, просто просчитались.

Но дело в том ещё, что в загон на Болотную успели зайти совсем немногие, когда Удальцов, а за ним Немцов, Навальный и Яшин грохнулись по призыву Удальцова на асфальт, не заходя в загон. Произошло это на площади, ближе к Малому Каменному мосту. Дед сам слышал, как Удальцов обречённым голосом призвал сесть на асфальт: «Мы не уйдем отсюда!» — кричал Удальцов всё тем же обречённым голосом человека, преодолевшего страх, но все же продолжающего страшиться. «Предлагаю не расходиться, пока...» В чём, собственно, состоит «пока», Дед не расслышал...

«Решился, — сказал себе Дед. — Сегодня или никогда. Он учёл просчёт, совершённый на Пушкинской, и призвал не расходиться в самом начале митинга, а не в конце, как он обычно призывал. Ну что ж, толково...»

Со сцены на Болотной некий региональный лидер «Солидарности», фамилию Дед не запомнил, призвал людей, уже вошедших в загон, выйти и присоединиться к сидячей забастовке протеста. Люди повалили из загона.

В то же самое время по Малому Каменному мосту продолжали подходить колонны граждан, направлявшихся на митинг. От двух столкнувшихся течений образовалась воронка, грозящая затоптать в прах сидящего Удальцова, Навального и ещё сотню храбрецов.

Им пришлось встать. Лидеры ломанулись в загон на Болотной, где их и задержали полицейские.

А в это время по территории площади перед сквером между выездом на Большой Каменный мост и Малым Каменным начались спорадические столкновения протестующих и полиции.

«Понеслась душа в рай», — прокомментировал ситуацию Дед.

По лицам охранников Дед увидел, что они сожалеют о том, что не находятся сейчас на площади у Болотного сквера.

По радио «Эхо Москвы», сидя в ресторане «Рис и рыба» на втором высоком этаже, откуда поле битвы было отлично видимо, многодетная мать, честная журналистка Тоня Самсонова честно комментировала события. С её этажа получалось, что протестующие не гнушались нападениями на полицейских на Большом Каменном мосту. В последующие дни самое умное в Москве радио быстренько спрятало куда-то первые впечатления, прямой эфир честной Тони Самсоновой, с поля битвы. А потом она вообще уехала в командировку в Англию. «Её спрятали!» — догадался Дед.

Дед, надо сказать, был всецело на стороне протестующих в этот день. «Давно бы так», — бормотал он. Однако предвидел поражение. И прежде всего потому, что там, на месте, не было его партийцев. Только они, яростная, сплочённая, бесстрашная группа, могли бы переломить ситуацию и личным примером ввести людей в невменяемое состояние «амок», в боевой транс.

День кое-как закончился. Лидеров закрыли. Народ потоптался ещё в этом районе, пробуя противостоять полиции. Последними к ночи были вытеснены к метро «Третьяковская» остатки протестующих: сотня анархистов.

— *Finita la comedia!* — сказал Дед охранникам. — Больше ничего не будет. Можете разъезжаться по домам.

Не особо довольные, но и не очень расстроенные, охранники повиновались. И дали отбой своим разведчикам в районе Болотной, наблюдавшим ситуацию.

3

Затем волнения либералов приняли странные формы. Они стояли лагерем на Чистых прудах и ежедневно гудели там, обмениваясь новостями и мнениями. Всё это, в подражание западным акциям «Оккупай Уолл-Стрит», называлось «Оккупай Абай!», потому что происходило рядом с бюстом казахского акына Абая, ведь на Чистых прудах располагалось напротив посольство Казахстана.

Кто-то притащил палатки. Стали собирать деньги на питание, варить еду, читать лекции. Некоторые националисты взялись охранять образовавшийся лагерь. Ну конечно, не от милиции, но от алкоголиков, пьяниц и политических противников. «Нацики пошли в услужение к либералам. Надо же!» — хмыкнул Дед.

Полицейские с интересом поглядывали на творящееся за спиной памятника Грибоедову «чёрт знает что». Но приказа убрать всё это безобразие не было, и полиция терпела. Ни одна сторона не переходила в наступление. Полицейские, как уже стало понятно, не переходили, поскольку не было приказа. А либералы-хипстеры, девочки и мальчики, потому, что считали своё количество недостаточным ещё. Дед морщился, досадуя, что они не понимают: «и пятьсот человек могут добиться многого, если эти люди решительны, целеустремлённы, храбры и мужественны», знал Дед. Белоленточные ждут, когда их будет миллион, даже свои демонстрации они стали называть «маршами миллионов». На самом деле даже если их соберётся когда-нибудь миллион, что маловероятно, таких вот нерешительных сибаритов, то в наступление они всё равно не перейдут, так и будут переминаться с ноги на ногу. «Коммунисты из КПРФ уже двадцать лет строят свою стратегию, надеясь, что когда-то им достанется от народа вся Государственная Дума, все депутатские места, и вот тогда они себя покажут».

Дед абсолютно уверен, что, даже имея абсолютное большинство в Государственной Думе, дрессированная «партия профессоров» (потому что в ней состоят множества преподавателей вузов) прыгать не станет. Как блохи, которых накрыли стаканом, вначале они прыгают, но, ударяясь о стенки стакана, скоро

убеждаются в бесполезности попыток убежать. Когда стакан снимают, блохи не прыгают, потеряли волю к прыганию.

Сам Дед никогда не проделывал такого опыта. За всю его жизнь он лишь однажды имел дело с этими насекомыми, точнее с их разновидностью, с окопной вошью. Дед привёз вшей с войны в Боснии в 1992 году. По прибытии в Paris у него стал жутко чесаться лобок. Он посмотрел свой лобок, а потом лобок Наташки. Ничего не обнаружил.

Дед развеселился, вспоминая этот эпизод своей непутёвой жизни. Он тогда обвинил в чешущемся лобке подругу Наташку. «Это crabs! Ты подцепила без меня crabs! Ты, б..., таскалась тут без меня!» — матерился молодой темноволосый парень, которого позже стали называть Дедом. Он долго был парнем, чтобы потом сразу стать Дедом.

— Сам ты! — хмуро защищалась Наташка.

Он всё же заставил её отправиться к доктору.

— Эх ты, ...удак! — закричала Наташка, едва войдя в дверь, когда возвратилась. — Ты привез с войны окопную вошь! Вшивый ...удак! Доктор спросил меня с удивлением: «Где вы подхватили этих насекомых? Во Франции окопная вошь не встречается с 1918 года». Он прописал нам мазь. Будем мазаться.

Они стали хохотать.

Власть в случае с оккупай-абаевскими хипстерами проявила отеческое терпение, не став их тащить-волочить, понаблюдала за ними, и начала посылать на Чистопрудный бульвар одну за другой комиссии. Пожарные в данном случае не оченьгодились для того, чтобы запретить сборища. А вот хитроглазые и лукавые доктора из санэпидемстанции оказались в самый раз. Несколько комиссий из мэрии оценили санитарное состояние бульвара как чрезвычайно опасное. В дополнение к вердикту врачей свои жалобы, и искренние, и надуманные, принесли в мэрию и полицию жильцы. Вся эта кампания давления в один прекрасный день закончилась постановлением мэрии о выселении. Полицейские, имея на руках приказ, вежливо вытеснили современных мальчиков и девочек, гордых своей прогрессивной борьбой (жевание бутербродов и ночи в спальнях мешках на грязном газоне) против «кровавого режима».

Выдавленные с Чистых прудов хипстеры перетекли в сквер на площадь Восстания. Как раз в это время телеканал «Дождь», уязвлённый враждебной позицией Деда по отношению к белоленточникам, вызвал Деда к себе на передачу с телеведущей Собчак, дочерью ныне покойного известного либерала, крёстным отцом её был глава государства. Дед пошёл, он любил посещать логова врагов.

— Почему вы не участвуете в акциях всенародного протеста? Мы вас очень любим. После эфира я еду в лагерь на площадь Восстания. Давайте вы поедете со мной?

Дед смотрел на Собчак, девушку с расшлёпанными губами, и насмешливо улыбался.

— Ну как мне доказать, что мы вас любим? — проныла Собчак.

Дед выставил ногу в её направлении и указал на свой чёрный ботинок.

— Целуй ботинок, — сказал Дед.

— Что?

— Ботинок целуй!

Дальше Дед сообщил ведущей, что пули её папы летели в него, в Деда, когда либералы в 1993-м расстреливали здание Верховного Совета.

Кончилась же передача тем, что ведущая подарила ему книгу Максима Горького. Это был её фирменный жест, всем своим приглашённым она дарила в конце передачи книги. Дед понял её, она считала Горького устаревшим советским писателем, дура.

— А вы знаете, кому подражал Горький, кто был его кумиром? Подсказка: Горький даже усы носил точно такие же нестриженные, закрывающие рот, и поселился там, где жил когда-то его кумир.

У ведущей оказался кругозор пэтэушницы, то есть ученицы профессионально-технического училища. Она сделала вид, что не поняла вопроса.

— Хорошо. Ещё подсказка. У этого кумира есть афоризм «Стройте свой дом у подножья вулкана».

— Вам нравится Горький?— спросила она.

— Горький был известным всему миру писателем. А кумиром его был Фридрих Ницше. «Стройте свой дом у подножья вулкана», потому что Ницше поселился в Сорренто, у подножия Везувия. Там же жил и Горький,— выдохнул Дед и ушёл в сопровождении охранников. Они-то читали и Горького, и Ницше.

4

Из сквера на Восстания их изгнали тем же методом. Делегация чиновников мэрии, полицейских, санэпидемстанции. И до свиданья. К утру однажды вежливо вытеснили всех к метро.

Они попробовали вернуться на Чистые Пруды. Не тут-то было...

Между тем по событиям 6 мая было возбуждено уголовное дело.

И одного за другим стали арестовывать наиболее засветившихся на видео- и фотоносителях (это на полицейском языке) активистов. Постепенно надёргали 27 человек или 28, смотря как считать. Следствием занялся следственный комитет под начальством генерала Бастрыкина.

В октябре Дед находился по делам в Петербурге. Сидя перед огромным экраном телевизора в обширной квартире молодого Андрея, того самого, что был на площади Революции среди трёх сотен спартанцев, Дед приготовился смотреть фильм НТВ «Анатомия протеста». С ними ещё сидел и адвокат Беляк. И охранники Деда. Дед пил виски, и смотрел на часы, так как должен был встретиться с Фифи, она также приехала в Петербург, но отдельно.

То, что они увидели, превзошло все ожидания по градусам скандальности. Сам фильм НТВ, да чёрт с ним, он не впечатлил Деда, обыкновенные приёмы осквернения образа врага, но в фильм была врезана оперативная съёмка!

Кто снимал, не столь важно. Но съёмка оперативная. Действующие лица: с одной стороны, Сергей Удальцов и его товарищи по «Левому фронту», а с другой — депутат Грузинского парламента, глава комиссии по безопасности некий Гиви Таргамадзе,— действующие лица обсуждали свои планы! И какие планы!

Стороннему уху звучало всё это гротескно. Удальцов, дурень, распустил язык и обещал жирному рыхлому Таргамадзе совершить на территории России ряд действий, который любой судья признает преступными.

На основании этой оперативной съёмки, якобы журналисту НТВ её вручил подошедший к нему на улице неизвестный, Следственный комитет возбудил уголовное дело по двум статьям: организация массовых беспорядков 6 мая на Болотной площади и подготовка массовых беспорядков, которые должны были состояться осенью.

— Да!..— сказал задумчиво адвокат Беляк.— Тут в наличии целый букет статей. Вплоть до измены Родине можно предъявить.

Дед улыбался. Не от радости, он улыбался растерянно. Потому что Удальцов влип. Дед никогда не соперничал с Удальцовым, ещё чего! Сергей, по глубокому убеждению Деда, даже офицером не смог бы стать, так — старший сержант по сути своей. И всё же так вот бездарно влип... Вполне возможно, он поддакивал грузину только для того, чтобы получить финансирование для своей политической организации и ничего на самом деле осуществлять не собирался. Но грузин-то не был продавцом «Саперави», или «Гурджаани», или воды «Боржомии». Грузин был известен как организатор цветных революций и имел официальный статус председателя комитета парламента по безопасности.

Адвокат Беляк и Дед совместно пришли к выводу, что Удальцова вскоре закроют и сядет он ой как надолго!

Однако власть не торопилась закрывать Удальцова. Дед догадался, что они хотят, чтобы Удальцов скрылся. Так им будет удобнее. Удальцов в бегах для них был бы лучше, чем Удальцов в тюремной камере.

Удальцов не скрылся. Но они нашли выход. В феврале они заточили его под домашний арест. «Вот хитрецы! Вот асы своего дела!» — восхищался Дед. Сидя в тюрьме, Удальцов бы стал героем. А так он сидит, заточённый в доме, картошечку уронил на спортивные штаны, курочка подгорела... всё прозаично и безгероично...

Удальцова постепенно забыли. До такой степени, что когда через год после его заточения под домашний арест его стали судить, то никто уже особенно этим процессом не интересовался. Ни шатко ни валко, процесс идёт себе. Зал пуст, либералам судьба Удальцова безразлична. Поговаривают, что дадут Удальцову и его заместителю Развозжаеву от восьми до десяти лет. Основания для таких сроков есть. Так называемое «Болотное дело» следователи умно дифференцировали. Где-то половину подсудимых амнистировали, а вот восьмерым рядовым участникам впаяли срока от 2,5 года до 4,5. Ну, и что, Удальцову не дадут вдвое больше? Да как пить дать дадут!

5

Навальный. Второй выделившийся на Болотных митингах вождь белоленточников Навальный прожил свою особую судьбу. Ту, которую ему уготовили Следственный комитет и власть.

Его не стали привлекать за то, что сел на асфальт на Болотной, хотя могли бы.

Власть пошла другим путём. Его стали судить за мошенничество. В бытность свою советником губернатора Кировской бедной области Никиты Белых, Навальный, по версии следствия, мошеннически сговорившись с бизнесменом Офицеровым (компания «Кировлес»), якобы похитил у государства 16, что ли, миллионов рублей. Провёл махинации с лесом.

Долго ли, коротко ли, судят его, значит, в Кировской области. Предчувствуя, что добром суд не закончится, Навальный заявляет, что будет кандидатом в президенты, желая этим кандидатством защититься, как щитом. Чтобы иметь возможность закричать истошно: «Меня преследуют политические противники!»

Однако либо он сам, либо его окружение справедливо указывают ему, что выборы президента состоятся только в 2018 году. Бессмысленно таким образом прикрываться кандидатством в президенты. Не работает.

Тогда Навальный заявляет, что хочет быть кандидатом в мэры города Москвы. Это всё — жесты отчаяния. У него нет на момент заявления никаких шансов быть зарегистрированным кандидатом. Он хочет хоть как-то прикрыться.

В это время свой план для него зреет на вершинах власти. В Администрации Президента взвешивают, прикидывают, прежде чем начать действовать.

Мыслят они так. Несмотря на то, что Болотное дело слушается в суде, или даже по этой самой причине, рассерженные горожане всё никак не успокоятся, считают себя обделёнными. Нужно бы как-то перевести их деструктивную энергию в мирное русло. Нужно, чтобы они занялись выборами, это хорошо бы было, понимая, что их допустили участвовать, они бы заткнулись и перестали ходить по улицам. Вреда от них немного, но нехорошее настроение в городе. Чтоб они пошли на выборы, им нужен их кандидат, ради которого они пойдут на выборы.

— А как вам Навальный?

— Навальный?... А что, отличная идея!

— Только выборы ещё далеко, его за это время осудят...

— Так передвинем выборы! Где у нас Сергей Семёнович Собянин? На какой кнопке... Сергей Семёныч?

Вот как оно было. Скрепя сердце, Собянин соглашается с доводами власти. Выборы назначают на осень 2013-го. Но в процессе осуществления замысла возникает серьёзная проблема. Чтобы выдвинуть Навального кандидатом, нужны подписи 101 муниципального депутата. Он и половины не наберёт, поскольку большинство депутатов избраны от «Единой России», которую Навальный иначе как Партией Жуликов и Воров не называет.

Выход находят. Эксцентричный и вопиюще недемократический византийский ход.

Собянин обращается к муниципальным депутатам с просьбой поставить свои подписи за выдвижение кандидатуры Навального.

Навальный делает вид, что для него это неприемлемо. Сутки или двое суток делает вид. Затем соглашается. Кто бы сомневался!

Ему во что бы то ни стало нужно избежать заключения.

Более пятидесяти муниципальных депутатов Москвы отдают свои подписи за выдвижение Навального.

18 июля 2013-го Московская избирательная комиссия регистрирует Навального кандидатом в мэры Москвы. Он хвастливо демонстрирует СМИ своё кандидатское удостоверение. Улыбочка до ушей. Нос лоснится. На 19 июля удобно назначено оглашение приговора в суде города Кирова.

Навальный прибывает в суд в отличном расположении духа. Без вещей.

Немцов перед началом заседания сообщает, что поедет обратно с Навальным в одном купе.

И вдруг! Судья приговаривает Навального к 5 годам лишения свободы и его берут под стражу в зале суда. Отвозят в СИЗО.

А в это время в Москве по социальным сетям распространяется срочный призыв: «Все на Манежную! Протестовать против жестокого приговора Навальному!»

Дальше происходят совсем странные вещи, если не понимать, что всё это было организовано властью.

Манежная закрыта полицейскими заграждениями. Но прибывающим рассерженным горожанам освободили и Тверскую улицу на пересечении с Охотным Рядом и, более того, от здания Государственной Думы на Охотном Ряду удалили и сотрудников ФСО, и полицейских. Рассерженные горожане безнаказанно залили собой Тверскую и Охотный Ряд. И кричат, и беснуются вдоволь. Некоторые по двое, по трое взобрались в ниши окон первого этажа Госдумы и кричат оттуда.

Понимая, что у нас в РФ, если власть хочет, то муха не пролетает, можно сделать неизбежный вывод: всё было сделано для того, чтобы гражданам было удобно митинговать.

В Кирове между тем, сразу после того как Навального увезли в СИЗО, прокурор, тот самый, что требовал сурового наказания Навальному, подаёт жалобу на приговор.

Эту жалобу немедленно принимает областной суд, и рассмотрение назначено на следующий день, в полдень! Это при том, что никогда в практике российских судов подобные жалобы так быстро не рассматривались. Никогда! Нет примеров.

Собравшиеся у здания Госдумы, до которых весть о назначенном на завтра заседании облсуда доходит уже чуть ли не к полуночи, радостно присваивают себе заслугу. Забыв, а может, не желая помнить о странной жалобе прокурора.

Выкрикивают свои обычные глупости: «Когда мы едины — мы непобедимы!» и всё такое прочее. Приятно думать, что это общество заставило власть попятиться.

В 12 часов на следующий день областной суд освобождает Навального в зале суда! За целые века существования судов в России история не припомнит случая, чтобы человек, вчера осуждённый, пробыл за решёткой ночь и был освобождён.

Освобождён он вот каким образом: решение суда отменено, но дата нового рассмотрения не назначена, чтобы Навальный участвовал в выборах.

Почему его заставили пройти через испытание, заставили провести ночь в СИЗО в тяжёлых думах?

А чтобы напугать, чтобы был послушным.

Навальный провёл свою избирательную кампанию блестяще. Его штаб показал себя выше всяких похвал. Своей сверхсовременной кампанией Навальный поставил планку очень высоко. Посрамил допотопную российскую избирательную машину. Он был так эффективен, что набрал свыше 27% голосов избирателей. Правда, следует учесть одно разочаровывающее обстоятельство. На выборы в Москве всё равно не пришли 68% зарегистрированных избирателей. И второе обстоятельство: кампанию Навального обильно финансировали российские олигархи, отворачивающиеся от ВВП. Не торопясь, уже чуть ли не через месяц после выборов, Навальному, наконец, отдали обещанную награду. Кировский областной суд, пересмотрев его дело, назначил ему условное наказание. Те же пять лет, но условно.

А дальше ему стали мстить за то, что он увлёкся и взял на выборах слишком много процентов голосов. Его второе уголовное дело, о хищениях при перевозке грузов и бумаг для компании «Ив Роше», не спеша поехало на судебном конвейере.

Осуждённый условно, он не стал соблюдать режим условно осуждённого и отпущенного под подписку по делу «Ив Роше». Как он был неряшлив в ведении своих бизнесов до того, как пошёл в политику, так и стал неряшливым в политике. В результате, задержанный за административные правонарушения, он был отправлен под домашний арест.

*Растёт, цветёт алыча
Не для Алексей Анатольича!..*

— пропел Дед. И добавил: «Спёкса парень! Спи спокойно, дорогой товарищ».

6

В июле в разгар кампании Навального обнаружили в закрытой квартире на проспекте Мира разложившееся тело адвоката Тарасова. Гордый офицер, обнаружив, что у него рак, вначале пытался лечиться втайне от друзей и знакомых, а потом закрылся и умер. Не хотел, чтобы его видели больным.

Дед приехал в крематорий и отстоял, вместе со всеми явившимися, церемонию от начала до конца. В конце за стеклянными стенами похоронного зала вышли милиционеры с винтовками и произвели нужные почётные залпы. Тарасова провожали в закрытом гробу.

В августе зatih в больнице товарищ Деда Константин Косякин. Тоже рак. В морге Боткинской больницы лежал незнакомый, как изуродованный компрачикосами, труп, с огромным ртом и лакированным усохшим лицом. Деду немного страшно стало. Косякина явились провожать левые. Даже растянули у его гроба красное знамя.

Дед был, сказал сентиментальные тёплые слова. Перед тем как состоялось прощание, у морга скапливались и ждали пришедшие попрощаться. Пришла жена Удальцова, изначально она принадлежала к нацболам, потом нашла себе Сергея и сделалась пресс-секретарём его партии. Пока ждал допуска к телу, Дед стоял, заслонённый охранниками, в чёрном костюме, белой рубашке с чёрным галстуком, и вдыхал запахи парка, разбитого у стен морга. Пахло хорошо, мокрыми цветами, землёй, спокойствием.

«Костя, эх, Костя,— думал Дед,— пожил бы ты ещё. А то теперь я один остался из символов Триумфальной... Старуха Алексеева предала, ты умер, теперь мне одному отдуваться». Дед вспомнил, как они несколько лет подряд судились с мэрией и всегда присутствовали: Дед, Косякин, Алексеева и Тарасов. И обязательно охранники Деда. «Два out,— хладнокровно подумал Дед.— Кто следующий? Если по возрасту, то следующей должна быть Алексеева. А если не по возрасту, а как придётся, тогда — судья»,— нашёлся Дед.

«Между тем», или «тем временем», или «в конце концов», Дед победил. Он восторжествовал. Дед сидит и читает статью о себе.

Некий Валерий Федотов на сайте «РосБалт.ru» так написал в статье «На Болотной победил Дед»:

«Дед всё-таки гениальный политик, давайте это признаем».

«Я не могу не признать, что он является одновременно и тактиком, и стратегом, и «вождём» (пусть и в плохом смысле этого слова)». (...)

«Именно Дед был либо автором, либо идейным вдохновителем, либо одним из рулевых почти всех проектов нулевых — от «маршей несогласных» до «Национальной Ассамблеи». Именно Дед создал «Стратегию-31» — провозвестника Болотной, главную оппозиционную движуху медвежьих времен, ставшую настоящим жупелом для власти. По его словам, у него эту стратегию потом «украли». И тут не поспоришь, да, украли. Задвинули эксцентричного и одиозного Деда подальше, чтобы лишний раз не раздражать ни власть, ни либеральный актив».

— Всё так,— одобрил Дед.— Посмотрим, что ты дальше навалял.

«После выборов 2011 года он звал всех на площадь Революции — делать революцию. Но оппозиция пошла на компромисс с властью, вышла на Болотную, чем, по версии Деда, и «слила» протест. Точнее, сама пресекла революционный сценарий, выбрав стагнационный».

Но даже и в этом случае Дед поступил дальновиднее многих. И, в конечном счёте, может стать главным выгодополучателем. С его стороны это цинично, грязно, но, боюсь, действительно. А он, как политик и «сам себе артпроект», явно нацелен на результат».

«Сами посудите. После первой Болотной Дед начал обкладывать всех заметных людей в оппозиции такими матюгами, такой злобной и едкой критикой, что перекрестились даже неверующие. В силу таланта и, я думаю, искренности, он был в этом деле гораздо эффективнее, чем платные кремлёвские пропагандисты. В них не было ни искры, ни мощи. А у Деда — полно».

Более того, он откровенно поддержал самые одиозные и тошнотворные проекты власти того времени, включая антисиротский закон. Его даже стали активно цитировать по госканалам. (...)

При этом — заметьте — про власть он ни единого хорошего слова не сказал. Всем показывал: как ненавидел её, так и ненавижу.

Расчётливая и циничная ставка нашего писателя понятна. Очень многие уже успели разочароваться и в лидерах Болотной, и в тактике санкционированного стояния на площадях. Многие вопиют: «Кто слил протест?» и с сожалением добавляют: «Лучше бы мы тогда пошли на площадь Революции». Протестанты радикализируются, власть закручивает гайки, в Сети откровенно пахнет «второй гражданской» — и вот тут-то и появляется Дед. Весь в белом, но с серпом и молотом на рукаве.

Кто предупредил вас, что ваши новые лидеры соглашатели и ничтожества? Дед! Кто предлагал ковать железо, пока горячо, и свергать режим ещё в декабре 2011-го? Дед! Кто был жёстким оппонентом и чуть ли не личным врагом Путина все эти годы? Дед! Кто предупреждал, что Болотная — это болото? Дед! Даже те, кто в декабре 2011-го считал революцию чрезмерной мерой, крикнули: «Дед!» И он начнёт снимать сливки. Это в лучшем случае. В худшем возможно вообще что угодно. Если для него политика — артпроект, а люди — щепки, он вообще ни перед чем не остановится.

Помните фразу: «Революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а пользуются её плодами негодяи»? Дед и романтик, и фанатик, и негодяй в одном лице. При этом — один из умнейших людей в нашей оппозиции.

Конечно, лично я очень надеюсь, что у Деда ничего не получится. Но с каждым новым градусом противостояния власти и недовольных шансы на его итоговый успех повышаются».

— Всё верно, Валера!— сказал Дед статье, так как в комнате никого больше не было.— Ещё существует такой феномен, как «удача», в мужском роде это «случай». Иногда он не приходит десятилетиями, но вдруг появляется. Его, по всей вероятности, возможно вычислить путём сложнейших расчётов. Пока это никому не удавалось. Мне, Валера, не хватает только удачи. Но она вот-вот появится.

Самое умное — жить долго.

— Всех порву!— неожиданно сказал Дед. И посмотрел на себя в зеркало.
Из зеркала на него взглянул очень серьёзный, хотя и старый человек. С таким лучше на тёмной улице не встречаться. Колдун, бес какой-то, да и только.

Эдуард Лимонов